К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, В. И. ЛЕНИН

О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, В. И. ЛЕНИН О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, В. И. ЛЕНИН

О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1971

3К4
М27

Составитель К. Н. СВАНИДЗЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сто лет, отделяющие наше время от Парижской Коммуны, неузнаваемо преобразили мир. Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец безраздельному господству капитализма, всколыхнула гигантскую социальную энергию народных масс, необычайно ускорила всемирно-исторический процесс крушения буржуазного общества и замены его новым общественным строем — социализмом. Ныне магистральный путь человечества определяется успехами социалистического содружества, классовой борьбой трудящихся в странах капитала, широчайшим движением народов бывшего колониального мира за национальное и социальное освобождение.

Парижская Коммуна, провозглашенная 18 марта 1871 г., стояла у истоков этих величайших общественных преобразований. Она просуществовала всего 72 дня и пала под натиском превосходящих сил буржуазной контрреволюции. Но каждый день Коммуны был насыщен революционным творчеством масс, каждый ее час обогащал международный пролетариат бесценным опытом классовой борьбы.

Известно, с каким огромным вниманием следили Карл Маркс и Фридрих Энгельс за героической борьбой коммунаров. Видя в Коммуне «духовное детище Интернационала», вожди международного пролетариата стремились помочь революционному Парижу как непосредственными советами, так и организацией широкого движения рабочих в поддержку коммунаров, разоблачением версальских палачей и контрреволюционного сговора буржуазии различных стран.

К. Маркс был первым историком и летописцем Парижской Коммуны. Его произведение «Гражданская война во Франции» служит образцом глубокого проникновения в

смысл событий, научного анализа и обобщения опыта революционных боев парижского пролетариата. Маркс раскрыл всемирно-историческое значение Коммуны, показав, что она представляла собой первый опыт диктатуры пролетариата, прообраз государства нового типа. Как отмечал В. И. Ленин, сделано это было «глубоко, метко, блестяще и *действенно*, революционно» [1].

И позднее Маркс и Энгельс неоднократно возвращались к анализу политических и социальных мероприятий Коммуны, ее классового содержания, подчеркивая теоретическую и практическую ценность уроков 1871 года для рабочего движения всех стран.

Революционная практика Парижской Коммуны подтвердила гениальные мысли Маркса о необходимости слома в ходе пролетарской революции государственной машины буржуазии и об исторической закономерности диктатуры пролетариата как обязательном условии преобразования капиталистического общества в социалистическое.

Стремясь вооружить международное пролетарское движение опытом Парижской Коммуны, Маркс и Энгельс в своих трудах анализировали не только сильные, но и слабые ее стороны, серьезные ошибки, явившиеся следствием политической разнородности и незрелости коммунаров, учили рабочий класс извлекать уроки из поражений.

Огромное и непреходящее значение имеет в этой связи подтверждение опытом Коммуны принципиально важного марксистского положения о том, что победоносный исход освободительной борьбы рабочего класса невозможен без самостоятельной политической партии пролетариата, вооруженной передовой революционной теорией. По предложению Маркса и Энгельса это положение было записано в резолюции Лондонской конференции Международного Товарищества Рабочих 1871 г. «О политическом действии рабочего класса».

После смерти великих основоположников научного коммунизма оппортунистические лидеры II Интернационала старались замолчать, перечеркнуть революционные традиции Парижской Коммуны. Но ее знамя было высоко поднято большевиками России, а затем и марксистско-ленинскими партиями других стран.

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 49.

В. И. Ленин, часто обращавшийся в своих трудах к опыту международной революционной борьбы, особенно подчеркивал значение уроков Коммуны. «На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении»[1], — писал Владимир Ильич в 1905 году.

Отстаивая в борьбе с оппортунизмом революционную душу марксистского учения, развивая его применительно к эпохе империализма, В. И. Ленин глубоко и всесторонне осмысливает опыт парижских коммунаров для разработки таких кардинальных проблем пролетарского движения, как отношение к буржуазному государству, характер и задачи диктатуры пролетариата, необходимость революционной партии нового типа, союз рабочего класса и крестьянства и другие. Образцом такого анализа служит классический труд В. И. Ленина «Государство и революция», в котором он сформулировал задачи пролетариата в вопросе о государстве, опираясь на обобщение опыта Парижской Коммуны и первой русской революции 1905—1907 гг.

Важнейшие теоретические построения, глубокие мысли, практические рекомендации революционному движению, навеянные героической борьбой трудового Парижа в 1871 году, содержатся и во многих других ленинских работах.

Великие вожди международного пролетариата сделали исторический опыт Парижской Коммуны достоянием мирового рабочего и коммунистического движения.

Революционные силы современности высоко чтят бессмертный подвиг коммунаров, прозвучавший первым громом пролетарской революции.

* * *

В настоящий сборник включены целиком или в извлечениях основные произведения, статьи, письма и выступления К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, посвященные истории, значению и урокам Парижской Коммуны.

Сборник состоит из двух частей. Первый раздел знакомит читателя с соответствующими работами, высказываниями, оценками Маркса и Энгельса.

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 156.

Особое место в нем занимает «Гражданская война во Франции» (см. сборник, стр. 9—66) — произведение, написанное Марксом по горячим следам событий. «Наброски «Гражданской войны во Франции»», важнейшие выдержки из которых включены в данное издание, содержат ценные дополнения и разъяснения по таким вопросам, как диктатура пролетариата, характер Коммуны, ее социальные мероприятия и др.

В сборнике помещены также статьи и речи Маркса и Энгельса, в которых дается как общая оценка Парижской Коммуны, так и анализ различных сторон ее деятельности.

Большой интерес представляют и письма основоположников научного коммунизма различным корреспондентам в апреле — июне 1871 года, в частности, широко известные письма Маркса Кугельману от 12 и 17 апреля (см. сборник, стр. 94—96).

Вторая часть сборника содержит произведения В. И. Ленина.

Огромную ценность для понимания международного значения Парижской Коммуны, характера и задач пролетарского государства представляет работа Владимира Ильича «Государство и революция» (в сборнике помещены III, IV и VI главы), вошедшая в золотой фонд марксистской классики (см. стр. 212 - 275 сборника).

Здесь же публикуются знаменитые Апрельские тезисы («О задачах пролетариата в данной революции»), в которых В. И. Ленин, противопоставляя Республику Советов буржуазной парламентарной системе, выдвигает в качестве одной из важнейших задач партии требование «государства-коммуны», т. е. «такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна»[1]. Читатель найдет в этом разделе и ряд статей, специально посвященных Коммуне, — «Уроки Коммуны», «Памяти Коммуны» (стр. 168—171; 173—177 сборника), а также извлечения из многих ленинских произведений о значении опыта Парижской Коммуны в связи с задачами освободительной борьбы рабочего класса.

Сборник поможет читателю в изучении одной из самых ярких страниц революционной истории.

---

[1] Стр. 195 сборника.

К. МАРКС
Ф. ЭНГЕЛЬС

К. МАРКС

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ

ВОЗЗВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ[1]

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ТОВАРИЩЕСТВА В ЕВРОПЕ И СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

I

4 сентября 1870 г., когда парижские рабочие провозгласили республику, которую почти тотчас же единодушно приветствовала вся Франция, шайка адвокатов-карьеристов — государственным деятелем ее был Тьер, а генералом был Трошю — завладела городской ратушей. Эти люди были настолько полны тогда фанатической веры в призвание Парижа быть представителем Франции во все времена исторических кризисов, что для оправдания узурпированного ими титула правителей Франции они считали совершенно достаточным предъявить свои потерявшие

---

[1] «Гражданская война во Франции» — одно из важнейших произведений научного коммунизма, в котором на основе опыта Парижской Коммуны получили дальнейшее развитие основные положения марксистского учения о классовой борьбе, государстве, революции и диктатуре пролетариата. Написано как воззвание Генерального Совета Интернационала ко всем членам Товарищества в Европе и Соединенных Штатах. В 1905 г. «Гражданская война во Франции» вышла на русском языке под редакцией В. И. Ленина в переводе с немецкого издания 1891 г. (издательство «Буревестник», Одесса). В. И. Ленин, редактируя перевод «Гражданской войны во Франции», внес в текст точную экономическую и политическую терминологию, устранил многочисленные искажения и неточности предыдущего издания 1905 г., восстановил те места текста, которые в предыдущем издании были выпущены царской цензурой. Особенно большие изменения В. И. Ленин внес при редактировании перевода III главы «Гражданской войны во Франции». В дальнейшем В. И. Ленин сделал новые переводы на русский язык многих мест из «Гражданской войны во Франции» (с немецких изданий 1876 и 1891 гг.), которые цитируются в его труде «Государство и революция» и в ряде других произведений. *Ред.*

уже силу мандаты парижских депутатов. В нашем втором воззвании по поводу последней войны, спустя пять дней после возвышения этих людей, мы объяснили вам, кто они такие[1]. Но Париж, захваченный врасплох, когда действительные вожди рабочих еще были заперты в бонапартовских тюрьмах, а пруссаки уже быстро шли на него, позволил этим людям присвоить себе власть с непременным условием, чтобы они пользовались этой властью исключительно для целей национальной обороны. Защищать Париж можно было, только вооружив его рабочих, образовав из них действительную военную силу, научив их военному искусству на самой войне. Но вооружить Париж значило вооружить революцию. Победа Парижа над прусским агрессором была бы победой французского рабочего над французским капиталистом и его государственными паразитами. Вынужденное выбирать между национальным долгом и классовыми интересами, правительство национальной обороны не колебалось ни минуты — оно превратилось в правительство национальной измены.

Прежде всего оно отправило Тьера в странствование по всем европейским дворам выпрашивать у них, как милостыню, посредничество, предлагая за это променять республику на короля. Четыре месяца спустя после начала осады Парижа оно сочло, что настал подходящий момент завести речь о капитуляции: Трошю в присутствии Жюля Фавра и других своих коллег обратился к собравшимся парижским мэрам со следующими словами:

«Первый вопрос, который задали мне мои коллеги вечером же 4 сентября, был таков: имеет ли Париж какие-нибудь шансы успешно выдержать осаду прусской армии? Я, не колеблясь, ответил отрицательно. Некоторые из присутствующих здесь моих коллег подтвердят, что я говорю правду и что я постоянно придерживался этого мнения. Я сказал им точно то же, что говорю теперь: при настоящем положении дел попытка Парижа выдержать осаду прусской армии была бы безумием. Несомненно, геройским безумием,— прибавил я, — но все-таки не больше, как безумием... События» (он сам ими управлял) «подтвердили мои предсказания».

Эту прелестную маленькую речь Трошю один из присутствовавших мэров, г-н Корбон, впоследствии опубликовал.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 17, стр. 280. *Ред.*

Итак, уже вечером в день провозглашения республики коллеги Трошю знали, что «план» его состоит в капитуляции Парижа. Если бы национальная оборона не была только предлогом для личного господства Тьера, Фавра и К°, то выскочки 4 сентября сложили бы уже 5-го свою власть, сообщили бы «план» Трошю парижскому населению и предложили бы ему или немедленно сдаться, или взять свою судьбу в собственные руки. Вместо этого бесчестные обманщики решили излечить Париж от геройского безумия голодом и кровью, а пока что водили его за нос своими напыщенными манифестами. Трошю, «губернатор Парижа, никогда не капитулирует», — писалось в этих манифестах, — министр иностранных дел Жюль Фавр «не уступит ни одной пяди нашей земли, ни одного камня наших крепостей». А в письме к Гамбетте этот же самый Жюль Фавр признавался, что они «обороняются» не от прусских солдат, а от парижских рабочих. Бонапартистские разбойники, которым предусмотрительный Трошю поручил командование Парижской армией, нагло глумились в своей частной переписке в продолжение всей осады над этой, с позволения сказать, обороной, тайну которой они хорошо знали (смотрите, например, опубликованное в «Journal Officiel» Коммуны письмо командующего артиллерией Парижской армии, кавалера большого креста ордена Почетного легиона, Адольфа Симона Гио к артиллерийскому дивизионному генералу Сюзану). Наконец, 28 января 1871 г.[1] мошенники сбросили маску. Правительство национальной обороны в деле капитуляции Парижа выступило с настоящим геройством глубочайшего самоунижения, оно выступило как правительство Франции, состоящее из пленников Бисмарка, — роль до того подлая, что ее не решился взять на себя даже сам Луи Бонапарт в Седане. В своем паническом бегстве в Версаль после событий 18 марта capitulards[2] оставили в руках Парижа свидетельствовавшие об их измене документы.

---

[1] 28 января 1871 г. Бисмарком и представителем правительства национальной обороны Фавром была подписана «Конвенция о перемирии и капитуляции Парижа». *Ред.*

[2] Capitulards (капитуляры) — презрительное прозвище, данное сторонникам капитуляции Парижа во время осады в 1870—1871 годах. В дальнейшем вошло во французский язык для обозначения капитулянтов вообще. *Ред.*

для уничтожения которых, как писала Коммуна в манифесте к провинции,

«эти люди не остановились бы перед превращением Парижа в груду развалин, затопленную морем крови».

Стремление некоторых влиятельнейших членов правительства обороны к такой развязке объясняется и совершенно особыми, личными соображениями.

Вскоре после заключения перемирия один из парижских депутатов Национального собрания г-н Мильер, впоследствии расстрелянный по специальному приказу Жюля Фавра, опубликовал целый ряд подлинных юридических документов, доказывавших, что Жюль Фавр, сожительствуя с женой некоего горького пьяницы, находившегося в Алжире, сумел при помощи самых наглых подлогов, совершенных им в продолжение многих лет кряду, захватить от имени своих незаконнорожденных детей крупное наследство, которое сделало его богатым человеком, и что на процессе, который вели против него законные наследники, он избежал разоблачения только потому, что пользовался покровительством бонапартистских судов. Так как против этих сухих юридических документов было бессильно какое угодно красноречие, то Жюль Фавр нашел нужным в первый раз в своей жизни не раскрывать рта, выжидая, пока возгорится гражданская война, чтобы в бешенстве выругать народ Парижа беглыми каторжниками, дерзко восставшими против семьи, религии, порядка и собственности. После 4 сентября, едва захватив власть, этот подделыватель документов освободил, из чувства солидарности, Пика и Тайфера, которые были даже при империи осуждены за подлог в связи со скандальной историей с газетой «Étendard»[1]. Один из этих господ, Тайфер, был настолько дерзок, что вернулся во время Коммуны в Париж, но Коммуна тотчас же заключила его в тюрьму. И после этого Жюль Фавр восклицает с трибуны Национального собрания, что парижане освобождают всех каторжников!

---

[1] «L'Etendard» («Знамя») — французская газета бонапартистского направления, выходила в Париже с 1866 по 1868 год. Выход газеты был прекращен в связи с раскрытием мошеннических операций, служивших источником финансирования газеты. *Ред.*

Эрнест Пикар, этот Джо Миллер[1] правительства национальной обороны, который после неудачных попыток попасть в министры внутренних дел империи сам себя произвел в министры финансов республики, приходится братом некоему Артуру Пикару, субъекту, выгнанному с парижской биржи за мошенничество (см. донесение префектуры полиции от 31 июля 1867 г.) и осужденному на основании собственного признания за кражу 300 000 франков, которую он совершил в бытность свою директором филиального отделения Société Générale[2] на улице Палестро, № 5 (см. донесение префектуры полиции от 11 декабря 1868 г.). И вот этого-то Артура Пикара Эрнест Пикар назначил редактором своей газеты «Électeur libre»[3]. Официальная ложь этой газеты министерства финансов вводила в заблуждение рядовых биржевых спекулянтов, между тем как Артур Пикар беспрестанно бегал с биржи в министерство, из министерства на биржу, где и наживался на поражениях французских армий. Вся финансовая переписка этой парочки почтенных братьев попала в руки Коммуны.

Жюль Ферри, бывший до 4 сентября нищим адвокатом, ухитрился сколотить себе во время осады как мэр Парижа состояние за счет голода столицы. Тот день, когда ему пришлось бы дать отчет о своем хозяйничании, был бы днем его осуждения.

Эти люди могли получить отпускные билеты [tickets-of-leave][4] только на развалинах Парижа: они как раз годились для целей Бисмарка. В результате легкой перетасовки карт Тьер, до сих пор втайне руководивший правительством, вдруг стал во главе его, а уголовные преступники [ticket-of-leave men] сделались его министрами.

---

[1] В немецких изданиях 1871 и 1891 гг вместо «Джо Миллер» напечатано: «Карл Фогт»; во французском издании 1871 г. — «Фальстаф». *Ред.*

[2] Имеется в виду Société Générale du Crédit Mobilier — крупный французский акционерный банк. *Ред.*

[3] «L'Électeur libre» («Свободный избиратель») — еженедельная газета, орган правых республиканцев. *Ред.*

[4] В Англии уголовным преступникам, после того как они уже отбыли бо́льшую часть наказания, часто выдают отпускные билеты, с которыми они могут жить на свободе, но под надзором полиции. Такие билеты называются tickets-of-leave, а владельцы их — ticket-of-leave men. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1871 г.)*

Тьер, этот карлик-чудовище, в течение почти полустолетия очаровывал французскую буржуазию, потому что он представляет собой самое совершенное идейное выражение ее собственной классовой испорченности. Прежде чем стать государственным мужем, он уже обнаружил свои таланты лжеца в качестве историка. Летопись его общественной деятельности есть история бедствий Франции. Связанный до 1830 г. с республиканцами, он пробрался при Луи-Филиппе в министры путем предательства своего покровителя Лаффита. К королю он подольстился подстрекательством черни к выступлениям против духовенства — выступлениям, которые привели к разграблению церкви Сен-Жермен-л'Осеруа и дворца архиепископа, — и тем, что выполнял роль министра-шпиона и тюремщика-акушера по отношению к герцогине Беррийской [1]. Кровавая расправа с республиканцами на улице Транснонен, последовавшие затем гнусные сентябрьские законы против печати и права союзов были его делом. В марте 1840 г. он вновь выступил на сцену уже в качестве премьер-министра и удивил всю Францию своим проектом укрепления Парижа. На обвинения республиканцев, которые считали этот проект злостным заговором против свободы Парижа, он в палате депутатов отвечал:

«Как? Вы воображаете, что какие бы то ни было укрепления могут когда-нибудь стать опасными для свободы! И прежде всего, вы клевещете, допуская, что какое-либо правительство решится когда-нибудь бомбардировать Париж, чтобы удержать власть в своих руках... Ведь такое правительство стало бы после победы во сто крат более невозможным, чем до нее».

Да, никакое правительство не решилось бы бомбардировать Париж с фортов, кроме правительства, сдавшего раньше эти форты пруссакам.

---

[1] Имеются в виду антилегитимистские и антиклерикальные выступления 14 и 15 февраля 1831 г. в Париже, нашедшие отзвук в провинции. Орлеанистское правительство, стремившееся нанести удар враждебной ему партии легитимистов, не приняло мер, чтобы помешать действиям толпы.

В 1832 г. по распоряжению Тьера, бывшего в то время министром внутренних дел, была арестована мать легитимистского претендента на французский престол графа Шамбора, герцогиня Беррийская. В дальнейшем она была поставлена под строгий надзор и подвергнута унизительному медицинскому освидетельствованию с целью дать огласку ее тайному браку и политически скомпрометировать ее. *Ред.*

Когда в январе 1848 г. король-бомба испробовал свою силу на Палермо, Тьер, который в то время уже давно не был министром, снова произнес в палате депутатов речь:

«Вы знаете, господа, что происходит в Палермо. Вы все содрогаетесь от ужаса» (в парламентском смысле) «при вести, что большой город был в течение 48 часов подвергнут бомбардировке. И кем же? Чужеземным неприятелем, осуществлявшим право войны? Нет, господа, своим же правительством. И за что? За то, что этот несчастный город требовал своих прав. Да, за требование своих прав он подвергся 48-часовой бомбардировке... Позвольте мне апеллировать к общественному мнению Европы. Подняться и сказать во всеуслышание с величайшей, может быть, трибуны Европы несколько слов» (да, действительно, слов) «возмущения подобными действиями, — это будет заслугой перед человечеством... Когда регент Эспартеро, оказавший услуги своей родине» (чего Тьер никогда не делал), «вздумал бомбардировать Барселону для подавления вспыхнувшего там восстания, — со всех концов мира раздался общий крик негодования».

Через полтора года Тьер был уже в числе самых рьяных защитников бомбардировки Рима французской армией. Итак, ошибка короля бомбы, по-видимому, состояла только в том, что он ограничился лишь 48-часовой бомбардировкой.

За несколько дней до февральской революции Тьер, раздраженный тем, что Гизо надолго отстранил его от власти и наживы, и почуяв в воздухе приближение народной бури, заявил палате депутатов в своем псевдогероическом стиле, за который его прозвали «Mirabeau-mouche» [1]:

«Я принадлежу к партии революции не только во Франции, но и во всей Европе. Я желал бы, чтобы правительство революции оставалось в руках умеренных людей... Но если бы оно перешло в руки людей горячих, даже в руки радикалов, я из-за этого не отказался бы от дела, которое отстаиваю. Я всегда буду принадлежать к партии революции».

Разразилась февральская революция. Вместо того чтобы поставить на место министерства Гизо министерство Тьера, о чем мечтал этот ничтожный человек, революция заменила Луи-Филиппа республикой. В первый день народной победы он старательно прятался, забывая, что от ненависти рабочих его спасало их презрение к нему. Прославленный храбрец, он продолжал избегать обществен-

---

[1] «Мирабо муха». *Ред.*

ной арены, пока июньская резня[1] не очистила ее для деятельности людей такого сорта, как он. Он стал тогда идейным вождем партии порядка[2] и ее парламентарной республики — этого анонимного междуцарствия, во время которого все соперничающие фракции господствующего класса тайно сговаривались между собой, чтобы подавить народ, и интриговали друг против друга, чтобы каждой восстановить свою собственную монархию. Тьер тогда, как и теперь, обвинял республиканцев в том, что они — единственная помеха упрочению республики; тогда, как и теперь, он говорил республике, как палач дону Карлосу: «Я убью тебя, но для твоего же блага». И теперь, как и тогда, ему на другой день после своей победы придется воскликнуть: L'Empire est fait — империя готова. Несмотря на свои лицемерные проповеди о необходимых свободах и свою личную неприязнь к Луи Бонапарту, который оставил его в дураках и выкинул за борт парламентаризм, — а вне искусственной атмосферы парламентаризма этот человечек превращается в ничто, и он это знает — Тьер принял участие во всех позорных делах Второй империи, от занятия Рима французскими войсками до войны с Пруссией; он подстрекал к этой войне своими неистовыми нападками на единство Германии, в котором он видел не маску для прусского деспотизма, а нарушение неотъемлемого права Франции на разъединенность Германии. Этот карлик любил перед лицом Европы размахивать мечом Наполеона I, в своих исторических трудах он только и делал, что чистил сапоги Наполеона, на деле же его внешняя политика всегда приводила к крайнему унижению Франции,— начиная от Лондонской конвенции 1840 г. до капитуляции Парижа 1871 г. и теперешней гражданской войны, во время которой он, по специальному разрешению Бисмарка, натравил на Париж пленных Седана и Меца[3]. Несмотря на свои гибкие способности и изменчи-

---

[1] Маркс имеет в виду свирепое подавление правительством буржуазных республиканцев восстания парижского пролетариата 23—26 июня 1848 года. *Ред.*

[2] Партия порядка — возникшая в 1848 г. партия крупной консервативной буржуазии, представляла собой коалицию двух монархических фракций Франции: легитимистов (сторонников династии Бурбонов) и орлеанистов (сторонников династии Орлеанов). *Ред.*

[3] Желая усилить версальскую армию для подавления революционного Парижа, Тьер обратился к Бисмарку с просьбой разре-

вость своих стремлений, он всю свою жизнь был самым закоренелым рутинером. Нечего и говорить, что более глубокие движения, происходящие в современном обществе, всегда оставались для него непостижимой тайной; его мозг, все силы которого ушли в язык, не мог освоиться даже с самыми осязательными изменениями, совершающимися на поверхности общества. Он, например, неустанно обличал как святотатство всякое уклонение от устаревшей французской протекционистской системы. Когда он был министром Луи-Филиппа, он издевался над железными дорогами, как над вздорной химерой, а будучи в оппозиции при Луи Бонапарте, он клеймил, как кощунство, всякую попытку преобразовать гнилую французскую военную систему. Ни разу в продолжение всей своей длительной политической карьеры он не провел ни одной сколько-нибудь практически полезной, пусть даже самой незначительной, меры. Тьер был верен только своей ненасытной жажде богатства и ненависти к людям, создающим это богатство. Он был беден, как Иов, когда вступил в первый раз в министерство при Луи-Филиппе, а оставил он это министерство миллионером. Возглавляя последний раз министерство при упомянутом короле (с 1 марта 1840 г.), он был публично обвинен в палате депутатов в растрате казенных сумм. В ответ на это обвинение он ограничился тем, что заплакал, — ему немного стоил этот ответ, которым легко отделывались и Жюль Фавр и всякий иной крокодил. В Бордо[1] его первой мерой к спасению Франции от грозившего ей финансового краха было назначение себе трехмиллионного годового оклада; это

шить ему увеличить контингент войск, численность которых по прелиминарному мирному договору, подписанному 26 февраля 1871 г., не должна была превышать 40 тысяч человек. Заверив Бисмарка, что войска будут использованы исключительно для подавления восстания в Париже, правительство Тьера, согласно Руанской конвенции, заключенной 28 марта 1871 г., получило разрешение увеличить численность версальских войск до 80 тысяч, а несколько позднее — до 100 тысяч человек. В соответствии с этими соглашениями немецкое командование спешно производило репатриацию французских военнопленных, главным образом из армий, капитулировавших в Седане и Меце. Версальское правительство размещало эти части в закрытых лагерях, где они подвергались идеологической обработке с целью внушения им ненависти к Парижской Коммуне. *Ред.*

[1] В немецком издании 1891 г. после слова «Бордо» вставлено: «в 1871 г.». *Ред.*

было первым и последним словом той «бережливой республики», перспективы которой он открыл своим парижским избирателям в 1869 году. Один из его бывших коллег по палате депутатов 1830 г., сам капиталист и тем не менее преданный член Парижской Коммуны, г-н Беле, недавно в одной из своих публичных прокламаций обратился к Тьеру со следующими словами:

«Порабощение труда капиталом было всегда краеугольным камнем Вашей политики, и с тех пор как в парижской городской ратуше установлена республика труда, Вы без устали кричите Франции: Вот они, преступники!»

Мастер мелких государственных плутней, виртуоз в вероломстве и предательстве, набивший руку во всевозможных банальных подвохах, низких уловках и гнусном коварстве парламентской борьбы партий; не останавливающийся перед тем, чтобы раздуть революцию, как только слетит с занимаемого поста, и потопить ее в крови, как только захватит власть в свои руки; напичканный классовыми предрассудками вместо идей, вместо сердца наделенный тщеславием, такой же грязный в частной жизни, как гнусный в жизни общественной, даже и теперь, разыгрывая роль французского Суллы, Тьер не может удержаться, чтобы не подчеркнуть мерзости своих деяний своим смешным чванством.

Капитуляция Парижа, отдавшая во власть Пруссии не только Париж, но и всю Францию, закончила собой длинный ряд изменнических интриг с врагом, начатых узурпаторами 4 сентября, по словам самого Трошю, в самый день захвата ими власти. С другой стороны, эта капитуляция положила начало гражданской войне, которую они затем повели при содействии Пруссии против республики и Парижа. Ловушка была уже в самих условиях капитуляции. В тот момент более трети страны было в руках врага, столица была отрезана от провинции, все пути сообщения нарушены. При таких обстоятельствах избрание лиц, которые являлись бы действительными представителями Франции, было невозможно без достаточного времени на подготовку. Именно поэтому в тексте капитуляции и был установлен недельный срок для выборов в Национальное собрание, так что во многих частях Франции известие о предстоящих выборах было получено лишь накануне самих выборов. Далее, согласно особому пункту

капитуляции, Собрание должно было быть избрано единственно с целью решения вопроса о мире и войне, а в случае необходимости — и для заключения мирного договора. Население не могло не почувствовать, что условия перемирия делали немыслимым продолжение войны и что для заключения мира, предписанного Бисмарком, лучше всего подходят наихудшие люди Франции. Но, не довольствуясь этими мерами предосторожности и прежде чем тайна перемирия была сообщена Парижу, Тьер предпринял избирательную поездку по всей стране, чтобы оживить труп партии легитимистов; эта партия вместе с орлеанистами должна была заменить ставших в тот момент неприемлемыми бонапартистов. Легитимистов он не боялся. Как правительство современной Франции они были немыслимы, а потому как соперники ничего не значили; вся деятельность этой партии, по словам самого Тьера (в палате депутатов 5 января 1833 г.),

«постоянно держалась на трех столпах: иноземном вторжении, гражданской войне и анархии».

Эта партия поэтому являлась как нельзя более удобным орудием контрреволюции. Легитимисты всерьез уверовали в долгожданное пришествие их прежнего тысячелетнего царства. И в самом деле, сапог иноземного завоевателя снова топтал Францию; империя была опять ниспровергнута и Бонапарт опять попал в плен; легитимисты опять воскресли. Очевидно, колесо истории повернуло вспять, чтобы докатиться до «chambre introuvable»[1] 1816 года[2]. В 1848—1851 гг. в национальных собраниях времен республики легитимисты были представлены образованными и искушенными в парламентской борьбе лидерами; теперь выступили на первый план заурядные личности их партии — все Пурсоньяки Франции.

Как только в Бордо собралась эта «помещичья палата», Тьер заявил ей, что она, не удостаиваясь чести вести парламентские прения, немедленно должна принять предварительные условия мира, так как это единственное условие, на котором Пруссия позволит начать войну против

---

[1] В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. далее следуют слова: «(палата ландратов и юнкеров)». *Ред.*

[2] «Chambre introuvable» («бесподобная палата») — палата депутатов Франции в 1815—1816 гг. (первые годы режима Реставрации), состоявшая из крайних реакционеров. *Ред.*

республики и ее оплота — Парижа. И в самом деле, контрреволюции некогда было раздумывать. Вторая империя увеличила государственный долг более чем вдвое, все большие города были обременены тяжелыми местными долгами. Война чрезвычайно увеличила задолженность и страшно истощила ресурсы нации. В довершение катастрофы, прусский Шейлок стоял на французской земле со своими квитанциями на провиант для 500-тысячного войска, с требованием уплаты контрибуции в 5 миллиардов и 5 процентов неустойки за просроченные взносы. Кто должен был платить все это? Только посредством насильственного низвержения республики собственники богатства могли свалить тяжесть ими же вызванной войны на плечи производителей этого богатства. Таким образом, невиданное дотоле разорение Франции побудило этих патриотов — представителей земельной собственности и капитала — на глазах и под высоким покровительством чужеземного завоевателя завершить внешнюю войну войной гражданской, бунтом рабовладельцев.

На пути этого заговора стояло одно громадное препятствие — Париж. Разоружение Парижа было первым условием успеха. Вследствие этого Тьер и обратился к Парижу с требованием сложить оружие. Все было сделано, чтобы вывести Париж из терпения: «помещичья палата» разражалась самыми неистовыми антиреспубликанскими воплями; Тьер сам высказывался весьма двусмысленно о законности существования республики; Парижу угрожали обезглавить его и лишить звания столицы; орлеанистов назначали послами; Дюфор провел законы о неоплаченных в срок векселях и квартирной плате, законы, грозившие подорвать в корне торговлю и промышленность Парижа; по настоянию Пуйе-Кертье на каждый экземпляр какого бы то ни было издания вводился двухсантимовый налог; Бланки и Флуранс были приговорены к смерти; республиканские газеты запрещены; Национальное собрание перевели в Версаль; осадное положение, объявленное Паликао и снятое событиями 4 сентября, было возобновлено; Винуа, décembriseur [1], был назначен губернатором Парижа, бонапартистский жандарм Валантен —

---

[1] Décembriseur — участник бонапартистского государственного переворота 2 декабря 1851 г. и сторонник действий в духе этого переворота. *Ред.*

префектом полиции и генерал-иезуит Орель де Паладин — главнокомандующим парижской национальной гвардией.

А теперь мы должны обратиться к г-ну Тьеру и членам правительства национальной обороны, его приказчикам, с вопросом. Известно, что Тьер заключил при посредстве своего министра финансов Пуйе-Кертье заем в два миллиарда. Так вот, правда это или нет:

1) что дельце было устроено таким образом, что несколько сот миллионов «комиссионных» попадали в карманы Тьера, Жюля Фавра, Эрнеста Пикара, Пуйе-Кертье и Жюля Симона?

2) что уплату обязывались произвести только после «умиротворения» Парижа[1]?

Во всяком случае, что-то заставляло их очень торопиться с этим делом, так как Тьер и Жюль Фавр самым бесстыдным образом настаивали от имени большинства Бордоского собрания на немедленном занятии Парижа прусскими войсками. Но это не входило в расчеты Бисмарка, как он, по возвращении в Германию, насмешливо и во всеуслышание рассказал изумленным франкфуртским филистерам.

II

Вооруженный Париж являлся единственным серьезным препятствием на пути контрреволюционного заговора. Стало быть, Париж надо было обезоружить. По этому вопросу бордоская палата высказалась с полнейшей откровенностью. Даже если бы яростный рев депутатов «помещичьей палаты» и не свидетельствовал об этом так ясно, то отдача Парижа Тьером под начало триумвирата из décembriseur Винуа, бонапартистского жандарма Валантена и генерала-иезуита Орель де Паладина не оставляла места ни малейшему сомнению. Нагло заявляя об

---

[1] По сообщениям газет, из внутреннего займа, который решило провести правительство Тьера, сам Тьер и другие члены его правительства должны были получить более 300 миллионов франков под видом «комиссионного» вознаграждения. Тьер впоследствии признал, что представители финансовых кругов, с которыми велись переговоры о займе, требовали быстрейшего подавления революции в Париже. 20 июня 1871 г. после подавления Парижской Коммуны версальскими войсками закон о займе был принят. *Ред.*

истинной цели разоружения Парижа, заговорщики требовали от Парижа сдачи оружия под таким предлогом, который являлся самой вопиющей и бесстыдной ложью. Артиллерия парижской национальной гвардии, заявлял Тьер, есть собственность государства, а посему должна быть возвращена государству. На самом же деле факты были таковы: Париж был на страже с самого дня капитуляции, по которой пленники Бисмарка выдали ему Францию, выговорив для себя значительную личную охрану с очевидной целью усмирения Парижа. Национальная гвардия реорганизовалась и поручила верховное командование Центральному комитету, избранному всей массой национальных гвардейцев, за исключением коекаких остатков старых бонапартистских формирований. Накануне вступления пруссаков в Париж Центральный комитет принял меры к перевозке на Монмартр, в Бельвиль и Ла-Виллет пушек и митральез, изменнически оставленных capitulards именно в тех кварталах, в которые должны были вступить пруссаки, или в кварталах, прилегающих к ним. Эта артиллерия была создана на суммы, собранные самой национальной гвардией. В тексте капитуляции 28 января она была официально признана частной собственностью национальной гвардии и как таковая не была включена в общую массу государственного оружия, подлежавшего выдаче победителю. Тьер не имел ни малейшего повода начать войну против Парижа и потому он должен был прибегнуть к наглой лжи, будто артиллерия национальной гвардии являлась государственной собственностью!

Захват артиллерии должен был послужить, очевидно, только началом всеобщего разоружения Парижа, а следовательно, и разоружения революции 4 сентября. Но эта революция стала узаконенным состоянием Франции. Республику, результат этой революции, признал победитель в тексте капитуляции. После капитуляции ее признали все иностранные державы; от ее имени было созвано Национальное собрание. Единственным законным основанием бордоского Национального собрания и его исполнительной власти являлась революция парижских рабочих 4 сентября. Если бы не революция 4 сентября, это Национальное собрание немедленно должно было бы уступить свое место Законодательному корпусу, который был избран в 1869 г. на основе всеобщего избирательного права

при французском, а не при прусском правлении, и был насильно разогнан революцией. Тьер и его банда должны были бы капитулировать, чтобы добиться охранных грамот за подписью Луи Бонапарта, избавлявших их от необходимости путешествия в Кайенну [1]. Национальное собрание с его полномочием заключить мир с Пруссией было только одним из эпизодов революции, действительным воплощением ее был все-таки вооруженный Париж, тот Париж, который произвел эту революцию, который выдержал ради нее пятимесячную осаду со всеми ужасами голода, Париж, который, невзирая на план Трошю, своим продолжительным сопротивлением дал возможность вести упорную оборонительную войну в провинции. И ныне либо этот Париж по оскорбительному приказу мятежных бордоских рабовладельцев должен был разоружиться и признать, что совершенная им революция 4 сентября была не более чем простая передача власти из рук Луи Бонапарта в руки других претендентов на трон, либо же Парижу предстояло самоотверженно бороться за дело Франции, которую можно было спасти от полного падения и возродить к новой жизни только путем революционного разрушения политических и социальных условий, породивших Вторую империю и под ее покровительством дошедших до полного разложения. Париж, измученный пятимесячным голодом, не колебался ни одной минуты. Он был полон геройской решимости пройти через все опасности борьбы с французскими заговорщиками, несмотря на то, что прусские пушки угрожали ему из его же фортов. Но из отвращения к гражданской войне, которую старались навязать Парижу, Центральный комитет продолжал придерживаться чисто оборонительной позиции, не обращая внимания ни на провокационные выходки Национального собрания, ни на узурпаторские действия исполнительной власти, ни на угрожающую концентрацию войск в Париже и вокруг него.

И вот Тьер начал гражданскую войну: он отправил Винуа во главе многочисленного отряда полицейских и нескольких линейных полков в разбойничий ночной поход на Монмартр, чтобы, напав врасплох, захватить артиллерию национальной гвардии. Всем известно, что эта

---

[1] Кайенна — город во французской Гвиане (Южная Америка), место каторги и ссылки политических заключенных. *Ред.*

попытка не удалась благодаря сопротивлению национальной гвардии и братанию между войсками и народом. Орель де Паладин напечатал уже было заранее извещение о победе, а у Тьера были наготове объявления, возвещавшие о принятых им мерах к совершению coup d'état[1]. Эти объявления пришлось заменить манифестом, сообщавшим о благородной решимости Тьера даровать национальной гвардии ее же оружие, с которым, заявлял он, национальная гвардия несомненно сплотится вокруг правительства для борьбы против бунтовщиков. Из 300 000 национальных гвардейцев только 300 человек отозвались на призыв маленького Тьера сплотиться вокруг него для защиты его от самих себя. Славная рабочая революция 18 марта безраздельно владела Парижем. Ее временным правительством был Центральный комитет. Европа, казалось, на минуту усомнилась в реальности совершившихся на ее глазах последних поразительных государственных и военных событий: не сон ли это из области давно минувшего.

С 18 марта и до вторжения версальских войск в Париж революция пролетариата оставалась настолько свободной от актов насилия, подобных тем, которыми изобилуют революции и особенно контрреволюции «высших классов», что враги ее не смогли найти никакого предлога для своего возмущения, кроме казни генералов Леконта и Клемана Тома и стычки на Вандомской площади.

Один из бонапартовских офицеров, участвовавших в ночной экспедиции против Монмартра, генерал Леконт, четыре раза отдавал 81-му линейному полку приказ стрелять по безоружной толпе на площади Пигаль; когда же солдаты отказались выполнить его приказ, он обругал их площадной бранью. Вместо того чтобы направить оружие против женщин и детей, его солдаты расстреляли его самого. Укоренившиеся привычки, приобретенные солдатами в школе врагов рабочего класса, не могут, разумеется, бесследно исчезнуть в ту самую минуту, когда они переходят на сторону рабочих. Те же солдаты расстреляли и Клемана Тома.

«Генерал» Клеман Тома, недовольный своей карьерой бывший вахмистр, завербованный в последние годы царствования Луи-Филиппа в редакцию республиканской газеты «National», исполнял там двойные обязанности под-

[1] Государственного переворота. *Ред.*

ставного ответственного редактора (gérant responsable[1]) и бреттера-дуэлянта при этой крайне задорной газете. После февральской революции, когда люди из «National» пришли к власти, бывший вахмистр был превращен ими в генерала. Это было накануне июньской бойни, и он был одним из злостных заговорщиков, который, подобно Жюлю Фавру, спровоцировал ее и играл в ней самую гнусную роль палача. После этого он со своим генеральством надолго исчез из виду и не появлялся уже до 1 ноября 1870 года. Накануне этого дня правительство обороны, захваченное в ратуше, торжественно обещало Бланки, Флурансу и другим представителям рабочих передать узурпированную им власть в руки свободно избранной Парижем Коммуны. Вместо исполнения обещания оно натравило на Париж бретонцев Трошю, занявших теперь место корсиканцев Бонапарта. Только генерал Тамизье не захотел запятнать себя таким вероломством и отказался от звания главнокомандующего национальной гвардии. Заменивший его Клеман Тома снова оказался генералом. В продолжение всего своего командования он воевал не против пруссаков, а против парижской национальной гвардии. Он всеми силами противился ее всеобщему вооружению, науськивал буржуазные батальоны на рабочие, отстранял офицеров, враждебных «плану» Трошю, распускал пролетарские батальоны, позоря их обвинением в трусости, и это те самые пролетарские батальоны, героизму которых удивляются теперь самые ярые их враги. Клеман Тома страшно кичился тем, что ему снова удалось доказать на деле свою личную ненависть к парижскому пролетариату, которая так ярко проявилась в июньской бойне 1848 года. За несколько дней до 18 марта он представил военному министру Лефло свой проект «раз навсегда покончить с la fine fleur (цветом) парижской canaille[2]». После поражения Винуа он не мог отказать себе в удовольствии появиться на сцене в качестве шпиона-любителя. Центральный комитет и парижские рабочие были так же виноваты в смерти Клемана Тома и Леконта, как принцесса Уэльская в гибели людей, раздавленных в толпе при въезде ее в Лондон.

---

[1] В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. далее следуют слова: «тот, кто берет на себя отбывание тюремного наказания». *Ред.*

[2] Черни, сброда. *Ред.*

Избиение безоружных граждан на Вандомской площади — сказка, о которой недаром упорно молчали Тьер и «помещичья палата», поручив ее распространение исключительно лакеям европейской журналистики. «Люди порядка», парижские реакционеры, содрогнулись при известии о победе 18 марта. Для них она означала приблизившийся, наконец, час народного возмездия. Призраки жертв, замученных ими начиная с июньских дней 1848 г. до 22 января 1871 г.[1], восстали перед ними. Но они отделались одним испугом. Даже полицейских не только не обезоружили и не арестовали, как следовало бы сделать, а широко раскрыли перед ними ворота Парижа, чтобы они могли благополучно удалиться в Версаль. «Людей порядка» не только оставили в покое, но им дана была возможность объединиться и беспрепятственно захватить многие сильные позиции в самом сердце Парижа. Эта снисходительность Центрального комитета, это великодушие вооруженных рабочих, столь не свойственные нравам партии порядка, были приняты ею за сознание рабочими своего бессилия. Вот почему у партии порядка явился бессмысленный план — попробовать под видом якобы невооруженной демонстрации добиться того, чего не достиг Винуа со своими пушками и митральезами. 22 марта из богатейших кварталов появилась шумная толпа «фешенебельных господ»: она состояла из всяких petits crevés[2], а во главе ее были известнейшие выкормыши империи, как Геккерен, Кётлогон, Анри де Пен и им подобные. Трусливо прикрывшись лозунгами мирной демонстрации, но втайне вооружившись оружием бандитов, эта сволочь маршировала, обезоруживая и оскорбляя отдельные патрули и посты национальной гвардии, встречавшиеся ей по пути. Выйдя с улицы де ла Пе с криками «Долой Цент-

---

[1] 22 января 1871 г. по инициативе бланкистов произошло революционное выступление парижского пролетариата и национальной гвардии. Демонстрация, участники которой требовали свержения правительства и создания Коммуны, была по распоряжению правительства национальной обороны расстреляна бретонскими мобилями, охранявшими здание ратуши. Правительство предприняло аресты участников демонстрации, издало распоряжение о закрытии всех клубов Парижа, запрещении народных собраний и прекращении издания ряда газет. Подавив при помощи террора революционное движение, правительство приступило к подготовке капитуляции Парижа. *Ред.*

[2] Хлыщей, пшютов. *Ред.*

ральный комитет! Долой убийц! Да здравствует Национальное собрание!», они попытались прорвать линию караульных постов и захватить врасплох генеральный штаб национальной гвардии на Вандомской площади. На выстрелы из револьверов им ответили обычными sommations (французский эквивалент для английского акта о беспорядках)[1], и, когда эти требования остались без последствий, генерал национальной гвардии[2] скомандовал стрелять. Один залп обратил в беспорядочное бегство эту толпу пустых голов, воображавших, будто одно появление «приличного общества» подействует на парижскую революцию, как трубы Иисуса Навина на стены Иерихона. Обращенными в бегство господами было убито два национальных гвардейца и тяжело ранено девять (в числе последних — один из членов Центрального комитета[3]), вся местность, где был совершен этот их подвиг, была усеяна револьверами, кинжалами, палками со стилетами и тому подобными вещественными доказательствами «безоружного» характера их «мирной» демонстрации. Когда 13 июня 1849 г. национальная гвардия, протестуя против разбойничьего нападения французских войск на Рим, устроила действительно мирную демонстрацию, Национальное собрание и особенно Тьер приветствовали Шангарнье, в то время генерала партии порядка, как спасителя общества за то, что он бросил отовсюду свои войска на беззащитную массу, которую те расстреливали, рубили саблями и топтали лошадьми. Париж объявили тогда на осадном положении. Дюфор поспешно провел в Национальном собрании целый ряд новых драконовских законов. Начались новые аресты, новые ссылки, новое царство террора. Но «низшие классы» поступают в таких случаях иначе. Центральный комитет 1871 г. просто игнорировал

---

[1] Sommations (требование разойтись) — форма предупреждения при разгоне властями демонстраций, собраний, митингов и т. д. Согласно закону 1831 г. требование разойтись повторялось троекратно под барабанный бой или звуки труб, после чего власти имели право прибегнуть к силе.

Акт о беспорядках (Riot act), вступивший в силу в Англии в 1715 г., воспрещал всякие «мятежные сборища» более чем 12 человек: в подобных случаях представители власти были обязаны зачитывать специальное предупреждение и применять силу, если собравшиеся не расходились в течение часа. *Ред.*

[2] Бержере. *Ред.*

[3] Мальжурналь. *Ред.*

героев «мирной демонстрации», так что спустя всего два дня они смогли устроить уже *вооруженную* демонстрацию под предводительством адмирала Сессе, закончившуюся знаменитым паническим бегством в Версаль. В своем упорном нежелании продолжать гражданскую войну, начатую Тьером воровской экспедицией против Монмартра, Центральный комитет сделал в тот момент роковую ошибку: надо было немедленно пойти на Версаль — Версаль не имел тогда средств к обороне — и раз навсегда покончить с заговорами Тьера и его «помещичьей палаты». Вместо этого партии порядка дали снова возможность испытать свои силы на выборах в Коммуну 26 марта. В этот день в мэриях Парижа «люди порядка» обменивались словами примирения со своими чрезмерно великодушными победителями, втайне давая себе торжественную клятву в свое время учинить над ними кровавую расправу.

Посмотрим теперь на оборотную сторону медали. Тьер предпринял второй поход против Парижа в начале апреля. С первой партией пленных парижан, приведенных в Версаль, обошлись с возмутительной жестокостью. При этом Эрнест Пикар, засунув руки в карманы штанов, прохаживался тут же и всячески насмехался над ними, а г-жа Тьер и г-жа Фавр, окруженные почетной (?) женской свитой, рукоплескали с балкона подлым выходкам версальской черни. Пленных солдат линейных полков безжалостно расстреливали. Наш храбрый друг генерал Дюваль, литейщик, был расстрелян без всякого суда. Галиффе, «альфонс» своей жены, столь известной тем, что она бесстыдно выставляла напоказ свое тело на оргиях Второй империи, кичился в своей прокламации тем, что это он приказал перебить небольшой отряд застигнутых врасплох и обезоруженных его стрелками национальных гвардейцев вместе с их капитаном и лейтенантом. Винуа, бежавший из Парижа, получил от Тьера большой крест ордена Почетного легиона за издание общего приказа, предписывавшего расстреливать каждого солдата линейных войск, захваченного среди коммунаров. Жандарма Демаре наградили орденом за то, что он изменнически, как мясник, изрубил в куски рыцарски великодушного Флуранса — того самого Флуранса, который 31 октября 1870 г. спас головы членов правительства национальной

обороны[1]. Об «ободряющих подробностях» этого убийства Тьер с явным удовольствием разглагольствовал на одном из заседаний Национального собрания. С надутым тщеславием парламентского мальчика с пальчик, которому позволили разыгрывать роль Тамерлана, он отказался признать за людьми, восставшими против его карликового величия, право воюющей стороны и не хотел соблюдать даже нейтралитета перевязочных пунктов. Не было ничего гнуснее этой обезьяны, которой на время дали власть удовлетворять ее инстинкты тигра, — обезьяны-тигра, портрет которой нарисовал еще Вольтер (см. приложения, стр. 35[2]).

После декрета Коммуны от 7 апреля, в котором она приказывала производить репрессии, объявляя, что считает своей обязанностью «защищать Париж от каннибальства версальских разбойников и требовать око за око и зуб за зуб», Тьер не прекратил своего варварского обращения с пленными; к тому же он глумился над ними, печатая в своих бюллетенях, что «никогда опечаленный взор честных людей еще не видел более бесчестных представителей бесчестной демократии», — взор честных людей вроде Тьера и его банды в роли министров. Тем не менее расстрелы пленных были временно приостановлены. Но как только Тьер и его генералы — герои декабрьского переворота — узнали, что декрет Коммуны о репрессиях был лишь простой угрозой, что были пощажены даже шпионы-жандармы, пойманные в Париже переряженными в национальных гвардейцев, и полицейские, схваченные с зажигательными снарядами, — как только они узнали об этом, они начали снова массовые расстрелы пленных, продолжавшиеся беспрерывно до конца. Дома, в которых укрывались национальные гвардейцы, жандармы окружали, обливали керосином (здесь он был в первый раз употреблен в этой войне) и поджигали; обугленные трупы были извлечены впоследствии санитарным отрядом прессы в квартале Терн. Четыре национальных гвардейца, сдавшихся в Бель-Эпине 25 апреля отряду конных стрелков, были расстреляны поодиночке капитаном этих стрелков,

[1] Во время событий 31 октября, когда члены правительства национальной обороны были задержаны в ратуше, Флуранс помешал их расстрелу, к которому призывал один из участников восстания. *Ред.*

[2] См. настоящий сборник, стр. 63—64. *Ред.*

достойным холопом Галиффе. Один из этих гвардейцев, Шеффер, которого оставили, приняв за мертвого, кое-как дополз до парижских передовых постов и засвидетельствовал этот факт перед одной из комиссий Коммуны. Когда Толен обратился с запросом по поводу отчета этой комиссии к военному министру Лефло, депутаты «помещичьей палаты» заглушили его слова криком и не дали Лефло отвечать. Было бы оскорблением для их «славной» армии говорить о ее подвигах. Небрежный тон бюллетеней Тьера, сообщавших о заколотых штыками сонных коммунарах в Мулен-Саке, о массовом расстреле в Кламаре, подействовал на нервы даже лондонской газеты «Times», не отличающейся особенной чувствительностью. Но тщетной была бы теперь попытка перечислить все жестокости — а они были лишь началом — людей, бомбардировавших Париж, зачинщиков рабовладельческого бунта под покровительством чужеземного завоевателя. Среди всех этих ужасов Тьер, забывая свои парламентские фразы о страшной ответственности, возложенной на его плечи карлика, кичится в своих бюллетенях тем, что L'Assemblée siège paisiblement (Собрание мирно заседает), и доказывает нескончаемыми нарядными обедами то со своими генералами, героями декабрьского переворота, то с немецкими принцами, что его пищеварение не испортили даже тени Леконта и Клемана Тома.

III

Утром 18 марта 1871 г. Париж был разбужен громовыми криками: «Vive la Commune!»[1] Что же такое Коммуна, этот сфинкс, задавший такую тяжелую загадку буржуазным умам?

«Парижские пролетарии», — писал Центральный комитет в своем манифесте о 18 марта, — «видя несостоятельность и измену господствующих классов, поняли, что для них пробил час, когда они должны спасти положение, взяв в свои руки управление общественными делами... Они поняли, что на них возложен этот повелительный долг, что им принадлежит неоспоримое право стать господами собственной судьбы, взяв в свои руки правительственную власть».

Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей.

[1] «Да здравствует Коммуна!» *Ред.*

Централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством и судейским сословием, — органами, построенными по принципу систематического и иерархического разделения труда, — существует со времен абсолютной монархии, когда она служила сильным оружием нарождавшемуся буржуазному обществу в его борьбе с феодализмом. Но прерогативы феодальных сеньоров, местные привилегии, городские и цеховые монополии и провинциальные уложения — весь этот средневековый хлам задерживал ее развитие. Исполинская метла французской революции XVIII века смела весь этот отживший хлам давно минувших веков и таким образом одновременно очистила общественную почву от последних помех для той надстройки, которой является здание современного государства. Это здание воздвигнуто было при Первой империи, которая сама была создана коалиционными войнами старой полуфеодальной Европы против новой Франции. При последующих режимах правительство, будучи подчинено парламентскому контролю, то есть непосредственному контролю имущих классов, не только превратилось в рассадник неисчислимых государственных долгов и тяжелых налогов; оно не только стало яблоком раздора между конкурирующими фракциями и авантюристами господствующих классов, которых непреодолимо влекли к нему предоставляемые им доходы и влиятельные и выгодные должности, — вместе с экономическими изменениями в обществе изменялся и его политический характер. По мере того как прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял классовую противоположность между капиталом и трудом, государственная власть принимала все более и более характер национальной власти капитала над трудом, общественной силы, организованной для социального порабощения, характер машины классового господства[1]. После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто. Революция 1830 г. отняла власть у земельных собственников и отдала ее капиталистам, то

[1] В немецком издании 1871 г. конец этой фразы несколько изменен: «Государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, характер машины классового господства». *Ред.*

есть из рук более отдаленных врагов рабочего класса передала ее более непосредственным его врагам. Буржуазные республиканцы именем февральской революции захватили государственную власть и употребили ее на то, чтобы устроить июньскую бойню; они этой бойней доказали рабочему классу, что «социальная» республика — это республика, обеспечивающая его социальное порабощение, а монархически настроенной массе буржуазии и классу землевладельцев, — что они могут без опасений предоставить буржуазным «республиканцам» заботы и денежные выгоды управления. Но после своего единственного июньского подвига буржуазные республиканцы должны были уступить первое место и перейти в последние ряды партии порядка, этой коалиции, образовавшейся из всех враждующих фракций и партий присваивающего класса, ставшего теперь в открытую противоположность к классам производительным. Самой подходящей формой для их совместного управления оказалась *парламентарная республика* с Луи Бонапартом в качестве ее президента; это был режим неприкрытого классового террора и умышленного оскорбления «подлой черни». По словам Тьера, парламентарная республика «меньше всего разделяла их» (различные фракции господствующего класса), но зато она открыла пропасть между этим немногочисленным классом и всем общественным организмом, существующим вне его. Если при прежних режимах раздоры внутри этого класса налагали все же известные ограничения на государственную власть, то теперь благодаря его объединению эти ограничения отпали. Ввиду угрожавшего восстания пролетариата объединившийся господствующий класс стал безжалостно и нагло пользоваться государственной властью как национальным орудием войны капитала против труда. Но его непрекращающийся крестовый поход против массы производителей заставил, с одной стороны, давать исполнительной власти все больше и больше прав для подавления сопротивления, с другой — постепенно отнимать у своей собственной парламентской твердыни — Национального собрания — все его средства обороны против исполнительной власти. Луи Бонапарт, представлявший собой эту исполнительную власть, разогнал представителей господствующего класса. Вторая империя явилась естественным следствием республики партии порядка.

Империя, которой coup d'état служил удостоверением о рождении, всеобщее избирательное право — санкцией, а сабля — скипетром, заявляла, что она опирается на крестьянство, на эту обширную массу производителей, не втянутых непосредственно в борьбу между капиталом и трудом. Империя выдавала себя за спасительницу рабочего класса на том основании, что она разрушила парламентаризм, а вместе с ним и неприкрытое подчинение правительства имущим классам, и за спасительницу имущих классов на том основании, что она поддерживала их экономическое господство над рабочим классом. И, наконец, она претендовала на то, что объединила все классы вокруг вновь возрожденного ею призрака национальной славы. В действительности же империя была единственно возможной формой правления в такое время, когда буржуазия уже потеряла способность управлять нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности. Весь мир приветствовал империю как спасительницу общества. Под ее господством буржуазное общество, освобожденное от политических забот, достигло такой высокой степени развития, о которой оно не могло и мечтать. Промышленность и торговля разрослись в необъятных размерах; биржевая спекуляция праздновала свои космополитические оргии; нищета масс резко выступала рядом с нахальным блеском беспутной роскоши, нажитой надувательством и преступлением. Государственная власть, которая, казалось, высоко парит над обществом, была в действительности самым вопиющим скандалом этого общества, рассадником всяческой мерзости. Штыки Пруссии, которая сама жаждала перенести центр такой системы правления из Парижа в Берлин, обнажили всю гнилость этой государственной власти и одновременно гнилость спасенного ею общества. Режим империи есть самая проституированная и самая последняя форма той государственной власти, которую начало создавать зарождавшееся буржуазное общество как орудие своего освобождения от феодализма и которую вполне развитое буржуазное общество в конце концов превратило в орудие порабощения труда капиталом.

Прямой противоположностью империи была Коммуна. Лозунг «социальной республики», которым парижский пролетариат приветствовал февральскую революцию, выражал лишь неясное стремление к такой республике, которая

должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство. Коммуна и была определенной формой такой республики.

Париж, бывший резиденцией и центром старой правительственной власти, а вместе с тем и социальным оплотом французского рабочего класса, восстал с оружием в руках против попытки Тьера и его «помещичьей палаты» восстановить и увековечить эту старую правительственную власть, оставшуюся в наследство от империи. Париж мог сопротивляться только потому, что вследствие осады он избавился от армии и заменил ее национальной гвардией, главную массу которой составляли рабочие. Этот факт надо было превратить в установленный порядок, и потому первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом.

Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собой разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы. Полиция, до сих пор бывшая орудием центрального правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время. То же самое — чиновники всех остальных отраслей управления. Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдачи денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами. Общественные должности перестали быть частной собственностью ставленников центрального правительства. Не только городское управление, но и вся инициатива, принадлежавшая доселе государству, перешла к Коммуне.

По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, «силу попов», путем отделения церкви от государства и экспроприации всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Свя-

щенники должны были вернуться к скромной жизни частных лиц, чтобы подобно их предшественникам-апостолам жить милостыней верующих. Все учебные заведения стали бесплатными для народа и были поставлены вне влияния церкви и государства. Таким образом, не только школьное образование сделалось доступным всем, но и с науки были сняты оковы, наложенные на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость, служившую только маской для их низкого подхалимства перед всеми сменявшими друг друга правительствами, которым они поочередно приносили присягу на верность и затем изменяли. Как и прочие должностные лица общества, они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми.

Парижская Коммуна, разумеется, должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Франции. Если бы коммунальный строй установился в Париже и второстепенных центрах, старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинции. В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни и что постоянное войско должно быть заменено и в сельских округах народной милицией с самым непродолжительным сроком службы. Собрание делегатов, заседающих в главном городе округа, должно было заведовать общими делами всех сельских коммун каждого округа, а эти окружные собрания в свою очередь должны были посылать депутатов в национальную делегацию, заседающую в Париже; делегаты должны были строго придерживаться mandat impératif (точной инструкции) своих избирателей и могли быть сменены во всякое время. Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены, — такое утверждение было сознательным подлогом, — а должны были быть переданы коммунальным, то есть строго ответственным, чиновникам. Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая

выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации. Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества. Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю. Ведь известно, что предприятия, точно так же как и отдельные лица, обычно умеют в деловой деятельности поставить подходящего человека на подходящее место, а если иногда и ошибаются, то умеют очень скоро исправить свою ошибку. С другой стороны, Коммуна по самому существу своему была безусловно враждебна замене всеобщего избирательного права иерархической инвеститурой [1].

Обычной судьбой нового исторического творчества является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает современную государственную власть, была рассматриваема как воскрешение средневековой коммуны, предшествовавшей возникновению этой государственной власти и затем составившей основу ее. — Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом мелких государств, о чем мечтали Монтескьё и жирондисты [2], то единство, которое — у крупных наций, — хотя и создано было первоначально политическим насилием, стало теперь могущественным фактором обществен-

[1] Инвеститура — в средние века акт передачи земли сеньором своему вассалу или назначение на должность духовного лица. Для системы инвеституры характерна полная зависимость лиц, стоящих на более низкой ступени иерархической лестницы, от вышестоящих светских и церковных феодалов. *Ред.*

[2] Жирондисты — в период французской буржуазной революции конца XVIII века партия крупной торгово-промышленной и выросшей в годы революции землевладельческой буржуазии. *Ред.*

ного производства. — Антагонизм между Коммуной и государственной властью ошибочно считали преувеличенной формой старой борьбы против чрезмерной централизации. Особые исторические условия могли воспрепятствовать тому классическому развитию буржуазной формы правления, которое имело место во Франции, и привести, как например в Англии, к тому, что главные центральные государственные органы дополняются продажными приходскими собраниями, корыстолюбивыми членами городских советов, свирепыми попечителями о бедных в городах и фактически наследственными мировыми судьями в графствах. Коммунальное устройство вернуло бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост, «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции. — Буржуазия провинциальных городов Франции видела в Коммуне попытку восстановить то господство над деревней, которым она пользовалась при Луи-Филиппе и которое при Луи-Наполеоне было вытеснено мнимым господством деревень над городами. В действительности коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. — Самое уже существование Коммуны вело за собой, как нечто само собой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней. Только какому-нибудь Бисмарку, уделяющему все время, свободное от интриг, в которых на первом месте всегда кровь и железо, своему давнишнему, больше всего подходящему к его умственным способностям занятию — сотрудничеству в «Kladderadatsch» (в берлинском «Punch»)[1], только такому человеку могло прийти в голову, что Парижская Коммуна стремилась к прусскому городскому устройству — карикатуре на французское

---

[1] «Kladderadatsch» («Кладдерадач») — иллюстрированный сатирический еженедельный журнал, издавался в Берлине.

«Punch» — сокращенное название английского еженедельного юмористического журнала буржуазно-либерального направления «Punch, or the London Charivari» («Петрушка, или Лондонское шаривари»). *Ред.*

городское устройство 1791 г., — низводящему органы городского управления до роли второстепенных колес прусского государственного полицейского механизма.

Коммуна сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов: постоянную[1] армию и чиновничество. Самое существование ее было отрицанием монархии, которая является, в Европе по крайней мере, обычным бременем и неизбежной маской классового господства. Коммуна создала для республики фундамент действительно демократических учреждений. Но ни дешевое правительство, ни «истинная республика» не были конечной целью ее; они были только сопутствующими ей явлениями.

Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, правительством рабочего класса[2], результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом. Политическое господство производителей не может существовать одновременно с увековечением их социального рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно, и классовое господство. С освобождением труда все станут рабочими, и производительный труд перестанет быть принадлежностью известного класса.

Странная вещь: несмотря на все, что за последние 60 лет писалось и говорилось об освобождении труда, стоит только рабочим где-нибудь решительно взять это дело в свои руки, и тотчас против них пускается в ход вся апологетическая фразеология защитников современного общества

---

[1] В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. слово «постоянную» опущено. *Ред.*

[2] В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. слова «правительством рабочего класса» даны курсивом. *Ред.*

с его двумя противоположными полюсами: капиталом и рабством наемного труда (земельные собственники являются теперь лишь безгласными компаньонами капиталистов). Как будто капиталистическое общество пребывает еще в девственной чистоте и непорочности! Как будто не развиты еще его противоположности, не вскрыты его самообманы, не разоблачена вся его проституированная действительность! Коммуна, восклицают они, хочет уничтожить собственность, основу всей цивилизации! Да, милостивые государи, Коммуна хотела уничтожить эту классовую собственность, которая превращает труд многих в богатство немногих. Она хотела экспроприировать экспроприаторов. Она хотела сделать индивидуальную собственность реальностью, превратив средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время прежде всего орудиями порабощения и эксплуатации труда, в орудия свободного ассоциированного труда. — Но ведь это коммунизм, «невозможный» коммунизм! Однако те представители господствующих классов, — и их не мало, — которые достаточно умны, чтобы понять, что настоящая система не может долго существовать, стали назойливыми и крикливыми апостолами кооперативного производства. А если кооперативное производство не должно оставаться пустым звуком или обманом, если оно должно вытеснить капиталистическую систему, если объединенные кооперативные товарищества организуют национальное производство по общему плану, взяв тем самым руководство им в свои руки и прекратив постоянную анархию и периодические конвульсии, неизбежные при капиталистическом производстве, — не будет ли это, спрашиваем мы вас, милостивые государи, коммунизмом, «возможным» коммунизмом?

Рабочий класс не ждал чудес от Коммуны. Он не думает осуществлять par décret du peuple[1] готовые и законченные утопии. Он знает, что для того чтобы добиться своего освобождения и вместе с тем достигнуть той высшей формы, к которой неудержимо стремится современное общество в силу собственного своего экономического развития, ему придется выдержать продолжительную борьбу, пережить целый ряд исторических процессов, которые совершенно изменят и обстоятельства и людей. Рабочему классу предстоит не осуществлять какие-либо идеалы,

---

[1] По декрету народа. *Ред.*

а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества. Вполне сознавая свое историческое призвание и полный героической решимости следовать ему, рабочий класс может ответить презрительной улыбкой на пошлую ругань газетчиков-лакеев и на ученые назидания благонамеренных буржуа-доктринеров, которые тоном непогрешимого оракула изрекают невежественные пошлости и преподносят свои сектантские фантазии.

Когда Парижская Коммуна взяла руководство революцией в свои руки; когда простые рабочие впервые решились посягнуть на привилегию своего «естественного начальства» [1] — на привилегию управления — и при неслыханно тяжелых условиях выполняли эту работу скромно, добросовестно и успешно, причем высший размер их вознаграждения не превышал одной пятой части жалованья, составляющего, по словам известного авторитета в науке [2], минимум для секретаря лондонского школьного совета, — старый мир скорчило от бешенства при виде красного знамени — символа Республики Труда, развевающегося над городской ратушей.

И все же это была первая революция, в которой рабочий класс был открыто признан единственным классом, способным к общественной инициативе; это признали даже широкие слои парижского среднего класса — мелкие торговцы, ремесленники, купцы, все, за исключением богачей-капиталистов. Коммуна спасла их, мудро разрешая вопрос, бывший всегда причиной раздора в самом среднем классе, — вопрос о расчетах между должниками и кредиторами [3]. Эта часть среднего класса участвовала в 1848 г. в подавлении июньского восстания рабочих, и сейчас же за тем Учредительное собрание бесцеремонно отдало ее в жертву ее кредиторам. Но она примкнула теперь к рабочим не только поэтому. Она чувствовала, что ей приходится выбирать между Коммуной и империей, под какой бы вывеской та вновь ни появилась. Империя разорила эту часть среднего класса экономически своим расхище-

---

[1] В немецких изданиях 1871 и 1891 гг. далее следуют слова: «имущих классов». *Ред.*

[2] В немецких изданиях далее следует: «(профессора Гексли)». *Ред.*

[3] Имеется в виду декрет Парижской Коммуны от 16 апреля 1871 г. о рассрочке на 3 года платежей по всем долговым обяза-

нием общественного богатства, покровительством крупной биржевой спекуляции, своим содействием искусственно ускоренной централизации капитала и вызываемой ею экспроприации указанной части среднего класса. Империя политически угнетала ее и нравственно возмущала своими оргиями; она оскорбляла ее вольтерьянство, поручая воспитание ее детей frères ignorantins[1]; она возмутила ее национальное чувство французов, опрометчиво ввергнув ее в эту войну, которая вознаградила за все причиненные бедствия только одним — ниспровержением империи. И действительно, после бегства из Парижа bohème[2] высших бонапартовских сановников и капиталистов, истинная партия порядка среднего класса, выступившая под именем Республиканского союза[3], стала под знамя Коммуны и защищала ее от клеветы Тьера. Выдержит ли признательность этой массы среднего класса теперешние тяжелые испытания — это покажет будущее.

Коммуна имела полное право объявить крестьянам, что «ее победа — их единственная надежда!»[4]. Из потока клеветы, пущенной в ход в Версале и разнесенной по всему свету наемными писаками достославной европейской печати, самой чудовищной ложью было утверждение, что

тельствам и об отмене выплаты по ним процентов. Декрет значительно облегчал финансовое положение мелкой буржуазии и был невыгоден крупным капиталистам, выступавшим в роли кредиторов. *Ред.*

[1] Frères ignorantins («невежествующие братья») — прозвище религиозного ордена, возникшего в Реймсе в 1680 г., члены которого обязывались посвятить себя обучению детей бедняков; в школах ордена учащиеся получали, главным образом, религиозное воспитание, приобретая весьма скудные знания в других областях. Употребляя это выражение, Маркс намекает на низкий уровень и клерикальный характер начального обучения в буржуазной Франции. *Ред.*

[2] Богемы, шайки. *Ред.*

[3] Республиканский союз департаментов — политическая организация, состоявшая из представителей мелкобуржуазных слоев, уроженцев различных областей Франции, проживавших в Париже; выступала под знаменем Коммуны, призывала к борьбе против версальского правительства и монархического Национального собрания и к поддержке Парижской Коммуны во всех департаментах. *Ред.*

[4] По-видимому, речь идет о воззвании Парижской Коммуны «К трудящимся деревень» («Aux travailleurs des campagnes»), опубликованном в апреле — начале мая 1871 г. в газетах Коммуны и выпущенном в виде отдельной листовки. *Ред.*

«помещичья палата» представляла французских крестьян. Попробуйте вообразить любовь французских крестьян к людям, которым они после 1815 г. должны были уплатить миллиард возмещения [1]! В глазах французского крестьянина уже самое существование крупного земельного собственника есть посягательство на его завоевания 1789 года. В 1848 г. буржуа обложили землю крестьян добавочным налогом в 45 сантимов на франк, но это сделали именем революции; теперь они разожгли гражданскую войну против революции, чтобы взвалить на плечи крестьян главную тяжесть пятимиллиардной контрибуции, которую они обязались уплатить пруссакам. Коммуна, напротив, заявила в одной из первых же своих прокламаций, что бремя войны должны нести настоящие виновники ее. Коммуна освободила бы крестьянина от налога крови, дала бы ему дешевое правительство, заменила бы нотариуса, адвоката, судебного пристава и других судейских вампиров, высасывающих теперь его кровь, наемными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она избавила бы его от произвола сельской полиции, жандарма и префекта; она заменила бы отупляющего его ум священника просвещающим его школьным учителем. А французский крестьянин прежде всего расчетлив. Он нашел бы вполне разумным, если бы плата попам не выколачивалась из него сборщиками податей, а зависела бы только от добровольного проявления набожности прихожан. Вот какие существенные блага непосредственно обещало господство Коммуны — и только Коммуны — французским крестьянам. Поэтому излишне останавливаться здесь на тех более сложных и действительно жизненных вопросах, которые только одна Коммуна могла и необходимо должна была решить в пользу крестьян — таковы вопросы об ипотечном долге, который как кошмар тяготел над крестьянской парцеллой, о prolétariat foncier (сельском пролетариате), возрастающем со дня на день, об экспроприации самих крестьян, которая совершалась все быстрее и быстрее благодаря развитию новейшего сельского хозяйства и конкуренции капиталистического земледелия.

---

[1] Маркс имеет в виду проведенный реакционным правительством Карла X закон от 27 апреля 1825 г. о выплате бывшим эмигрантам возмещения за конфискованные у них в годы французской буржуазной революции поместья. *Ред.*

Луи Бонапарт был избран французским крестьянством в президенты республики, но Вторую империю создала партия порядка. В 1849 и 1850 гг. французский крестьянин, противопоставляя своего мэра правительственному префекту, своего школьного учителя — правительственному священнику, себя самого — правительственному жандарму, начал этим показывать, что́ ему нужно на самом деле. Все законы, изданные партией порядка в январе и феврале 1850 г., были направлены, по ее собственному признанию, против крестьян. Крестьянин был бонапартистом, потому что он отождествлял великую революцию и принесенные ему ею выгоды с именем Наполеона. Этот самообман при Второй империи быстро рассеивался. Этот предрассудок прошлого (по существу своему он был враждебен стремлениям «помещичьей палаты») — как мог бы он устоять против обращения Коммуны к жизненным интересам и насущным потребностям крестьян?

«Помещичья палата» отлично понимала — и этого-то она больше всего боялась, — что если Париж коммунаров будет свободно сообщаться с провинцией, то через какие-нибудь три месяца вспыхнет всеобщее крестьянское восстание. Потому-то она так трусливо спешила окружить Париж полицейской блокадой, чтобы помешать распространению заразы.

Если Коммуна была, таким образом, истинной представительницей всех здоровых элементов французского общества, а значит, и подлинно национальным правительством, то, будучи в то же время правительством рабочих, смелой поборницей освобождения труда, она являлась интернациональной в полном смысле этого слова. Перед лицом прусской армии, присоединившей к Германии две французские провинции, Коммуна присоединила к Франции рабочих всего мира.

Вторая империя была праздником космополитического мошенничества. На ее призыв устремились прохвосты всех стран, чтобы принять участие в ее оргиях и в ограблении французского народа. Даже в настоящую минуту правой рукой Тьера является Ганеску, валашский плут, а левой — Марковский, русский шпион. Коммуна предоставила всем иностранцам честь умереть за бессмертное дело. Буржуазия успела в промежуток между внешней войной, проигранной из-за ее измены, и гражданской войной, вызванной ее заговором с чужеземным завоевателем, пока-

зать свой патриотизм полицейской травлей немцев по всей Франции. Коммуна назначила немецкого рабочего [1] своим министром труда. И Тьер, и буржуазия, и Вторая империя постоянно обманывали поляков громогласными выражениями своего сочувствия, в действительности предавая их России и выполняя ее грязное дело. Коммуна почтила героических сынов Польши [2], поставив их во главе защитников Парижа. Чтобы резче оттенить новую историческую эру, которую она сознательно открывала собой, Коммуна перед лицом пруссаков-победителей, с одной стороны, и бонапартовской армии с бонапартовскими генералами во главе — с другой, низвергла колоссальный символ военной славы — Вандомскую колонну [3].

Великим социальным мероприятием Коммуны было ее собственное существование, ее работа. Отдельные меры, предпринимавшиеся ею, могли обозначить только направление, в котором развивается управление народа посредством самого народа. К числу их принадлежали: отмена ночных работ булочников; запрещение под страхом наказания понижать заработную плату наложением штрафов на рабочих под всевозможными предлогами — обычный прием предпринимателей, которые, соединяя в своем лице функции законодателя, судьи и исполнителя приговора, кладут штрафные деньги себе в карман. Подобной же мерой была и передача рабочим товариществам всех закрытых мастерских и фабрик, владельцы которых бежали или приостановили работы, с предоставлением им права на вознаграждение.

Финансовые меры Коммуны, замечательные своей расчетливостью и умеренностью, могли быть только мерами, совместимыми с положением осажденного города. Под покровительством Османа [4] крупные банкирские компании и строительные подрядчики так обкрадывали Париж, что

[1] Лео Франкеля. *Ред.*

[2] Я. Домбровского и В. Врублевского. *Ред.*

[3] Вандомская колонна — была воздвигнута в 1806—1810 гг. на Вандомской площади в Париже в память побед наполеоновской Франции. 16 мая 1871 г. по постановлению Парижской Коммуны Вандомская колонна была снесена. *Ред.*

[4] Барон Осман (Haussmann) был во время Второй империи префектом Сенского департамента, т. е. города Парижа. Провел ряд работ по проложению новых улиц и проч. в целях облегчения борьбы с рабочими восстаниями. *(Примечание к русскому изданию 1905 г., вышедшему под редакцией В. И. Ленина.) Ред.*

Коммуна имела несравнимо бо́льшие права конфисковать их имущество, чем Луи Бонапарт — имущество Орлеанов. Гогенцоллерны и английские олигархи, бо́льшая часть богатств которых состоит из награбленных церковных имуществ, были, конечно, сильно возмущены Коммуной, которая получила от конфискации церковных имуществ всего только 8 000 франков.

Версальское правительство, как только оно немного приободрилось и окрепло, стало принимать против Коммуны самые насильственные меры; оно подавило во всей Франции всякое свободное выражение мнений, запретило даже собрания делегатов больших городов; оно создало шпионскую сеть в Версале и во всей Франции, и притом в гораздо более широких размерах, чем при Второй империи; его жандармы-инквизиторы сжигали все издававшиеся в Париже газеты, вскрывали все письма из Парижа и в Париж; Национальное собрание на самую робкую попытку сказать слово в защиту Парижа отвечало неистовым воем, неслыханным даже в «chambre introuvable» 1816 года. Версальцы не только вели кровожадную войну против Парижа, но еще старались действовать подкупами и заговорами внутри Парижа. Могла ли Коммуна при таких условиях, не изменяя позорно своему призванию, соблюдать, как в самые мирные времена, условные формы либерализма? Если бы правительство Коммуны по своему характеру было таким же, как и правительство Тьера, то не было бы причин запрещать газеты партии порядка в Париже и газеты Коммуны в Версале.

Естественно, что депутаты «помещичьей палаты» бесились, если, в то время как они объявляли единственным средством спасения для Франции возвращение в лоно церкви, неверующая Коммуна раскрывала тайны женского монастыря Пикпюса и церкви св. Лаврентия [1]. Разве это не было едкой сатирой на Тьера, сыпавшего кресты

[1] В газете «Mot d'Ordre» («Пароль») 5 мая 1871 г. были опубликованы факты, которые свидетельствовали о преступлениях, совершавшихся в монастырях. В монастыре Пикпюс в Сент-Антуанском предместье в результате обысков обнаружились случаи многолетнего заточения монахинь в кельях, были найдены также орудия пыток; в церкви святого Лаврентия было найдено тайное кладбище, являвшееся доказательством совершенных убийств. Эти факты были преданы гласности также в выпущенной Коммуной с целью антирелигиозной пропаганды брошюре «Les Crimes des congrégations religieuses» («Преступления церковников»). *Ред.*

Почетного легиона на генералов Бонапарта в знак признания их искусства проигрывать сражения, подписывать капитуляции и делать папиросы в Вильгельмсхёэ[1], если Коммуна смещала и арестовывала своих генералов при малейшем подозрении в небрежном исполнении ими своих обязанностей? Разве это не было пощечиной подделывателю документов Жюлю Фавру, который, все еще оставаясь министром иностранных дел Франции, продавал ее Бисмарку и диктовал приказы образцовому бельгийскому правительству, если Коммуна изгнала из своей среды и арестовала одного из своих членов[2], который пробрался в нее под вымышленным именем после шести дней ареста в Лионе за обычное банкротство? Но Коммуна не претендовала на непогрешимость, как это делали все старые правительства без исключения. Она опубликовывала отчеты о своих заседаниях, сообщала о своих действиях; она посвящала публику во все свои несовершенства.

Во всякой революции, наряду с ее истинными представителями, выдвигаются люди другого покроя. Таковы, с одной стороны, участники и суеверные поклонники прежних революций, не понимающие смысла настоящего движения, но еще сохраняющие влияние на народ вследствие своей всем известной честности и своего мужества или просто в силу традиций; таковы, с другой стороны, простые крикуны, из года в год повторяющие стереотипные декламации против существующих правительств и приобретающие поэтому репутацию революционеров высшей пробы. Такие люди появились и после 18 марта и им случалось иногда играть видную роль. Насколько было в их силах, они задерживали истинное движение рабочего класса, так же как раньше люди такого сорта мешали полному развитию всех прежних революций. Они — неизбежное зло: со временем от них отделываются, но этого-то времени Коммуна не имела.

Коммуна изумительно преобразила Париж! Распутный Париж Второй империи бесследно исчез. Столица Франции перестала быть сборным пунктом для британских ленд-

[1] Вильгельмсхёэ (близ Касселя) — замок прусских королей, где с 5 сентября 1870 г. по 19 марта 1871 г. находился бывший император Наполеон III, взятый в плен пруссаками. *Ред.*

[2] Бланше. *Ред.*

лордов, ирландских абсентеистов [1], американских экс-рабовладельцев и выскочек, русских экс-крепостников и валашских бояр. В морге — ни одного трупа; нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа впервые стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского.

«Мы уже не слышим», — говорил один из членов Коммуны, — «ни об убийствах, ни о кражах, ни о нападениях на отдельных лиц; можно подумать, что полиция увезла с собой в Версаль всех консервативных друзей своих».

Кокотки последовали за своими покровителями, за этими обратившимися в бегство столпами семьи, религии и, главное, собственности. Вместо них на передний план снова выступили истинные парижанки, такие же героические, благородные и самоотверженные, как женщины классической древности. Трудящийся, мыслящий, борющийся, истекающий кровью, но сияющий вдохновенным сознанием своей исторической инициативы Париж почти забывал о людоедах, стоявших перед его стенами, с энтузиазмом отдаваясь строительству нового общества!

И лицом к лицу с этим новым миром Парижа стоял старый мир Версаля — это сборище вампиров всех отживших режимов: легитимистов и орлеанистов, жаждущих растерзать труп народа, с хвостом из допотопных республиканцев, поддерживавших своим присутствием в Национальном собрании рабовладельческий бунт; они надеялись отстоять парламентарную республику благодаря тщеславию старого шута, находившегося во главе ее; они занимались тем, что пародировали 1789 г., созывая призраков в Же-де-Пом [2]. Собрание, представлявшее всю отжившую Францию, поддерживало свою призрачную жизнь исключительно благодаря саблям генералов Луи Бонапарта. Париж — весь истина; Версаль — весь ложь; и глашатаем этой лжи был Тьер.

Тьер обратился к депутации мэров департамента Сены и Уазы со следующими словами:

---

[1] Абсентеисты (от слова «absent» — «отсутствующий») — крупные землевладельцы, обычно не проживавшие в своих имениях. *Ред.*

[2] Зал для игры в мяч, где Национальное собрание 1789 г. приняло свое знаменитое решение. *(Примечание Энгельса к немецкому изданию 1871 г.)*

«Вы можете довериться моему слову; я *никогда* не нарушал его».

Он говорил Собранию, что «оно самое либеральное и наиболее свободно избранное из всех собраний, которые когда-либо имела Франция»; своему разношерстному воинству он говорил, что оно «чудо мира и наилучшая из армий, которую когда-либо имела Франция»; провинциям, — что бомбардировка Парижа по его приказу — только сказка:

«Если и было сделано несколько пушечных выстрелов, то не версальской армией, а некоторыми инсургентами, которые хотели показать, что они сражаются, хотя на самом деле они боялись нос показать».

Позже он объявлял провинциям:

«Версальская артиллерия не бомбардирует Париж, а только обстреливает его».

Парижскому архиепископу он говорил, что все расстрелы и репрессивные меры (!), в которых обвиняют версальцев, — одна ложь. Он объявил Парижу, что хочет только «освободить его от угнетающих его отвратительных тиранов» и что Париж Коммуны есть «всего-навсего кучка преступников».

Париж Тьера не был действительным Парижем «подлой черни», он был призрачным Парижем, Парижем francs-fileurs [1], Парижем бульварных завсегдатаев обоего пола, богатым, капиталистическим, позолоченным, тунеядствующим Парижем; тем Парижем, который со своими лакеями, жуликами, литературной богемой, кокотками наполнял теперь Версаль, Сен-Дени, Рюэй и Сен-Жермен, который считал гражданскую войну только приятным развлечением, который в подзорную трубу любовался происходившей битвой, вел счет пушечным выстрелам и клялся честью своей и своих публичных женщин, что спектакль здесь поставлен гораздо лучше, чем в театре Порт-Сен-Мартен. Ведь убитые действительно были мертвы, крики

[1] Francs-fileurs (буквально «вольные беглецы») — насмешливое прозвище, данное парижским буржуа, бежавшим из города во время его осады. Иронический характер этому прозвищу придавало его созвучие со словом francs-tireurs (вольные стрелки) — название французских партизан, активно участвовавших в борьбе против пруссаков. *Ред.*

раненых не были поддельны, и кроме того драма, происходившая перед ними, была всемирно-исторической драмой.

Таков был Париж г-на Тьера, точно так же, как кобленцская эмиграция была Францией г-на де Калонна[1].

IV

Первая попытка рабовладельческого заговора покорить Париж, заняв его прусскими войсками, не удалась из-за отказа Бисмарка. Вторая попытка, сделанная 18 марта, окончилась поражением армии и бегством правительства в Версаль, куда за ним, по его приказу, бросив работу, последовала и вся администрация. Прикрываясь мирными переговорами с Парижем, Тьер выигрывал время для приготовления к войне с ним. Но где было взять армию? Остатки линейных полков были малочисленны и ненадежны. Настойчивые призывы Тьера к провинции помочь Версалю национальной гвардией и волонтерами встретили решительный отказ. Только Бретань послала кучку шуанов[2], которые сражались под белым знаменем, с нашитым на груди у каждого из них сердцем Христа из белой ткани; их боевой клич был: «Vive le Roi!» (Да здравствует король!). Таким образом, Тьер мог только наскоро собрать разношерстную толпу матросов, солдат морской пехоты, папских зуавов, жандармов Валантена, полицейских и mouchards[3] Пьетри. Эта армия была бы ничтожна до смешного, если бы не постепенно прибывавшие военнопленные бонапартовской армии, которых Бисмарк отпускал в количестве, достаточном, чтобы, с одной стороны, могла вестись гражданская война и чтобы, с другой стороны, можно было держать Версаль

---

[1] Кобленц — город в Германии, во время французской буржуазной революции конца XVIII века центр дворянско-монархической эмиграции и подготовки интервенции против революционной Франции; в Кобленце находилось поддерживаемое феодально-абсолютистскими государствами эмигрантское правительство во главе с ярым реакционером бывшим министром Людовика XVI де Калонном. *Ред.*

[2] «Шуанами» во время Парижской Коммуны коммунары называли монархически настроенный отряд версальской армии, навербованный в Бретани, по аналогии с участниками контрреволюционного мятежа в Северо-Западной Франции в период французской буржуазной революции конца XVIII века. *Ред.*

[3] Шпионов. *Ред.*

в рабской зависимости от Пруссии. Во время этой войны версальская полиция должна была наблюдать за версальской армией, а жандармам приходилось всегда становиться на самые опасные места, чтобы увлечь ее за собой. Павшие форты были не завоеваны, а куплены. Героизм коммунаров показал Тьеру, что для того, чтобы сломить сопротивление Парижа, недостаточно ни его стратегических способностей, ни находящихся в его распоряжении штыков.

Между тем его отношения с провинцией становились все более натянутыми. В Версале не получили ни одного сочувственного адреса, который мог бы хоть сколько-нибудь ободрить Тьера и его «помещичью палату». Наоборот, со всех сторон прибывали депутации и письменные обращения, настаивавшие далеко не в почтительном тоне на примирении с Парижем на основе недвусмысленного признания республики, утверждения коммунальных свобод и роспуска Национального собрания, срок полномочий которого уже истек. Депутаций и письменных обращений появлялось столько, что Дюфор, министр юстиции Тьера, приказал государственным прокурорам в циркуляре от 23 апреля считать «призывы к примирению» преступлением! Видя безнадежность похода против Парижа, Тьер решил переменить тактику и назначил на 30 апреля муниципальные выборы для всей страны по новому закону, навязанному им Национальному собранию. Действуя то интригами своих префектов, то угрозами своей полиции, он был уверен, что выборы в провинции дадут Национальному собранию ту моральную силу, которой оно никогда не имело, и что он, наконец, получит от провинции материальную силу для покорения Парижа.

Свою разбойничью войну против Парижа, восхваляемую в его собственных бюллетенях, и попытки его министров установить господство террора во всей Франции Тьер с самого начала старался дополнить маленькой комедией примирения, которая должна была служить нескольким целям: она должна была обмануть провинцию, привлечь к нему элементы среднего класса Парижа и, главное, дать возможность мнимым республиканцам Национального собрания прикрыть доверием к Тьеру свою измену Парижу. 21 марта, когда у Тьера еще не было армии, он заявил Национальному собранию:

«Будь что будет, а я не пошлю войска в Париж».

27 марта он снова объявил:

«Я вступил в должность, когда республика была уже совершившимся фактом, и я твердо решил сохранить ее».

В действительности же он именем республики подавил революцию в Лионе и в Марселе[1], в то время как его «помещичья палата» в Версале встречала диким ревом само слово «республика». После этого славного подвига он низвел «совершившийся факт» до уровня предполагаемого факта. Орлеанские принцы, которых он из предосторожности выпроводил из Бордо, получили теперь возможность, явно в нарушение закона, плести интриги в Дрё. Условия, о которых Тьер говорил на своих бесконечных совещаниях с парижскими и провинциальными делегатами, — как ни различны были его заявления по тону и оттенку, меняясь в зависимости от времени и обстоятельств, — всегда сводились к тому, что необходимо отомстить

«той кучке преступников, которые виновны в убийство Клемана Тома и Леконта».

Конечно, при этом само собой подразумевалось, что Париж и Франция должны безоговорочно признать самого г-на Тьера лучшей из республик, подобно тому как сам Тьер в 1830 г. признал лучшей из республик Луи-Филиппа. Однако даже и эти уступки он старался поставить под сомнение посредством тех официальных

---

[1] Под влиянием пролетарской революции в Париже, приведшей к созданию Парижской Коммуны, в Лионе, Марселе и ряде других городов Франции происходили революционные выступления народных масс. В Лионе 22 марта национальные гвардейцы и трудящиеся города захватили ратушу. После прибытия делегации из Парижа в Лионе 26 марта была провозглашена Коммуна, однако временная комиссия, созданная для подготовки выборов в Коммуну, располагавшая небольшими военными силами, недостаточно связанная с народными массами и национальной гвардией, отказалась от своих полномочий. Новое выступление трудящихся Лиона 30 апреля было жестоко подавлено войсками и полицией.

В Марселе восставшее население города завладело ратушей и арестовало префекта; в городе была создана комиссия департамента и назначены на 5 апреля выборы в Коммуну. Революционное выступление в Марселе было подавлено 4 апреля правительственными войсками, подвергшими город артиллерийскому обстрелу. *Ред.*

комментариев, которые им давали его министры в Национальном собрании. Но, не удовлетворяясь этим, он действовал еще и через Дюфора. Старый орлеанистский адвокат Дюфор всегда играл роль верховного судьи при осадном положении как теперь, в 1871 г., при Тьере, так и в 1839 г. при Луи-Филиппе и в 1849 г. во время президентства Луи Бонапарта. Когда он не занимал должности министра, он наживался, защищая парижских капиталистов, и в то же время наживал политический капитал, нападая на законы, которые сам издал. Не довольствуясь поспешным проведением через Национальное собрание ряда репрессивных законов, которые должны были после падения Парижа уничтожить последние остатки республиканской свободы во Франции, он как бы указывал на будущую участь Парижа следующей мерой: делопроизводство военных судов казалось ему чересчур длинной процедурой — он сократил его и составил новый драконовский закон о ссылке. Революция 1848 г., уничтожив смертную казнь за политические преступления, заменила ее ссылкой. Луи Бонапарт не решился, по крайней мере открыто, восстановить режим гильотины. Помещичьему Собранию, которое еще не осмеливалось даже намекнуть, что парижане в его глазах не бунтовщики, а разбойники, пришлось пока ограничить подготовку мести Парижу новым дюфоровским законом о ссылке. При таких обстоятельствах Тьер не мог бы продолжать свою комедию примирения, если бы эта комедия не вызвала — чего он в сущности и желал — бешеную ярость депутатов «помещичьей палаты», которые из-за своего тупоумия не могли понять ни его игры, ни необходимости его лицемерия, притворства и медлительности.

Ввиду предстоящих 30 апреля муниципальных выборов Тьер разыграл 27 апреля одну из своих сцен примирения. Среди потока сентиментальных фраз он воскликнул с трибуны Национального собрания:

«Существует только один заговор против республики — парижский заговор, вынуждающий нас проливать французскую кровь. Но я повторяю еще и еще раз: пусть сложат свое нечестивое оружие те, которые его подняли, и мы, немедленно остановив карающий меч, заключим мирный договор, из которого будет исключена только кучка преступников».

В ответ на яростные крики депутатов «помещичьей палаты», перебивавших его речь, он сказал:

«Скажите мне, господа, убедительно прошу вас, разве я не прав? Разве вы действительно жалеете, что я мог сказать по справедливости, что преступников только кучка? Разве это не счастье среди наших бедствий, что люди, которые были способны пролить кровь генералов Клемана Тома и Леконта, являются лишь редким исключением?»

Однако Франция оставалась глуха к речам Тьера, льстившего себя надеждой пленить всех пением парламентской сирены. Из 700 000 муниципальных советников, выбранных в оставшихся у Франции 35 000 общин, легитимисты, орлеанисты и бонапартисты не смогли вместе провести даже 8 000 своих приверженцев. Дополнительные выборы привели к результатам, еще более враждебным правительству Тьера. Национальное собрание не только не получило от провинции крайне необходимой ему материальной силы, но потеряло последнее право на роль моральной силы: право считать себя выразителем всеобщей воли страны. В довершение поражения вновь избранные муниципальные советы всех французских городов открыто угрожали узурпировавшему власть Версальскому собранию контрсобранием в Бордо.

Для Бисмарка настала тогда долгожданная минута решительного вмешательства. Тоном повелителя он приказал Тьеру прислать во Франкфурт уполномоченных для окончательного заключения мира. Униженно и покорно исполняя приказание своего хозяина и господина, Тьер поспешил послать во Франкфурт своего верного Жюля Фавра в сопровождении Пуйе-Кертье. Пуйе-Кертье — «видный» руанский хлопчатобумажный фабрикант, горячий, даже холопский, сторонник Второй империи, не видевший в ней никаких недостатков, кроме торгового договора с Англией, который вредил интересам его как фабриканта. Как только Тьер еще в Бордо назначил его министром финансов, он начал нападать на этот «злосчастный» договор, намекал на его скорую отмену и имел даже наглость немедленно попробовать, хотя и безуспешно (так как не спросил разрешения Бисмарка), ввести старые покровительственные пошлины против Эльзаса, чему, по его словам, не мешали тогда никакие прежние международные договоры. Этот человек смотрел на контрреволюцию как на средство понижения заработной платы в Руане, а на уступку французских провинций как на средство повысить цены на свои товары во Франции. Разве *такой человек* не был предназначен для того, чтобы Тьер

выбрал его в помощники Жюля Фавра для осуществления его последнего, завершающего предательства?

Когда эта милая пара уполномоченных приехала во Франкфурт, Бисмарк грубо и властно сразу поставил их перед выбором: «Или восстановление империи, или беспрекословное принятие моих условий мира!» Условия его предусматривали сокращение сроков уплаты военной контрибуции и занятие парижских фортов прусскими войсками до тех пор, пока Бисмарк не будет доволен положением дел во Франции. Таким образом, Пруссия была признана верховным судьей во внутренних делах Франции! Зато он выразил полную готовность отпустить из плена бонапартовскую армию для истребления Парижа и оказать ей прямую помощь войсками императора Вильгельма. В залог того, что сдержит свое слово, он отсрочил уплату первой части контрибуции до «умиротворения» Парижа. Тьер и его уполномоченные набросились, конечно, на такую приманку с жадностью. 10 мая они подписали мирный договор, и уже 18 мая он был благодаря их стараниям утвержден Национальным собранием.

В промежуток времени от заключения мира до возвращения из плена бонапартовских войск Тьер находил нужным продолжать свою комедию примирения. Это было тем более необходимо, что его республиканские приспешники крайне нуждались в подходящем предлоге, чтобы смотреть сквозь пальцы на подготовку кровавой бойни в Париже. Еще 8 мая он ответил депутации среднего класса, пришедшей уговаривать его примириться:

«Как только инсургенты согласятся на капитуляцию, ворота Парижа будут на неделю открыты для всех, кроме убийц генералов Клемана Тома и Леконта».

Несколько дней спустя, когда «помещичья палата» потребовала от него объяснения по поводу этого обещания, он уклонился от ответа, но многозначительно заметил:

«Говорю вам, что между вами есть нетерпеливые люди, которые слишком уж спешат. Пусть потерпят еще неделю; к концу недели уже не будет никакой опасности, и задача будет соответствовать их отваге и способностям».

Как только Мак-Магон смог заверить его, что он скоро вступит в Париж, Тьер заявил Национальному собранию, что он

«вступит в Париж с *законом* в руках и заставит мерзавцев, проливших кровь солдат и разрушивших публичные памятники, поплатиться за свои преступления».

Когда решительная минута приблизилась, он заявил Национальному собранию, что он «не даст пощады»; Парижу он заявил, что приговор ему уже произнесен, а своим бонапартовским разбойникам, — что правительство позволяет им мстить Парижу сколько им угодно. Наконец, когда 21 мая измена открыла генералу Дуэ ворота Парижа, Тьер раскрыл 22 мая «помещичьей палате» «цель» своей комедии примирения, которую она так упорно не хотела понять:

«Я говорил вам несколько дней назад, что мы приближаемся к *нашей цели;* сегодня я пришел сказать вам, что *цель* достигнута. Порядок, справедливость и цивилизация, наконец, одержали победу!»

Да, это была победа. Цивилизация и справедливость буржуазного строя выступают в своем истинном, зловещем свете, когда его рабы и угнетенные восстают против господ. Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются ничем не прикрытым варварством и беззаконной местью. Каждый новый кризис в классовой борьбе производящих богатство против присваивающих его показывает этот факт все с большей яркостью. Перед небывалыми гнусностями 1871 г. бледнеют даже зверства буржуазии в июне 1848 года. Самоотверженный героизм, с которым весь парижский народ — мужчины, женщины и дети — еще целую неделю сражался после того, как версальцы вступили в город, отражает величие его дела так же ярко, как зверские бесчинства солдатни отражают весь дух той цивилизации, наемными защитниками и мстителями за которую они были. Поистине великолепна эта цивилизация, которая очутилась перед трудной задачей, куда девать груды трупов людей, убитых ею уже после окончания боя!

Чтобы найти что-либо похожее на поведение Тьера и его кровавых собак, надо вернуться к временам Суллы и обоих римских триумвиратов. Те же хладнокровные массовые убийства людей; то же безразличное отношение палачей к полу и возрасту жертв; та же система пыток пленных; те же гонения, только на этот раз уже против целого класса; та же дикая травля скрывшихся вождей,

чтобы никто из них не спасся; те же доносы на политических и личных врагов; та же равнодушная зверская расправа с людьми, совершенно непричастными к борьбе. Разница только в том, что римляне не имели митральез, чтобы толпами расстреливать обреченных, что у них не было «в руках закона», а на устах слова «цивилизация».

А после всех этих ужасов посмотрите теперь на другую, еще более омерзительную сторону этой буржуазной цивилизации, описанную ее собственной печатью!

Парижский корреспондент одной лондонской консервативной газеты пишет:

«Вдали еще раздаются отдельные выстрелы; раненые, брошенные на произвол судьбы, умирают между памятниками кладбища Пер-Лашез; 6000 инсургентов, охваченные ужасом и отчаянием, бродят, заблудившись в лабиринтах катакомб; по улицам гонят толпы несчастных, чтобы расстрелять их из митральез. Возмутительно видеть в такую минуту, что кафе переполнены любителями абсента и игры в биллиард и в домино, а кокотки нагло разгуливают по бульварам, в то время как звуки оргий, раздающиеся из cabinets particuliers[1] богатых ресторанов, нарушают ночную тишину!»

Г-н Эдуар Эрве пишет в «Jurnal de Paris», версальской газете, запрещенной Коммуной:

«Форма, в которой парижское население (!) вчера выражало свою радость, действительно более чем легкомысленна, и мы боимся, что дальше будет еще хуже. Париж имеет праздничный вид, что совершенно неуместно: если мы не хотим заслужить имени Parisiens de la décadence[2], то надо это прекратить».

Затем он приводит выдержку из Тацита:

«И вот на следующее утро после этой ужасной борьбы и даже раньше, чем она полностью закончилась, Рим, подлый и развратный, снова опустился в то болото распутства, которое разрушало его тело и оскверняло его душу — alibi proelia et vulnera, alibi balneae popinaeque (здесь битвы и раны, там бани и пиры)».

Г-н Эрве забывает лишь, что то «парижское население», о котором он говорит, есть только население тьеровского Парижа, Парижа francs-fileurs, толпами возвращающихся из Версаля, Сен-Дени, Рюэя и Сен-Жермена; это *действительно* Париж «времен упадка».

---

[1] Отдельных кабинетов. *Ред.*
[2] Парижан времен упадка. *Ред.*

Эта преступная цивилизация, основанная на порабощении труда, при каждом кровавом триумфе заглушает крики своих жертв, самоотверженных борцов за новое, лучшее общество, воем травли и клеветы, который отдается эхом во всех концах света. Спокойный Париж рабочих, Париж Коммуны, превращается внезапно этими алчущими крови сторожевыми псами «порядка» в какой-то ад. Что говорит это чудовищное превращение рассудку буржуазии всех стран? Только то, что Коммуна устроила заговор против цивилизации! Народ Парижа с воодушевлением жертвует собой за Коммуну: ни одна из известных истории битв не знала такого самопожертвования. Что это значит? Только то, что Коммуна эта была не правительством народа, а насильственным захватом власти кучкой преступников! Парижские женщины с радостью умирают и на баррикадах и на месте казни. Что это значит? Только то, что злой дух Коммуны сделал из них Мегер и Гекат! Умеренность Коммуны во все время ее двухмесячного полного господства может сравниться только с геройским мужеством ее защиты. Что это значит? Только то, что Коммуна в течение двух месяцев скрывала под личиной умеренности и гуманности свою дьявольскую кровожадность, с тем чтобы дать ей свободно вылиться во время предсмертной агонии!

Рабочий Париж в своем геройском самопожертвовании предал огню также здания и памятники. Когда поработители пролетариата рвут на куски его живое тело, то пусть они не надеются с торжеством вернуться в свои неповрежденные жилища. Версальское правительство кричит: «Поджог!» и нашептывает своим прихвостням вплоть до самых далеких деревень такой лозунг: «Травите повсюду моих врагов, как простых поджигателей». Буржуазия всего мира наслаждается массовым убийством людей после битвы, и она же возмущается, когда «оскверняют» кирпич и штукатурку!

Когда правительства дают своим военным флотам официальное разрешение «убивать, *жечь* и разрушать», есть ли это разрешение поджогов? Когда английские войска бессмысленно сожгли Капитолий в Вашингтоне и летний дворец китайского императора, — был ли это поджог? Когда пруссаки не из военных соображений, а просто из чувства злобной мести, используя керосин, сжигали такие города как, например, Шатоден и многочисленные

деревни — был ли это поджог? Когда Тьер в течение шести недель бомбардировал Париж, уверяя, что желает поджечь только те дома, в которых есть люди, был ли это поджог? — На войне огонь — столь же законное оружие, как и всякое другое. Здания, занятые неприятелем, бомбардируют, чтобы их сжечь. Когда обороняющимся приходится оставлять эти здания, они сами предают их огню, чтобы нападающие не могли укрепиться в них. Неизбежная судьба всех зданий, оказавшихся во время сражения перед фронтом какой бы то ни было регулярной армии, — быть сожженными. Но в войне рабов против их угнетателей, в этой единственной правомерной войне, какую только знает история, такие меры считают совершенно недопустимыми! Коммуна пользовалась огнем как средством обороны в самом строгом смысле слова; она воспользовалась им, чтобы не допустить версальские войска в те длинные, прямые улицы, которые Осман специально приспособил для артиллерийского огня; она воспользовалась им, чтобы прикрыть свое отступление, так же как версальцы, наступая, применяли гранаты, которые разрушили не меньше домов, чем огонь Коммуны. Еще до сих пор остается спорным вопрос, какие здания зажжены были наступавшими, какие — оборонявшимися. Да и оборонявшиеся только тогда стали пользоваться огнем, когда версальские войска уже начали свои массовые расстрелы пленных. — К тому же Коммуна открыто объявила заранее, что если ее доведут до крайности, то она похоронит себя под развалинами Парижа и сделает из Парижа вторую Москву; такое же обещание давало раньше правительство национальной обороны, но, конечно, только для того, чтобы замаскировать свою измену. Для этого Трошю и приготовил запас керосина. Коммуна знала, что враги ее нисколько не дорожат жизнью парижан, но очень дорожат своими домами в Париже. А Тьер, со своей стороны, объявил, что он будет мстить беспощадно. Когда, с одной стороны, армия его уже была готова к бою, а с другой — пруссаки заперли все выходы, он воскликнул: «Я буду беспощаден! Искупление должно быть полное, суд строгий!» Если парижские рабочие поступали, как вандалы, то это был вандализм отчаянной обороны, а не вандализм торжествующих победителей, каким был тот вандализм, в котором повинны христиане, истребившие действительно бесценные памят-

ники искусства древнего языческого мира; но даже этот вандализм историк оправдал, потому что он был неизбежным и сравнительно незначительным моментом в титанической борьбе нового, нарождавшегося общества против разлагавшегося старого. И уже всего менее эти меры рабочих Парижа походили на вандализм Османа, уничтожившего исторический Париж, чтобы очистить место Парижу проходимцев!

А совершенная Коммуной казнь шестидесяти четырех заложников во главе с парижским архиепископом! В июне 1848 г. буржуазия и ее армия восстановили давно уже исчезнувший военный обычай расстрела беззащитных пленных. Этому зверскому обычаю затем более или менее строго следовали при всех расправах с народными восстаниями в Европе и Индии — явное доказательство, что он является действительным «прогрессом цивилизации»! С другой стороны, пруссаки во Франции снова ввели обычай брать заложников — ни в чем не повинных людей, которые своей жизнью должны были отвечать за действия других. Когда Тьер, как мы видели, еще в начале войны с Парижем ввел гуманный обычай расстрела пленных коммунаров, Коммуна была вынуждена для спасения жизни этих пленных прибегнуть к прусскому обычаю брать заложников. Продолжая, тем не менее, расстреливать пленных, версальцы снова и снова сами отдавали на казнь своих заложников. Как же можно было еще дольше щадить их жизнь после той кровавой бани, которой преторианцы[1] Мак-Магона отпраздновали свое вступление в Париж? Неужели и последняя защита от не останавливающегося ни перед чем зверства буржуазного правительства — взятие заложников — должна была стать только шуткой? Истинный убийца архиепископа Дарбуа — Тьер. Коммуна несколько раз предлагала обменять архиепископа и многих других священников на одного только Бланки, находившегося в руках Тьера. Но последний упорно отказывался от этого обмена. Он знал, что, освобождая Бланки, он даст Коммуне голову,

---

[1] Преторианцами в Древнем Риме называли привилегированную личную гвардию полководца или императора; в период Римской империи преторианцы постоянно участвовали во внутренних смутах и нередко возводили своих ставленников на престол. Слово «преторианцы» позже сделалось символом наемничества, бесчинств и произвола военщины. *Ред.*

архиепископ же гораздо более будет полезен ему, когда будет трупом. В этом случае Тьер подражал Кавеньяку. С какими криками возмущения Кавеньяк и его «люди порядка» обвиняли в июне 1848 г. инсургентов в убийстве архиепископа Афра! На деле они прекрасно знали, что архиепископ был застрелен солдатами партии порядка. Г-н Жакме, генеральный викарий архиепископа, бывший очевидцем, сейчас же после происшествия засвидетельствовал им это.

То, что партия порядка при всех своих кровавых оргиях распространяла столько клеветы о своих жертвах, доказывает лишь, что современные буржуа считают себя законными наследниками прежних феодалов, которые признавали за собой право употреблять против плебеев всякое оружие, тогда как наличие любого оружия в руках плебея само по себе уже являлось преступлением.

Заговор господствующего класса для подавления революции при помощи гражданской войны под покровительством чужеземного завоевателя, заговор, который мы проследили с 4 сентября до вступления преторианцев Мак-Магона в ворота Сен-Клу, этот заговор закончился кровавой бойней в Париже. Бисмарк самодовольно смотрит на развалины Парижа и, вероятно, видит в них первый шаг ко всеобщему разрушению больших городов, о котором он мечтал, когда был еще только простым помещиком — депутатом прусской chambre introuvable 1849 года. Он самодовольно любуется трупами парижских пролетариев. Для него это не только искоренение революции, но и уничтожение Франции, которая теперь в самом деле обезглавлена, и притом самим же французским правительством. Поверхностный, как все преуспевающие государственные мужи, он видит лишь внешнюю сторону этого чудовищного исторического события. Разве видели до сих пор в истории победителя, который решился бы увенчать свою победу ролью не только жандарма, но и наемного убийцы в руках побежденного правительства? Между Пруссией и Коммуной не было войны. Наоборот, Коммуна согласилась на предварительные условия мира, и Пруссия объявила нейтралитет. Значит, Пруссия не была воюющей стороной. Она действовала, как подлый убийца, потому что не подвергалась при этом никакой опасности, как наемный убийца, потому что она заранее обусловила падением Парижа уплату ей 500 миллионов —

этой кровавой цены убийства. Вот тут-то и проявился истинный характер войны, которая была ниспослана провидением для наказания безбожной и развратной Франции рукой глубоконравственной и набожной Германии! Это небывалое нарушение международного права даже с точки зрения юристов старого мира вместо того, чтобы заставить «цивилизованные» правительства Европы объявить вне закона преступное прусское правительство, бывшее простым орудием в руках с.-петербургского кабинета, дало им только повод обсуждать вопрос, — не выдать ли версальскому палачу и те его немногие жертвы, которым удалось проскользнуть через двойную цепь, окружавшую Париж!

После самой ужасной войны новейшего времени армия победившая и армия побежденная соединяются для совместной кровавой расправы с пролетариатом. Такое неслыханное событие не доказывает, как думал Бисмарк, что новое, пробивающее себе дорогу общество потерпело окончательное поражение, — нет, оно доказывает полнейшее разложение старого буржуазного общества. Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается — отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах. Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства *едины* суть!

После троицына дня 1871 г. не может уже быть ни мира, ни перемирия между французскими рабочими и присвоителями продукта их труда. Железная рука наемной солдатни может быть и придавит на время оба эти класса, но борьба их неизбежно снова возгорится и будет разгораться все сильнее, и не может быть никакого сомнения в том, кто, в конце концов, останется победителем: немногие ли присвоители или огромное большинство трудящихся. А французские рабочие являются лишь авангардом всего современного пролетариата.

Европейские правительства продемонстрировали перед лицом Парижа международный характер классового господства, а сами вопят на весь мир, что главной причиной

всех бедствий является Международное Товарищество Рабочих, то есть международная организация труда против всемирного заговора капитала. Тьер обвиняет эту организацию в том, что она — деспот труда, а выдает себя за освободителя труда. Пикар приказал не допускать какие-либо сношения французских членов Интернационала с его членами за границей; граф Жобер, превратившийся в мумию соучастник Тьера по 1835 г., заявил, что главной задачей каждого правительства цивилизованной страны должно быть искоренение Интернационала. «Помещичья палата» поднимает против него вой, а европейская печать хором поддерживает ее. Один уважаемый французский писатель[1], ничего общего не имеющий с нашим Товариществом, сказал о нем:

«Члены Центрального комитета национальной гвардии и бо́льшая часть членов Коммуны — самые деятельные, ясные и энергичные головы Международного Товарищества Рабочих... Это — люди безусловно честные, искренние, умные, полные самоотвержения, чистые и фанатичные в *хорошем* смысле этого слова».

Буржуазный рассудок, пропитанный полицейщиной, разумеется, представляет себе Международное Товарищество Рабочих в виде какого-то тайного заговорщического общества, центральное правление которого время от времени назначает восстания в разных странах. На самом же деле наше Товарищество есть лишь международный союз, объединяющий самых передовых рабочих разных стран цивилизованного мира. Где бы и при каких бы условиях ни проявлялась классовая борьба, какие бы формы она ни принимала, — везде на первом месте стоят, само собой разумеется, члены нашего Товарищества. Та почва, на которой вырастает это Товарищество, есть само современное общество. Это Товарищество не может быть искоренено, сколько бы крови ни было пролито. Чтобы искоренить его, правительства должны были бы искоренить деспотическое господство капитала над трудом, то есть искоренить основу своего собственного паразитического существования.

Париж рабочих с его Коммуной всегда будут чествовать как славного предвестника нового общества. Его мученики навеки запечатлены в великом сердце рабочего

[1] По-видимому, Робине. *Ред.*

класса. Его палачей история уже теперь пригвоздила к тому позорному столбу, от которого их не в силах будут освободить все молитвы их попов.

Генеральный Совет:

М. Дж. Бун, Ф. Брадник, Г. Х. Баттери, Кэйхил, Делаэ, Уильям Хейлз, А. Эрман, Кольб, Ф. Лесснер, Лохнер, Дж. П. Мак-Доннел, Джордж Милнер, Томас Моттерсхед, Ч. Милс, Чарлз Марри, Пфендер, Роч, Роша, Рюль, Садлер, О. Серрайе, Кауэлл Степни, Альф. Тейлор, Уильям Таунсенд

Секретари-корреспонденты:

Эжен Дюпон — для Франции; *Карл Маркс* — для Германии и Голландии; *Ф. Энгельс* — для Бельгии и Испании; *Герман Юнг* — для Швейцарии; *П. Джоваккини* — для Италии; *Зеви Морис* — для Венгрии; *Антоний Жабицкий* — для Польши; *Джемс Кон* — для Дании; *И. Г. Эккариус* — для Соединенных Штатов.

Герман Юнг, председательствующий
Джон Уэстон, казначей
Джордж Харрис, финансовый секретарь
Джон Хейлз, генеральный секретарь

256, Хай Холборн, Лондон.
Уэстерн Сентрал, 30 мая 1871 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

«Колонна арестованных остановилась на авеню Урик и выстроилась в четыре или пять рядов на тротуаре лицом к улице. Генерал маркиз де Галиффе и его штаб спешились и начали осмотр с левого фланга. Медленно двигаясь и осматривая ряды, генерал останавливался то тут, то там, хлопая какого-нибудь человека по плечу или вызывая кивком головы кого-либо из задних рядов. В большинстве случаев, без дальнейших разговоров, человека, выбранного таким образом, заставляли выйти на середину улицы, где вскоре образовалась отдельная колонна меньшего размера... Ясно, что тут был значительный простор для ошибок. Офицер верхом на лошади указал генералу Галиффе на мужчину и женщину, будто бы виновных в особом преступлении. Женщина, выбежав из рядов, бросилась на колени с вытянутыми вперед руками и в страстных выражениях уверяла в своей невиновности.

Генерал выждал некоторое время и с самым бесстрастным лицом и безучастным видом сказал: «Мадам, я бывал во всех театрах Парижа, — не утруждайте себя и не играйте комедии (ce n'est pas la peine de jouer la comédie)»... Было плохо в этот день оказаться заметно выше, грязнее, чище, старше или некрасивее своих соседей. Один человек особенно поразил меня. Очевидно, он быстро избавился от бремени жизни благодаря сломанному носу... Когда таким образом было отобрано больше сотни человек и был назначен отряд расстреливающих, колонна двинулась вперед, оставив их позади. Несколько минут спустя позади нас раздался залп, и огонь продолжался свыше четверти часа. Это была казнь тех наспех осужденных бедняг». (Парижский корреспондент «Daily News», 8 июня.)

Этот Галиффе, «альфонс своей жены, столь известной тем, что она бесстыдно выставляла напоказ свое тело на оргиях Второй империи», во время войны был известен под именем французского «прапорщика Пистоля».

««Temps» — газета осторожная и не падкая на сенсации — рассказывает ужасную историю о людях, не умерших сразу после расстрела и погребенных прежде, чем их жизнь угасла. Большое количество из них было зарыто на сквере вокруг Сен-Жак-ла-Бушри, многие из них очень неглубоко. Днем уличный шум мешал это слышать, но в тишине ночи обитатели домов, находящихся по соседству, просыпались от отдаленных стонов, а утром они видели, как сжатая в кулак рука высовывается из-под земли. Вследствие этого было предписано откопать зарытых... У меня нет ни малейшего сомнения в том, что многие раненые были заживо погребены. Один факт я могу засвидетельствовать. Когда Брюнель был застрелен вместе со своей возлюбленной 24-го во дворе одного дома на Вандомской площади, тела лежали там до вечера 27-го. Когда погребальный отряд явился, чтобы убрать тела, он увидел, что женщина еще жива, и отвез ее в больницу. Хотя в нее попали четыре пули, она теперь вне опасности». (Парижский корреспондент «Evening Standard»[1], 8 июня.)

II

Следующее письмо появилось в лондонском «Times» от 13 июня[2]:

РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «TIMES»

Милостивый государь!

6 июня 1871 г. Жюль Фавр разослал циркуляр всем европейским державам, в котором он призывал их бо-

[1] «The Evening Standard» («Вечернее знамя») — вечерний выпуск газеты «Standard»; выходил в Лондоне. *Ред.*

[2] Написанное Марксом и Энгельсом заявление Генерального Совета Интернационала по поводу циркуляра Жюля Фавра от 6 июня 1871 г. *Ред.*

роться с Международным Товариществом Рабочих вплоть до его уничтожения. Для характеристики этого документа достаточно всего лишь нескольких замечаний.

Уже во введении к нашему Уставу указывалось, что Интернационал был основан «28 сентября 1864 г. на публичном собрании в Сент-Мартинс-холле, Лонг-Эйкр, в Лондоне». По причинам, лучше всего известным ему самому, Жюль Фавр переносит дату его возникновения на время до 1862 года.

Для разъяснения наших принципов он берется цитировать «его» (Интернационала) «листовку от 25 марта 1869 года». Но что же он в действительности цитирует? Листовку одного общества, которое вовсе не является Интернационалом. К такого рода маневрам он уже прибегал, будучи еще довольно молодым адвокатом, при защите парижской газеты «National» от обвинения в клевете, возбужденного против нее Кабе. Тогда он утверждал, что читает выдержки из брошюр Кабе, а в действительности читал им же самим вставленные предложения. Этот обман был обнаружен еще во время судебного заседания, и, если бы не снисходительность Кабе, Жюль Фавр был бы наказан исключением из парижской адвокатской корпорации. Из всех документов, которые Жюль Фавр цитирует в качестве документов Интернационала, ни один не принадлежит Интернационалу. Так, например, он говорит:

«Альянс объявляет себя атеистическим, как это заявляет Генеральный Совет, учрежденный в Лондоне в июле 1869 года».

Генеральный Совет никогда не выпускал такого документа. Напротив, он выпустил документ [1], объявлявший недействительным тот самый устав Альянса — L'Alliance de la Démocratie Socialiste [2] в Женеве, — который как раз Жюль Фавр и цитирует.

Во всем этом циркуляре, якобы направленном в известной части также и против империи, Жюль Фавр лишь повторяет те полицейские вымыслы бонапартовских прокуроров, которые были опровергнуты даже перед судами самой империи.

Известно, что в своих двух воззваниях (от июля и

---

[1] Имеется в виду написанное Марксом циркулярное письмо «Международное Товарищество Рабочих и Альянс социалистической демократии». *Ред.*

[2] Альянса социалистической демократии. *Ред.*

сентября прошлого года) о последней войне[1] Генеральный Совет Интернационала разоблачил завоевательные планы Пруссии, направленные против Франции. Впоследствии г-н Ретленжер, личный секретарь Жюля Фавра, обращался, и, разумеется, напрасно, к некоторым членам Генерального Совета с просьбой добиться демонстративного выступления Совета против Бисмарка в поддержку правительства национальной обороны; при этом их особенно просили не упоминать о республике. Приготовления к демонстрации, ввиду ожидавшегося прибытия Жюля Фавра в Лондон, были сделаны, — несомненно с самыми лучшими намерениями, — вопреки желанию Генерального Совета, который в своем воззвании от 9 сентября определенно предостерегал парижских рабочих в отношении Жюля Фавра и его коллег.

Что сказал бы тот же Жюль Фавр, если бы Генеральный Совет Интернационала обратился, в свою очередь, с циркулярным письмом о Жюле Фавре ко всем европейским кабинетам, предлагая их особому вниманию документы, опубликованные в Париже покойным г-ном Мильером?

Остаюсь, милостивый государь, Ваш покорный слуга

Джон Хейлз,
секретарь Генерального Совета
Международного Товарищества Рабочих

256, Хай Холборн, Лондон,
Уэстерн Сентрал, 12 июня

В статье «Международное Товарищество и его цели» лондонский «Spectator»[2] (от 24 июня), в качестве благочестивого доносчика, цитирует, пожалуй, еще более основательно, чем это сделал Жюль Фавр, вместе с другими подобными же художествами, упомянутый выше документ Альянса как произведение Интернационала. Он напечатал это одиннадцать дней спустя после того как вышеприведенное опровержение было опубликовано в газете «Times». Это нас не удивляет. Уже Фридрих Великий говорил, что из всех иезуитов протестантские хуже всех.

Написано в апреле — мае 1871 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 17

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 17, стр. 1—6, 274—282. *Ред.*

[2] «The Spectator» («Зритель») — английский еженедельник либерального направления. *Ред.*

К. МАРКС

ИЗ «ПЕРВОГО НАБРОСКА «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ»»

КОММУНА

1. МЕРОПРИЯТИЯ В ПОЛЬЗУ РАБОЧЕГО КЛАССА

Отменена *ночная работа булочников* (20 апреля).

В государственных и частных мастерских уничтожена *частная юрисдикция*, узурпированная владельцами фабрик и т. д. (фабрикантами) (крупными и мелкими *предпринимателями*), которые являлись одновременно судьями, исполнителями приговоров, сторонами в спорах и неизменно выигрывали дело, — уничтожено их право иметь *свой собственный уголовный кодекс*, позволявший им грабить у трудящихся заработную плату посредством *штрафов, вычетов*, производившихся под видом наказания, и т. д.; наказания, грозящие предпринимателям за нарушение этого закона; *штрафы и вычеты*, взысканные после 18 марта, должны быть выплачены рабочим обратно (27 апреля). Приостановлена продажа вещей, заложенных в ломбардах (29 марта).

Очень многие мастерские и фабрики в Париже закрылись, так как их владельцы бежали. Это — старый метод капиталистов-промышленников, считающих себя вправе, «в силу стихийного действия законов политической экономии», не только извлекать прибыль из труда рабочих, рассматривая это как условие труда, но и совершенно приостанавливать работу и выбрасывать рабочих на мостовую, чтобы вызывать искусственный кризис всякий раз, когда победоносная революция угрожает «порядку» их «системы». Коммуна, действуя очень мудро, назначила коммунальную комиссию, которая в сотрудничестве с делегатами от различных отраслей промышленности должна определить способ передачи покинутых фабрик

и мастерских кооперативным рабочим обществам, с уплатой некоторой компенсации бежавшим капиталистам (16 апреля); (этой комиссии поручено также вести статистический учет покинутых мастерских).

Коммуна предписала мэриям не делать различия при выплате пособия в 75 сантимов между так называемыми незаконными женами и матерями и вдовами национальных гвардейцев.

Проститутки, содержавшиеся до сих пор в Париже для «людей порядка», находились, ради «безопасности» последних, в личной рабской зависимости, будучи всецело во власти полиции. Коммуна освободила проституток от этого унизительного рабства, но вместе с тем смела прочь самую почву, на которой расцветает проституция, и тех мужчин, благодаря которым она расцветает. Проститутки более высокого ранга — кокотки — были, впрочем, при режиме порядка не рабынями, а госпожами полиции и правителей.

У Коммуны не было, конечно, времени реорганизовать народное просвещение (образование); но, очистив его от религиозных и клерикальных элементов, Коммуна положила начало умственному раскрепощению народа. Она назначила комиссию для организации обучения (начального (элементарного) и профессионального) (28 апреля). Она постановила, чтобы все учебные пособия, такие как книги, карты, бумага и т. д., — выдавались бесплатно школьными учителями, которые должны в свою очередь получать их от соответствующих мэрий. Учителям ни под каким видом не разрешается взимать с учеников плату за эти учебные пособия *(28 апреля)*.

Ломбарды: по всем ломбардным квитанциям, выданным до 25 апреля 1871 г., заложенные одежда, мебель, белье, книги, постельные принадлежности и орудия труда, стоимостью не выше 20 франков, могут быть истребованы обратно без выкупа, начиная с 12 мая *(7 мая)*.

2. МЕРОПРИЯТИЯ В ИНТЕРЕСАХ РАБОЧЕГО КЛАССА, НО ПРЕИМУЩЕСТВЕННО В ИНТЕРЕСАХ СРЕДНИХ КЛАССОВ

Квартирная плата за последние 3 квартала до апреля полностью аннулируется: всякий уплативший какую-либо сумму за любой из этих кварталов, имеет право зачесть ее в счет будущих платежей. Этот закон распространяется

и на меблированные помещения. Никакие требования домовладельцев о выселении жильцов не будут иметь силу в течение ближайших 3 месяцев *(29 марта)*.

Échéances (оплата векселей, по которым наступил срок платежа) *(истечение сроков векселей)*: все иски за просроченные векселя приостанавливаются *(12 апреля)*.

Все платежи по торговым обязательствам этого рода должны быть произведены в течение 2 лет (уплата производится в рассрочку), начиная с 15 июля, без начисления процентов на сумму долга. Общая сумма долга разделяется на 8 *равных частей, выплачиваемых по триместрам* (первый триместр начинается с 15 июля). Судебное преследование допускается только в том случае, если эти частичные платежи не внесены в срок *(16 апреля)*. Законы Дюфора об арендной плате и векселях влекли за собой банкротство большинства добропорядочных парижских торговцев.

Нотариусы, судебные приставы, их помощники, аукционисты и прочие судейские чиновники, наживавшие до сих пор состояния, используя свои должности, превращены в служащих Коммуны, получающих от нее установленную заработную плату, подобно другим рабочим.

Так как профессора Медицинской школы бежали из Парижа, то Коммуна назначила комиссию для основания *вольных университетов*, уже не являющихся государственными паразитами; студентам, сдавшим экзамен, предоставляется возможность практиковать без докторского звания (звание должно даваться факультетом).

Так как судьи *гражданского суда департамента Сены*, всегда готовые, подобно остальным судьям, работать при любом классовом правительстве, бежали из Парижа, то Коммуна назначила особого адвоката для ведения наиболее неотложных дел впредь до реорганизации судов на основе всеобщего избирательного права *(26 апреля)*.

3. МЕРОПРИЯТИЯ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Отменен рекрутский набор. В нынешнюю войну должен служить всякий пригодный к военной службе человек (в национальной гвардии). Эта мера — превосходный

способ избавиться от всех изменников и трусов, скрывающихся в Париже *(29 марта).*

Запрещены азартные игры (2 апреля).

Церковь отделена от государства; ликвидирован бюджет на религиозные цели; все церковные имущества объявлены национальной собственностью *(3 апреля).*

Коммуна, произведя расследования на основании частных сведений, выяснила, что *«правительство порядка»*, не довольствуясь старой гильотиной, распорядилось изготовить новую (более удобную и портативную) и заранее за нее заплатило. Коммуна приказала публично сжечь 6 апреля обе гильотины, старую и новую. Версальские газеты, которым вторила пресса «порядка» во всем мире, изобразили дело так, будто эти гильотины были сожжены парижским народом в знак протеста против кровожадности коммунаров! *(6 апреля.)* После революции 18 марта все политические заключенные были немедленно освобождены. Но Коммуна знала, что при *режиме Луи Бонапарта* и его достойного преемника — правительства обороны многие были брошены в тюрьму без всякого обвинения, просто как подозрительные в политическом отношении. Поэтому она поручила одному из своих членов — Прото — провести расследование. Он освободил 150 человек, которые находились в заключении уже полгода, но по делу которых не было проведено какого-либо судебного следствия; многие из них, арестованные еще при Бонапарте, находились в тюрьме в течение года без предъявления им какого-либо обвинения и без судебного следствия *(9 апреля).* Этот факт, столь характерный для правительства обороны, привел его в ярость. Оно стало утверждать, что Коммуна выпустила на волю всех преступников. Но кто действительно выпустил осужденных преступников? Подделыватель документов Жюль Фавр. Едва захватив власть, он поспешил освободить *Пика и Тайфера*, осужденных за кражу и подлог в связи с историей с газетой «Étendard». Один из этих господ, Тайфер, был настолько дерзок, что вернулся в Париж, но был водворен обратно в приличествующее ему помещение. Но этого мало. Версальское правительство выпустило воров из *Maisons Centrales*[1] по всей Франции на том условии, что они вступят в армию г-на Тьера!

---

[1] Центральных тюрем. *Ред.*

Декрет о разрушении Вандомской колонны как «памятника варварства, символа грубой силы и ложной славы, как утверждения милитаризма и отрицания международного права» *(12 апреля)*.

Избрание Франкеля (немца, члена Интернационала) в состав Коммуны объявлено действительным: «ввиду того, что знамя Коммуны есть знамя всемирной республики и что членами ее могут быть и иностранцы» *(4 апреля)*; несколько позже Франкель выбран в члены Исполнительной комиссии Коммуны *(21 апреля)*.

«Journal Officiel» начал публикацию отчетов о заседаниях Коммуны *(15 апреля)*.

Декрет Паскаля Груссе о защите иностранцев от реквизиций. Ни одно правительство в Париже никогда не было так обходительно с иностранцами *(27 апреля)*.

Коммуна отменила политическую и профессиональную присяги *(4 мая)*.

Разрушение памятника, именуемого «Часовней во искупление казни Людовика XVI», на улице д'Анжу-Сент-Оноре (воздвигнута «chambre introuvable» 1816 г.) *(7 мая)*.

4. МЕРЫ ПО ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Разоружение «лояльных» национальных гвардейцев *(30 марта)*.

Коммуна объявляет о несовместимости пребывания в ее рядах с занятием места в Версальском собрании *(29 марта)*.

Декрет о репрессиях. Никогда не был приведен в исполнение. Арестованы только духовные лица: *парижский архиепископ и священник церкви Ла-Мадлен*, вся головка колледжа иезуитов, настоятели всех главнейших церквей; *одни из этих лиц арестованы* в качестве заложников, другие — как находящиеся в заговоре с Версалем, третьи — за попытки спасти церковное имущество от изъятия его Коммуной *(6 апреля)*.

«Монархисты ведут войну как дикари; они расстреливают пленных, убивают раненых, обстреливают перевязочные пункты; их войска поднимают винтовки в воздух прикладами вверх и потом предательски открывают огонь» *(прокламация Коммуны)*.

По поводу этих декретов о репрессиях надо отметить следующее:

Во-первых, все слои парижского населения — после того как капиталисты, тунеядцы и паразиты выехали из Парижа — обращались в Версаль с требованием прекратить гражданскую войну, *за исключением парижского духовенства.* Архиепископ и священник церкви Ла-Мадлен писали Тьеру, когда уже были заложниками, только потому, что не хотели *«пролития их собственной крови».*

Во-вторых, после опубликования Коммуной декрета о репрессиях, о взятии заложников и т. д., зверское обращение с версальскими пленными со стороны овечек Пьетри и жандармов Валантена не прекратилось, но убийства захваченных в плен парижских солдат и национальных гвардейцев были приостановлены, а затем возобновились с еще большей яростью, как только версальское правительство убедилось, что Коммуна слишком гуманна, чтобы привести в исполнение свой декрет от 6 апреля. Тогда массовые убийства начались снова. Коммуна не казнила ни одного заложника, ни одного пленного; даже несколько жандармских офицеров, которые как шпионы проникли в Париж в мундирах национальных гвардейцев, были только арестованы, но не казнены.

Неожиданное нападение на редут Кламар (2 мая). *Железнодорожная станция была в руках парижан,* резня, закалывают штыками, 22-й батальон стрелков *(Галиффе?)* расстреливает солдат линейных полков на месте, не соблюдая никаких формальностей *(2 мая). Редут Мулен-Саке,* расположенный между фортом Исси и Монружем, захвачен внезапно ночью вследствие измены коменданта *Гальена,* который за деньги сообщил пароль версальским войскам. Коммунары, захваченные врасплох спящими в своих постелях, большей частью перебиты. *(4 мая?)*

25 апреля четыре национальных гвардейца (это установлено комиссарами, посланными в Бисетр, где находился единственный из национальных гвардейцев, оставшийся в живых в Бель-Эпине, недалеко от Вильжюифа; его фамилия *Шеффер*). Эти национальные гвардейцы были окружены конными стрелками; по требованию последних, ввиду невозможности сопротивления, они сдались и были обезоружены, причем солдаты не причинили им никакого вреда. Но затем появляется капитан стрелков и расстреливает их поодиночке из револьвера. Их

оставили там лежать на земле; Шеффер, несмотря на страшную рану, выжил.

Тринадцать солдат регулярной армии, взятые в плен на железнодорожной станции Кламар, были расстреляны на месте, все прибывающие в Версаль пленные в форме линейных войск будут казнены тотчас же по выяснении их личности (версальская «Liberté»). Александр Дюма-сын, находящийся сейчас в Версале, рассказывает, что один молодой человек, выполнявший обязанности генерала, хотя и без генеральского чина, был застрелен по приказу одного бонапартовского генерала, после того как прошел под конвоем несколько сот ярдов по дороге... Жандармы окружают дома, в которых укрываются парижские войска и национальные гвардейцы, обливают эти дома керосином и затем поджигают их. Несколько трупов национальных гвардейцев (обугленных) были доставлены санитарным отрядом прессы в квартале Терн («Mot d'Ordre», 20 апреля). «Они не имеют права на лазареты».

Тьер. Бланки. Архиепископ. Генерал Шанзи. (Тьер сказал, что его бонапартисты предпочли бы быть расстрелянными.)

Обыски в домах и т. д. Казимир Буп назначен председателем комиссии по расследованию действий диктаторов 4 сентября *(14 апреля)*. Были произведены обыски в частных домах и конфискованы бумаги, но никаких вещей при этом не забирали и не продавали с молотка. (Конфискованы бумаги лиц, причастных к 4 сентября, Тьера и т. д. и бонапартовских полицейских.) Например, в особняке *Лафона*, главного инспектора тюрем *(11 апреля)*. Произведены обыски в домах (собственных) Тьера и К°, как изменников, но конфискованы *только бумаги.*

Аресты в своей собственной среде. Это особенно шокирует буржуа, которому непременно нужны политические идолы и «великие люди».

«Раздражает» («Daily News», 6 мая. Корреспонденция из Парижа) «и отталкивает то, что, какова бы ни была власть Коммуны, она все время переходит из рук в руки, и мы не знаем сегодня, кому будет принадлежать власть завтра... Во всех этих вечных переменах более чем когда-либо можно видеть отсутствие направляющей руки. Коммуна представляет собой собрание равноценных атомов, из которых каждый относится с недоверием к другому и *ни один не наделен верховной властью над всеми остальными».*

Закрытие газет!

5. ФИНАНСОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

См. «Daily News», 6 мая.

Главные расходы на войну!

Только 8 928 франков получено от конфискаций, причем все это взято у духовных лиц и т. д.

«Vengeur», 6 мая.

КОММУНА

...ХАРАКТЕР КОММУНЫ

...Истинной противоположностью *самой империи*, то есть государственной власти, централизованной исполнительной власти, которая во Второй империи лишь нашла свою исчерпывающую формулу, — была *Коммуна*. Эта государственная власть в действительности есть творение буржуазии, сначала как средство для уничтожения феодализма, а затем — как средство подавления освободительных стремлений производителей, рабочего класса. Все реакции и все революции служили только для передачи этой организованной власти — этой организованной силы для порабощения труда — из одних рук в другие, от одной фракции господствующих классов к другой. Государственная власть служила для господствующих классов средством порабощения и обогащения. В каждой новой перемене она черпала новые силы. Государственная власть служила орудием для подавления всякого народного восстания, а также и сопротивления рабочего класса, после того как он сражался и его использовали для того, чтобы обеспечить передачу государственной власти от одной части его угнетателей к другой. Поэтому Коммуна была революцией не против той или иной формы государственной власти — легитимистской, конституционной, республиканской или императорской. Она была революцией против самого *государства*, этого сверхъестественного выкидыша общества; народ снова стал распоряжаться сам и в своих интересах своей собственной общественной жизнью. Коммуна не была революцией с целью передать государственную власть из рук одной части господствующих классов в руки другой, это была революция с целью разбить саму эту страшную машину классового господства. Это была не одна из мелочных стычек

между парламентской формой классового господства и классового господства в форме исполнительной власти, а восстание против обеих этих форм, восполняющих друг друга, причем парламентская форма была только обманчивым придатком исполнительной власти. Вторая империя была последней формой этой узурпации, совершенной государством. Коммуна была решительным отрицанием этой государственной власти и потому началом социальной революции XIX века. И поэтому, какова бы ни была ее судьба в Париже, она обойдет *весь мир*. Рабочий класс Европы и Соединенных Штатов Америки сразу же приветствовал Коммуну как волшебное слово освобождения. Слава прусского завоевателя и его допотопные подвиги стали выглядеть только призраками далекого прошлого.

Только рабочий класс мог сформулировать в слове «Коммуна» и впервые воплотить в жизнь в борющейся Парижской Коммуне это новое устремление. Даже последнее выражение этой государственной власти — Вторая империя, — хотя она и была унизительна для гордости господствующих классов и развеяла все их парламентские притязания на самоуправление, — была только последней возможной формой их классового господства. Хотя Вторая империя и лишила их прежнего политического положения, она была оргией, при которой все экономические и социальные гнусности их режима получили полный простор. Средняя буржуазия и мелкая буржуазия в силу экономических условий своего существования были неспособны начать новую революцию и были вынуждены идти либо за господствующими классами, либо за рабочим классом. Крестьяне были пассивной экономической базой Второй империи, этого последнего торжества *государства*, оторванного от общества и независимого от него. Одни лишь пролетарии, воодушевленные новой социальной задачей, которую им предстоит выполнить в интересах всего общества, — задачей уничтожения всех классов и классового господства — были способны сломать орудие этого классового господства — государство, централизованную и организованную правительственную власть, ставшую путем узурпации господином общества вместо того, чтобы быть его слугой. Вторая империя — это последнее увенчание и в то же время самое отъявленное проституирование государства, занявшего место средневе-

ковой церкви, — возникла, опираясь на пассивную поддержку крестьянства, в активной борьбе, которую вели против пролетариев господствующие классы. Вторая империя возникла против пролетариев. И ими же она была сломлена, не как особая форма правительственной (централизованной) власти, а как ее наиболее мощное выражение, принявшее вид ее кажущейся независимости от общества, и именно поэтому ставшей ее наиболее проституированной реальностью, покрытой позором сверху донизу, получившей свое концентрированное выражение в полнейшей коррупции внутри страны и в полнейшем бессилии вовне.

Но после крушения этой формы классового господства исполнительная власть, правительственная государственная машина, сделалась главным и единственным объектом, против которого направились удары революции.

Парламентаризм во Франции пришел к концу. Его последним периодом и наиболее полным господством была парламентарная республика с мая 1848 г. до coup d'état[1]. Империя, умертвившая парламентаризм, была его собственным созданием. Во время империи с ее Законодательным корпусом и сенатом парламентаризм — и в этой форме он был воспроизведен в военных монархиях Пруссии и Австрии — был просто фарсом, просто придатком деспотизма в его самой грубой форме. Парламентаризм тогда умер во Франции, и уж конечно не рабочей революции воскрешать его из мертвых.

Коммуна — это обратное поглощение государственной власти обществом, когда на место сил, подчиняющих и порабощающих общество, становятся его собственные живые силы; это переход власти к самим народным массам, которые на место организованной силы их угнетения создают свою собственную силу; это политическая форма их социального освобождения, занявшая место искусственной силы общества (присвоенной себе их угнетателями) (их собственной силы, противопоставленной им и организованной против них же), используемой для их же угнетения их врагами. Эта форма была проста, как все великое. В противоположность прежним революциям, когда время, нужное для всякого исторического развития, в прошлом всегда бывало упущено, и в первые же дни

[1] Государственного переворота. *Ред.*

народного торжества, как только народ сдавал свое победоносное оружие, это оружие направлялось против него же самого, — Коммуна прежде всего заменила армию национальной гвардией.

«Впервые с 4 сентября республика освобождена от *правительства своих врагов...* В городе национальная милиция, защищающая граждан от власти (правительства), *вместо постоянной армии, защищающей правительство от граждан»*. (*Воззвание* Центрального комитета от 22 марта.)

(Народу надо было только организовать эту милицию в национальном масштабе, чтобы покончить с постоянными армиями; это — первое экономическое conditio sine qua non[1] для всех социальных улучшений, сразу же устраняющее этот источник налогов и государственного долга и эту постоянную опасность правительственной узурпации классового господства — в форме обыкновенного классового господства или же в форме господства какого-нибудь авантюриста, выдающего себя за спасителя всех классов.) Вместе с тем это вернейшая гарантия против иноземного нападения, делающая фактически невозможным дорогостоящий военный аппарат во всех других государствах; это — освобождение крестьянина от налога кровью и от обильнейшего источника всех государственных налогов и государственных долгов. Уже здесь обнаруживается, чем Коммуна должна *привлечь крестьянина*, благодаря чему она явится первым словом его освобождения. Одновременно уничтожена «независимая полиция», и ее головорезы заменены слугами Коммуны. Всеобщее избирательное право, которым до сих пор злоупотребляли либо как средством парламентского санкционирования священной государственной власти, либо как игрушкой в руках господствующих классов, когда оно использовалось народом только для того, чтобы раз в несколько лет санкционировать парламентское классовое господство (выбирать орудия этого господства), — всеобщее избирательное право приспособлено теперь согласно своему подлинному назначению для избрания коммунами своих собственных должностных лиц в области управления и законодательного почина. Исчезла иллюзия, будто административное и политическое управление — это какие-то тайны, какие-то трансцендентные функции, которые

[1] Необходимое условие. *Ред.*

могут быть доверены только обученной касте, состоящей из государственных паразитов, щедро оплачиваемых сикофантов и любителей синекур, касте, впитывающей в себя образованные элементы масс — на высоких постах и направляющей их против самих же масс — на низших ступенях иерархической лестницы. В результате того, что полностью уничтожена вся государственная иерархия и надменные господа народа заменены его сменяемыми в любую минуту слугами, показная ответственность заменена действительной, поскольку их деятельность проходит под постоянным общественным контролем. Они оплачиваются как квалифицированные рабочие, получая 12 ф. ст. в месяц; высший размер вознаграждения не превышает 240 ф. ст. в год, что, по словам крупного авторитета в науке, профессора Гексли, чуть превышает одну пятую часть жалованья, которым удовлетворился бы секретарь лондонского школьного совета. Весь хлам государственных тайн и государственных притязаний был выметен вон Коммуной, состоявшей главным образом из простых рабочих, которые организовали оборону Парижа, вели войну против преторианцев Бонапарта, снабжали продовольствием этот огромный город, занимали все посты, распределявшиеся до тех пор между правительством, полицией и префектурой; при этом они делали свое дело открыто, просто, в исключительно трудной и сложной обстановке, и делали его так же, как Мильтон писал свой «Потерянный рай», то есть за очень скромное вознаграждение, действуя на глазах у всех, не претендуя на непогрешимость, не скрываясь за канцелярской канителью, не стыдясь сознаваться в своих ошибках, исправляя их. Они сразу же сделали общественные функции, военные, административные, политические, которые были скрытыми атрибутами обученной касты, — *действительно функциями рабочих;* (поддерживали порядок в бурях гражданской войны и революции), (предприняли меры для общего возрождения). Каковы бы ни были достоинства отдельных мероприятий Коммуны, ее величайшим мероприятием было создание самой Коммуны, которая возникла в такое время, когда иноземный враг стоял у одних ворот, а классовый враг у других, которая доказывает своим существованием свою жизнеспособность и подтверждает свои теории своими делами. Ее появление было победой над победителями Франции. Пленный На-

риж одним отважным шагом вернул себе свое руководство Европой, основанное не на грубой силе, а на том, что он встал во главе социального движения и воплотил в себе чаяния рабочего класса всех стран.

Если бы все крупные города организовались в коммуны по образцу Парижа, никакое правительство не смогло бы подавить это движение внезапным натиском реакции. Даже эта подготовительная мера обеспечивала время для внутреннего развития, создавала гарантию движения. Вся Франция была бы организована в самостоятельно действующие и самоуправляющиеся коммуны, постоянная армия была бы заменена народной милицией, армия государственных паразитов ликвидирована, церковная иерархия вытеснена школьными учителями, государственные суды превращены в органы Коммуны, выборы в национальное представительство превращены из орудия шулерских проделок всемогущего правительства в сознательное выражение воли организованных коммун, государственные функции сведены к нескольким функциям по обеспечению общих национальных интересов.

Такова *Коммуна — политическая форма социального раскрепощения*, освобождения труда от узурпаторской власти (рабовладельческой власти) монополистов средств труда, созданных самими трудящимися или даруемых природой. Как государственная машина и парламентаризм не составляют действительной жизни господствующих классов, а являются лишь организованными общими органами их господства, политическими гарантиями, формами и выражениями старого порядка вещей, так и Коммуна — не социальное движение рабочего класса и, следовательно, не движение общего возрождения человечества, а организованное средство действия. Коммуна не устраняет классовой борьбы, посредством которой рабочий класс добивается уничтожения всех классов, и следовательно всякого классового господства (ибо она не представляет чьих-либо частных интересов; она представляет освобождение «труда», то есть основного и естественного условия индивидуальной и общественной жизни, труда, который меньшинство может переложить на большинство лишь посредством узурпации, обмана и искусственных уловок), но Коммуна создает рациональную обстановку, в которой эта классовая борьба может проходить через свои различные фазы наиболее рациональным и

гуманным путем. Коммуна могла бы повлечь за собой насильственную реакцию и вызвать столь же насильственные революции. Коммуна кладет начало *освобождению труда*, — которое является ее великой целью, — с одной стороны, тем, что уничтожает непроизводительную и вредоносную работу государственных паразитов, устраняет причины, по которым приносится в жертву огромная доля национального продукта для того, чтобы насыщать чудовище-государство, а, с другой стороны, тем, что она выполняет за заработную плату рабочего подлинную работу управления, местного и общенационального. Она начинает, таким образом, с громадной экономии, с экономической реформы так же, как с политического преобразования.

Если бы коммунальная организация прочно установилась в национальном масштабе, то катастрофами, которые ей возможно пришлось бы пережить, были бы спорадические мятежи рабовладельцев, которые, прерывая на какой-то момент дело мирного прогресса, только ускорили бы движение, вложив меч в руки Социальной Революции.

Рабочий класс знает, что он должен пройти через различные стадии классовой борьбы. Он знает, что замена экономических условий рабства труда условиями свободного и ассоциированного труда может быть только прогрессивным делом времени (это экономическое преобразование), что эти условия требуют не только изменения распределения, но и новой организации производства или, вернее, избавления (освобождения) общественных форм производства при существующем организованном труде (порожденном современной промышленностью) от пут рабства, от их нынешнего классового характера, и гармоничной национальной и интернациональной координации общественных форм производства. Рабочий класс знает, что эта работа возрождения будет снова и снова замедляться и задерживаться сопротивлением традиционных интересов и классовых эгоизмов. Он знает, что нынешнее «стихийное действие естественных законов капитала и земельной собственности» может быть заменено «стихийным действием законов общественной экономики свободного и ассоциированного труда» только в результате длительного процесса развития новых условий, как было заменено «стихийное действие экономических законов рабства» и «стихийное действие экономических зако-

нов крепостничества». Но рабочий класс знает в то же время, что огромные шаги по этому пути могут быть сделаны сразу же благодаря политической организации в форме Коммуны и что настало время начать это движение в своих собственных интересах и в интересах человечества.

...КОММУНА (СОЦИАЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ)

В том, что рабочие Парижа взяли на себя инициативу нынешней революции и с геройской самоотверженностью выносят главные удары в этой борьбе — нет ничего нового. Это — поразительная черта всех французских революций! Это — лишь повторение прошлого! То, что революция произведена *от имени* и открыто *в интересах* народных масс, то есть производящих масс, — эта черта настоящей революции присуща также и всем ее предшественницам. Новая ее черта заключается в том, что народ не разоружился после первого восстания и не отдал своей власти республиканским шутам господствующих классов, что, установив *Коммуну*, он взял в свои собственные руки действительное руководство своей революцией и нашел в то же время средство, в случае успеха, держать это руководство в руках самого народа, заменив государственную машину, правительственную машину господствующих классов, своей собственной правительственной машиной. Вот в чем его неслыханное преступление! Рабочие посягают на привилегию управления государством «верхних десяти тысяч» и заявляют о своем твердом намерении разрушить экономическую основу того классового деспотизма, который в своих собственных интересах распоряжался организованной государственной силой общества! Вот что привело в неступление респектабельные классы в Европе и в Соединенных Штатах Америки, вот чем объясняются их негодующие вопли о святотатстве, их яростные призывы к кровавой расправе с народом, площадная ругань и клевета с их парламентских трибун и в их лакейской прессе.

Величайшим мероприятием Коммуны является ее собственное существование, ее работа, ее деятельность в неслыханно тяжелых условиях! Красное знамя, поднятое Парижской Коммуной, в действительности увенчивает только правительство рабочих Парижа! Они ясно,

сознательно провозгласили своей целью освобождение труда и преобразование общества! Но подлинный «социальный» характер их Республики заключается лишь в том, что Парижской Коммуной управляют рабочие! Что же касается их мероприятий, то они, естественно, должны ограничиваться главным образом военной обороной Парижа и его снабжением!

Некоторые друзья-покровители рабочего класса, с трудом скрывая свое отвращение даже к тем немногим мероприятиям Коммуны, которые они считают «социалистическими», хотя в этих мероприятиях помимо их тенденции нет ничего социалистического, в то же время выражают свое удовлетворение и пытаются привлечь к Парижской Коммуне симпатии «благородных господ» великим открытием, что рабочие, в конце концов, люди разумные и что, когда бы они ни оказались у власти, они всегда решительно отворачиваются от социалистических начинаний. В самом деле, они не пытаются создать в Париже ни *фаланстер,* ни *Икарию*[1]. Мудрецы своего поколения! Эти благожелательные покровители, глубоко невежественные в том, что касается действительных стремлений и действительного движения рабочего класса, забывают об одном. Все социалисты — основатели сект принадлежат к тому периоду, когда ни рабочий класс не был еще достаточно вышколен и организован ходом развития самого капиталистического общества, чтобы выступить на мировой арене в качестве двигателя истории, ни материальные условия его освобождения не созрели в достаточной мере в недрах самого старого мира. Нищета рабочего класса существовала, но еще не существовали условия для его собственного движения. Утописты, основатели сект, ясно описав в своей критике современного общества цель социального движения — отмену системы наемного труда со всеми ее экономическими условиями классового господства, — не нашли ни в самом обществе материальных условий его преобразования, ни в рабочем классе органи-

---

[1] Фаланстеры — дворцы, в которых, согласно представлениям французского социалиста-утописта Ш. Фурье, должны были жить и работать члены производственно-потребительских ассоциаций в идеальном социалистическом обществе.

Икария — фантастическая коммунистическая страна, изображенная в социальном и философском романе представителя утопического коммунизма Э. Кабе «Путешествие в Икарию». *Ред.*

зованной и сознательной силы движения. Отсутствие исторических условий движения они старались возместить фантастическими картинами и планами нового общества, в пропаганде которых они усматривали истинное средство спасения. С того момента как движение рабочего класса стало действительностью, фантастические утопии исчезли — не потому, что рабочий класс отказался от цели, к которой стремились эти утописты, а потому, что он нашел действительные средства для ее осуществления, — но на смену фантастическим утопиям пришло действительное понимание исторических условий движения и все больше начали собираться силы боевой организации рабочего класса. Но две конечные цели движения, провозглашенные утопистами, являются и конечными целями, провозглашенными Парижской революцией и Интернационалом. Только средства различны, и реальные условия движения не окутаны больше туманом утопических басен. И потому эти друзья-покровители пролетариата, превратно толкуя громко провозглашенные социалистические тенденции нынешней революции, являются лишь жертвами своего собственного невежества. Не парижский пролетариат виноват в том, что для них утопические творения пророков рабочего движения все еще являются «социальной революцией», иначе говоря, что социальная революция для них все еще «утопична».

«Journal Officiel» Центрального комитета, 20 марта:

«Парижские пролетарии, видя *défaillances*[1] и измену правящих (господствующих) классов, поняли (compris), что для них пробил час, когда они должны *спасти положение, взяв в свои руки управление (заведование) общественными делами* (государственными делами)».

Они клеймят «политическую неспособность и моральную дряхлость буржуазии» как источник «бедствий Франции».

Неужели рабочим, которые производят все и не пользуются ничем, которые страдают от нищеты среди накопленных ими же продуктов, плодов их труда и их пота... *неужели никогда не будет им дана возможность работать для своего освобождения?..* Пролетариат, перед лицом постоянного посягательства на его права,

[1] Несостоятельность. *Ред.*

полнейшего отрицания всех его законных стремлений, гибели страны и всех его надежд, понял, что на него возложен этот повелительный долг, что ему принадлежит неоспоримое право — стать господином собственной судьбы и обеспечить свое торжество, взяв в свои руки государственную власть (en s'emparant du pouvoir)».

Здесь прямо утверждается, что правительство рабочего класса необходимо в первую очередь для спасения Франции от гибели и разложения, угрожающих ей по вине господствующих классов, что отстранение этих классов от власти (тех классов, которые утратили способность управлять Францией) есть *необходимое условие национального спасения.*

Но не менее ясно высказано и то, что правительство рабочего класса сможет спасти Францию и совершить национальное дело только в том случае, если оно будет работать *для освобождения рабочего класса*, ибо условия этого освобождения являются вместе с тем и условиями возрождения Франции.

Рабочее правительство провозглашено как война труда против монополистических собственников средств труда, против капитала.

Шовинизм буржуазии представляет собой лишь тщеславие, придающее национальное обличье всем ее собственным притязаниям. Шовинизм является средством увековечить, с помощью постоянных армий, международную борьбу и поработить производителей в каждой отдельной стране, натравливая их на их же братьев во всех других странах; шовинизм является средством помешать интернациональному сотрудничеству рабочего класса, которое является первым условием его освобождения. Истинный характер этого шовинизма (давно уже ставшего пустой фразой) обнаружился после Седана во время оборонительной войны, которую повсюду парализовала шовинистическая буржуазия; он проявился в капитуляции Франции, в гражданской войне, которая ведется с позволения Бисмарка под началом верховного жреца шовинизма Тьера! Он обнаружился в мелкой полицейской интриге Антинемецкой лиги[1], в травле иностранцев в Париже после капитуляции. Надеялись, что народ Парижа (и весь французский народ) может быть одурманен

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 17, стр. 299—300. *Ред.*

страстной национальной ненавистью и за искусственно разжигаемой враждой к иностранцам забудет свои действительные стремления и изменников внутри страны!

Как исчезло (развеялось) это искусственное движение от дыхания революционного Парижа! Громко провозгласив свои интернациональные тенденции, — ибо дело, за которое борется производитель, везде одно и то же, и его враг повсюду один и тот же, какова бы ни была его национальность (в каком бы национальном облачении он ни выступал). — Париж провозгласил в качестве принципа допущение иностранцев в состав Коммуны, он даже выбрал иностранного рабочего [1] (члена Интернационала) в ее Исполнительную комиссию, он декретировал разрушение символа французского шовинизма — Вандомской колонны!

И в то время как буржуазные шовинисты расчленили Францию и действуют под диктатом иноземного завоевателя, парижские рабочие побили иноземного врага тем, что нанесли удар своим собственным классовым властителям, и уничтожили границы, завоевав место передового отряда рабочих всех стран!

От подлинного патриотизма буржуазии — столь естественного для действительных собственников различных «национальных» имуществ — осталась одна лишь видимость вследствие того, что ее финансовая, торговая и промышленная деятельность приобрела космополитический характер. При аналогичных обстоятельствах это прорвалось бы наружу во всех странах так же, как прорвалось во Франции.

Написано в апреле — мае 1871 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 17

---

[1] Лео Франкеля. *Ред.*

К. МАРКС

ИЗ «ВТОРОГО НАБРОСКА «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ»»

6) КОММУНА

...В своем наиболее простом понимании Коммуна означала прежде всего предварительное разрушение старой правительственной машины в ее центральных пунктах, в Париже и в других больших городах Франции, и замену ее подлинным самоуправлением, которое в Париже и в больших городах, являющихся социальным оплотом рабочего класса, было правительством рабочего класса. Вследствие осады Париж избавился от армии, которая была заменена национальной гвардией, состоящей в основной массе из рабочих Парижа. Восстание 18 марта стало возможным только благодаря такому положению вещей. Этот факт надо было превратить в установленный порядок, и заменить постоянную армию, которая защищает правительство и направлена против народа, национальной гвардией больших городов, то есть народом, вооруженным, чтобы не допустить правительственной узурпации. Коммуна должна была состоять из выбранных всеобщим голосованием по различным округам городских гласных (так как Париж был инициатором Коммуны и служил ее образцом, то мы должны сослаться на него), ответственных и в любое время сменяемых. Большинство их состояло бы, само собой разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса. Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы. Полицейские, бывшие до сих пор орудием центрального правительства, стали бы слугами Коммуны и, подобно должностным ли-

цам всех остальных областей управления, должны были назначаться Коммуной и всегда могли быть смещены ею; все должностные лица, подобно самим членам Коммуны, должны были выполнять свою работу за заработную плату рабочего. Судьи тоже впредь должны были избираться, быть сменяемыми и ответственными. Инициатива во всех вопросах общественной жизни должна была остаться за Коммуной. Словом, все общественные функции, даже те немногие, которые принадлежали бы центральному правительству, выполнялись бы коммунальными чиновниками и, стало быть, под контролем Коммуны. Одно из нелепейших утверждений заключается в том, что центральные функции — не функции правительственной власти над народом, а функции, необходимость которых вызывается главными и общими потребностями страны, — сделались бы невозможными. Эти функции существовали бы, но выполняющие их лица не могли бы, как при старой правительственной машине, встать над действительным обществом, потому что эти функции должны были выполняться *коммунальными чиновниками* и, стало быть, всегда под действительным контролем. Общественные должности перестали бы быть частной собственностью, пожалованной центральным правительством своим ставленникам. Устранение постоянного войска и правительственной полиции сломило бы материальную силу угнетения. Отделение церкви от государства и экспроприация всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом, и изгнание религиозного преподавания из всех общественных школ (одновременно с введением бесплатного обучения) в уединение частной жизни, где оно существовало бы милостыней верующих, освобождение всех учебных заведений от правительственной опеки и порабощения, — все это должно было сломить силу духовного угнетения, сделать науку не только доступной для всех, но и свободной от оков правительственного гнета и классовых предрассудков. Муниципальные налоги устанавливались и взимались бы Коммуной, налоги для общегосударственных целей взимались бы коммунальными должностными лицами и расходовались бы самой Коммуной на общие нужды (их расходование на общие нужды контролировалось бы самой Коммуной).

Правительственная сила подавления и власти над обществом была бы таким образом сломлена благодаря

уничтожению ее чисто угнетательских органов, а функции, правомерно принадлежащие правительственной власти, должны были осуществляться не органами, стоящими над обществом, а ответственными слугами самого общества...

ФРАГМЕНТЫ

Ложь в бюллетенях Тьера

...Генеральный Совет гордится той выдающейся ролью, которую парижские секции *Интернационала* сыграли в славной парижской революции. Дело не в том, как воображают глупцы, будто парижская или какие-либо другие секции Интернационала получали mot d'ordre[1] из центра. Но так как лучшая часть рабочего класса во всех цивилизованных странах принадлежит к *Интернационалу* и проникнута его идеями, то повсюду в движениях рабочего класса она несомненно должна идти во главе.

Написано в апреле — мае 1871 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 17

---

[1] Приказы. *Ред.*

ЗАПИСЬ РЕЧИ Ф. ЭНГЕЛЬСА О РЕВОЛЮЦИИ 18 МАРТА В ПАРИЖЕ[1]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 21 МАРТА 1871 ГОДА

Гражданин Энгельс описывает положение дел в Париже. Он говорит, что письма из Парижа, полученные в течение этой недели, о которых уже упомянул Серрайе, объяснили то, что ранее оставалось непонятным. Создавалось впечатление, будто небольшое число людей внезапно захватили значительное количество пушек и удерживали их. Вся пресса и все корреспонденты писали, что следует расправиться с этими людьми, но французское правительство медлит, выжидая подходящего момента. Информация, полученная от нашего Парижского комитета, говорит, что национальные гвардейцы уплатили за изготовление этих пушек и хотели оставить их у себя. После выборов они поняли, что при таком Собрании, которое было избрано, республика отнюдь не находится в безопасности. Когда пруссаки вступили в Париж, пушки были перевезены в другую часть города, чтобы держать их вне досягаемости пруссаков. Тогда правительство предъявило на них свои претензии и пыталось отнять их у национальной гвардии. Орель де Паладин был назначен главнокомандующим национальной гвардии и префектом полиции[2]. При Наполеоне он был главой жандармерии

[1] Настоящая речь Энгельса является первой из ряда речей и сообщений Маркса и Энгельса о пролетарской революции в Париже 18 марта 1871 г., героической борьбе коммунаров и деятельности Парижской Коммуны, с которыми они регулярно выступали на заседаниях Генерального Совета. В начале речи, основанной на письмах, полученных из Парижа, Энгельс опровергает сообщения буржуазной печати, искажавшей подлинный характер событий 18 марта. *Ред.*

[2] На следующем заседании, 28 марта 1871 г., Энгельс заявил, что в записи его речи от 21 марта допущена ошибка: «генералы

и приверженцем духовенства. По приказанию орлеанского епископа Дюпанлу он отбывал в церкви пятичасовую эпитимию, в то время как его армия терпела поражение в сражении с немцами. Это назначение не оставляло никаких сомнений относительно намерений правительства.

Тогда национальная гвардия приготовилась к сопротивлению. 215 батальонов из 260, солдаты и офицеры совместно, организовали Центральный комитет. Каждая рота избрала одного делегата, из них образовались местные комитеты округов, или кварталов, а последние избрали Центральный комитет.

Из 20 округов только 5 не выбрали делегатов. Когда Собрание переехало в Версаль, правительство попыталось очистить Париж от революционеров и отнять у них пушки. Только что прибывшие в Париж войска предполагалось использовать во главе с Винуа, под командой которого солдаты во время coup d'état 1851 г. расстреливали народ на бульварах. Рано утром войска частично добились успеха, но когда национальная гвардия обнаружила, что произошло, она стала отнимать пушки обратно, солдаты же братались с народом. Город теперь находится в руках народа; войска, которые не перешли на сторону народа, были отправлены в Версаль, и Собрание не знает, что делать.

Ни один из членов Центрального комитета не принадлежит к числу знаменитостей — там нет Феликсов Пиа и подобных ему людей, — но они хорошо известны в среде рабочего класса. В Комитет входят 4 члена Интернационала.

Коммуна должна была быть избрана в ближайший день. Центральный комитет объявил, что должна соблюдаться свобода печати, но не для прогнившей бонапартистской прессы. В наиболее важном из принятых постановлений говорится, что должны соблюдаться предварительные условия мира. Пруссаки все еще находятся близко, и, если их удастся удержать в стороне от борьбы, шансы на успех увеличатся.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 17

Орель де Паладин и Валантен превращены в одно лицо. Префектом полиции был назначен последний». *Ред.*

ИЗ ПИСЬМА МАРКСА ВИЛЬГЕЛЬМУ ЛИБКНЕХТУ

В ЛЕЙПЦИГ

[Лондон], 6 апреля 1871 г.

...По-видимому, парижане будут побеждены. Это их вина, но вина, которая на деле произошла от чрезмерной *честности*. Центральный комитет, а затем и Коммуна дали чудовищному выродку Тьеру время сосредоточить вражеские силы:

1) Потому, что они безрассудно не хотели начинать *гражданской войны*, как будто Тьер не начал ее сам своей попыткой насильственного разоружения Парижа, как будто Национальное собрание, призванное лишь для решения вопроса о войне или мире с пруссаками, не объявило немедленно войну *республике!* 2) Чтобы избежать упрека даже в малейшем намерении противозаконно захватить власть, они потеряли драгоценные мгновения на выборы Коммуны, организация которых и т. д. опять-таки потребовала времени, — а следовало немедленно двинуться на Версаль после поражения реакции в Париже (на Вандомской площади) [1].

Из всей той чепухи о внутренних событиях в Париже, которую ты находишь в газетах, ты не должен верить ни одному слову. Все это — ложь и обман. Никогда еще буржуазное подлое газетомарание не проявлялось в таком блеске.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33

---

[1] Речь идет о попытке монархических кругов организовать в Париже 22 марта 1871 г. под видом мирной демонстрации контрреволюционный путч с целью реставрации буржуазного режима, свергнутого пролетарской революцией 18 марта 1871 года. Главными организаторами этого путча были редактор «Paris-Journal» Анри де Пен, убийца Пушкина барон Геккерен и др. Контрреволюционные заговорщики открыли на Вандомской площади огонь по национальным гвардейцам, но были обращены ими в бегство после первого же залпа. *Ред.*

ЗАПИСЬ РЕЧИ Ф. ЭНГЕЛЬСА О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 11 АПРЕЛЯ 1871 ГОДА

Гражданин Энгельс говорит, что он должен сообщить еще об одном факте. В последнее время пресса полна россказней о чудесах, совершаемых Товариществом. О последнем из них сообщила одна парижская газета, объявившая, будто бы в 1857 г. Маркс был личным секретарем Бисмарка.

Далее Энгельс говорит, что нельзя не остановиться на парижских событиях. Пока делами руководил Центральный комитет национальной гвардии, они шли хорошо, но после выборов[1] велись разговоры, а действий не было. Действовать против Версаля надо было тогда, когда он был слаб, но этот благоприятный момент был упущен, и теперь, по-видимому, Версаль берет верх и теснит парижан. Народ не станет долго терпеть то, что его ведут к поражению. Парижане теряют территорию, почти бесцельно расходуют боевые припасы и съедают свои продовольственные запасы. Их нельзя заставить сдаться голодом, пока с одной стороны Париж открыт. Фавр отклонил помощь пруссаков[2]. В июне 1848 г. бои закончились

---

[1] Имеются в виду выборы в Коммуну, происходившие 26 марта 1871 года. После победы народного восстания в Париже с 18 по 28 марта 1871 г. у власти находился Центральный комитет национальной гвардии, передавший затем полномочия Коммуне. *Ред.*

[2] Это крайне лаконично записанное в протоколе замечание Энгельса касается речи Фавра в Национальном собрании 10 апреля 1871 г., в которой Фавр пытался отвести от версальского правительства обвинение в том, что оно фактически заключило союз

в четыре дня, но тогда рабочие не имели пушек. Теперь бои не кончатся так быстро. Луи-Наполеон проложил широкие улицы, чтобы можно было обстреливать на них рабочих из пушек, но сейчас это обстоятельство благоприятствует рабочим: они будут на улицах обстреливать противника из пушек. Рабочих — 200 000, они организованы гораздо лучше, чем при всех прежних восстаниях. Положение трудное, шансы не так хороши, как две недели тому назад.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 17

с Бисмарком для подавления Парижской Коммуны, лицемерно заявив, что правительство якобы отказалось от помощи, которую ему предлагал Бисмарк. Предательский сговор французской контрреволюционной буржуазии с внешним врагом ради подавления рабочего движения был разоблачен Марксом и Энгельсом в ряде их устных и печатных выступлений, в первую очередь в работе Маркса «Гражданская война во Франции». *Ред.*

ИЗ ПИСЬМА МАРКСА ЛЮДВИГУ КУГЕЛЬМАНУ

В ГАННОВЕР

Лондон, 12 апреля 1871 г

...Если ты заглянешь в последнюю главу моего «Восемнадцатого брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей. Какая гибкость, какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан! После шестимесячного голодания и разорения, вызванного гораздо более внутренней изменой, чем внешним врагом, они восстают под прусскими штыками, как будто войны между Францией и Германией и не было, как будто бы враг не стоял еще у ворот Парижа! История не знает еще примера подобного героизма! Если они окажутся побежденными, виной будет не что иное, как их «великодушие». Надо было сейчас же идти на Версаль, как только Винуа, а вслед за ним и реакционная часть парижской национальной гвардии бежали из Парижа. Момент был упущен из-за совестливости. Не хотели *начинать гражданской войны*, как будто бы чудовищный выродок Тьер уже не начал гражданскую войну своей попыткой обезоружить Париж! Вторая ошибка: Центральный комитет слишком рано сложил свои полномочия, чтобы уступить место Коммуне. Опять-таки благодаря «честности», доведенной до мнительности! Как бы там ни было, теперешнее парижское восстание, если оно даже и будет подав-

чено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, является славнейшим подвигом нашей партии со времени парижского июньского восстания. Пусть сравнят с этими готовыми штурмовать небо парижанами холопов германско-прусской священной римской империи с ее допотопными маскарадами, отдающими запахом казармы, церкви, юнкерства, а больше всего филистерства.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33

МАРКС — ЛЮДВИГУ КУГЕЛЬМАНУ

В ГАННОВЕР

[Лондон], 17 апреля 1871 г.

Дорогой Кугельман!

Твое письмо получил. В настоящее время я завален делами. Поэтому только несколько слов. Для меня совершенно непонятно, как ты можешь сравнивать мелкобуржуазные демонстрации à la 13 июня 1849 г.[1] и пр. с теперешней борьбой в Париже.

Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения.

Решающий неблагоприятный «случай» на этот раз следует искать никоим образом не в общих условиях французского общества, а в присутствии во Франции

---

[1] 13 июня 1849 г. в Париже мелкобуржуазная партия Горы организовала мирную демонстрацию протеста против нарушения президентом и большинством Законодательного собрания конституции Французской республики. Эта демонстрация была почти без труда разогнана войсками и подтвердила банкротство мелкобуржуазной демократии во Франции. *Ред.*

пруссаков, стоящих у самого Парижа. Парижане знали это очень хорошо. Это знали и буржуазные версальские канальи. Потому-то они и поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем случае была бы гораздо бо́льшим несчастьем, чем гибель какого угодно числа «вожаков». Борьба рабочего класса с классом капиталистов и его государством вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Как бы ни кончилось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван.

До свидания.

К. М.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33

ИЗ ЗАПИСИ РЕЧИ К. МАРКСА О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 25 АПРЕЛЯ 1871 ГОДА

Лафарг отправил письма почтой за линией парижских укреплений, и поэтому они задержались при доставке по железной дороге: письма просматривались как французским, так и прусским правительствами. Бо́льшая часть сведений, содержащихся в письмах, устарела, но в них упоминаются некоторые факты, о которых не говорилось в газетах. В письмах сообщается, что провинция знает так же мало о том, что творится в Париже, как и во время осады. В самом Париже, если не считать тех мест, где происходят сражения, никогда не было так спокойно. Значительная часть среднего класса присоединилась к бельвильской национальной гвардии. Крупные капиталисты бежали, а мелкий торговый и ремесленный люд идет с рабочим классом. Невозможно представить себе, как велик энтузиазм народа и национальной гвардии; версальцы — глупцы, если они надеются войти в Париж. Париж не верит в восстание в провинции и знает, что против него стягиваются превосходящие силы, но он не боится этого, он опасается прусской интервенции и недостатка продовольствия. Декреты о квартирной плате и коммерческих векселях — поистине мастерский ход; если бы не были изданы эти декреты, то три четверти торговцев и ремесленников разорились бы. Убийство Дюваля и Флуранса вызвало стремление отомстить за них. Семья Флуранса и Коммуна направили должностное лицо для того, чтобы более обстоятельно выяснить причины их смерти, но ему ничего не удалось сделать. Флуранс был убит в одном доме.

Получены также кое-какие сообщения относительно того, как фабрикуются телеграммы. Когда Брютто просмотрел денежные счета правительства национальной обороны, он обнаружил, что уплачены деньги за изготовление усовершенствованной переносной гильотины. Гильотина была найдена и публично сожжена по распоряжению Коммуны. Газовая компания задолжала муниципалитету более одного миллиона франков, но не проявляла никакого желания уплатить свой долг; только после наложения ареста на ее имущество она выдала вексель на соответствующую сумму на Французский банк. Телеграммы и сообщения корреспондентов изображают все это совершенно в другом свете. Больше всего раздражения вызывает то, что Коммуна управляет так дешево. Высшие должностные лица получают только по 6 000 франков в год, остальные — лишь заработную плату рабочего.

Воззвание[1] будет готово к следующему заседанию.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 17

---

[1] «Гражданская война во Франции». *Ред.*

МАРКС — ЛЕО ФРАНКЕЛЮ И ЛУИ ЭЖЕНУ ВАРЛЕНУ

В ПАРИЖ

[*Черновик*]

[Лондон], 13 мая 1871 г.

Дорогие граждане Франкель и Варлен!

Я виделся с подателем письма[1].

Не следовало ли бы спрятать в безопасном месте документы, компрометирующие версальских каналий? Подобная мера предосторожности никогда не помешала бы.

Мне писали из Бордо, что на последних муниципальных выборах было избрано четыре члена Интернационала[2]. В провинции начинается брожение. К несчастью, движение там носит слишком местный и «мирный» характер.

Я написал в защиту вашего дела несколько сот писем во все концы света, где существуют наши секции. Впрочем, рабочий класс был за Коммуну с самого ее возникновения.

Даже английские буржуазные газеты отказались от своих первоначальных яростных нападок. Время от времени мне удается протаскивать в них сочувственные заметки.

Коммуна тратит, по-моему, слишком много времени на мелочи и личные счеты. Видно, что наряду с влиянием рабочих есть и другие влияния. Все это не имело бы значения, если бы вам удалось наверстать потерянное время.

---

[1] По видимому, Эйлау. *Ред.*

[2] На муниципальных выборах в Бордо в апреле 1871 г. одержали победу демократические силы. В частности, были избраны 4 делегата секции Интернационала, выступавших на выборах с программой, аналогичной программе Парижской Коммуны. *Ред.*

Совершенно необходимо, чтобы вы поторопились с тем, что считаете нужным сделать за пределами Парижа, в Англии или в других странах. Пруссаки не передадут фортов в руки версальцев, но после окончательного заключения мира (26 мая[1])[2] они позволят правительству окружить Париж его жандармами. Так как Тьер и К° в договоре, заключенном Пуйе-Кертье, выговорили себе, как вы знаете, огромную взятку[3], то они отказались от помощи немецких банкиров, предложенной Бисмарком. Иначе они лишились бы своей взятки. Так как предварительным условием осуществления *их* договора было покорение Парижа, то они просили Бисмарка отсрочить уплату первого взноса до оккупации Парижа. Бисмарк принял это условие. И так как Пруссия сама сильно нуждается в этих деньгах, то она предоставит версальцам все возможности для того, чтобы облегчить им скорейшую оккупацию Парижа. Поэтому будьте настороже!

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33

---

[1] Окончательный мирный договор, завершивший франко-прусскую войну, был подписан во Франкфурте 10 мая 1871 года. (В дате, приведенной Марксом, описка.) *Ред.*

[2] В рукописи далее зачеркнуто: «предоставят сделать все Тьеру». *Ред.*

[3] По сообщениям газет, из суммы внутреннего займа, который решило осуществить правительство Тьера, сам Тьер и другие члены его правительства, в том числе министр финансов Пуйе-Кертье, должны были получить более 300 миллионов франков под видом «комиссионного» вознаграждения. Тьер впоследствии признал, что представители финансовых кругов, с которыми велись переговоры о займе, требовали в качестве условия его предоставления быстрейшего подавления революции в Париже. Закон о займе был принят 20 июня 1871 г. после подавления Парижской Коммуны. *Ред.*

ЗАПИСЬ РЕЧИ К. МАРКСА О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ [1]

ИЗ ПРОТОКОЛА ЗАСЕДАНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО СОВЕТА 23 МАЯ 1871 ГОДА

Гражданин Маркс объяснил, что он был болен и не смог закончить воззвание, которое он обещал подготовить, но он надеется, что оно будет готово к ближайшему вторнику. Переходя к вопросу о борьбе в Париже, Маркс сказал: он опасается, что конец близок, но если Коммуна будет разбита, борьба будет только отсрочена. Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены; они вновь и вновь будут заявлять о себе до тех пор, пока рабочий класс не добьется освобождения. Парижскую Коммуну подавляют с помощью пруссаков, которые действуют в качестве жандармов Тьера. Бисмарк, Тьер и Фавр вступили в заговор с целью ее уничтожения; Бисмарк во Франкфурте утверждал, что Тьер и Фавр просили его вмешаться. Результаты показали, что он готов был сделать все возможное, чтобы им помочь, не рискуя жизнью немецких солдат, — не потому, что он ценит человеческую жизнь, когда дело идет о выгоде, а потому, что он хотел еще большего унижения Франции, чтобы он мог предъ-

---

[1] Речь Маркса на заседании Генерального Совета 23 мая 1871 г. открыла собой обсуждение вопроса о разоблачении версальского правительства и о протесте против жестокой расправы с коммунарами, которую готовил Тьер. Энгельс в своем выступлении по этому вопросу (в протоколе сохранилась лишь чрезвычайно краткая запись этого выступления) отметил вероломство Тьера, лживо обещавшего в свое время пощаду участникам Парижской Коммуны. На этом же заседании Генеральный Совет принял решение образовать комиссию для выяснения, какие меры могут быть приняты в Англии в целях прекращения варварских действий версальского правительства. *Ред.*

явить ей еще бо́льшие требования. Тьеру он позволил иметь солдат больше, чем это было обусловлено в конвенции, но подвоз продовольствия Парижу он разрешал только в ограниченном количестве. Все это было лишь повторением старой истории. Высшие классы всегда объединялись для подавления рабочего класса. В XI столетии происходила война между французскими и нормандскими рыцарями, а крестьяне подняли восстание. Рыцари немедленно же забыли свои раздоры и объединились, чтобы раздавить крестьянское движение. Чтобы показать, как пруссаки выполняли полицейскую работу, можно упомянуть, что в Руане, занятом пруссаками, 500 человек было арестовано под тем предлогом, что они принадлежат к Интернационалу. Интернационал внушает страх. Во французском Национальном собрании граф Жобер — иссохшая мумия, министр 1834 г., человек, известный своей поддержкой мер, направленных против прессы, — произнес речь, в которой он говорил, что после восстановления порядка первой обязанностью правительства должно быть расследование деятельности Интернационала и сокрушение его.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 17

ИЗ ПИСЬМА МАРКСА ЭДУАРДУ СПЕНСЕРУ БИЗЛИ

В ЛОНДОНЕ

Лондон, 12 июня 1871 г.
1, Maitland Park Road, N. W.

...Одна моя приятельница через три или четыре дня едет в Париж. Я даю ей оформленные по всем правилам паспорта, чтобы она отвезла их некоторым членам Коммуны, которые сейчас еще скрываются в Париже. Если Вы или кто-нибудь из Ваших друзей хочет дать туда поручения, напишите, пожалуйста, мне.

Утешительным для меня являются те нелепости, которые ежедневно печатаются в «petite presse»[1] по поводу моих статей и моего отношения к Коммуне и которые ежедневно присылаются мне из Парижа. Это доказывает, что версальская полиция не может достать настоящих документов. Я поддерживал связь с Коммуной через одного немецкого купца[2], который в течение всего года совершает деловые поездки из Парижа в Лондон и обратно. Все передавалось устно, за исключением двух случаев:

Во-первых, я послал членам Коммуны — через этого же посредника — письмо в ответ на их запрос, каким образом они могли бы продать на Лондонской бирже некоторые ценные бумаги[3].

Во-вторых, 11 мая, за десять дней до катастрофы, я сообщил тем же путем все подробности тайного договора между Бисмарком и Фавром во Франкфурте.

---

[1] «бульварной прессе». *Ред.*
[2] По-видимому, Эйлау. *Ред.*
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 33, стр. 181—182. *Ред.*

Я получил эту информацию от правой руки Бисмарка — человека[1], прежде (с 1848 до 1853 г.) принадлежавшего к тайному обществу, руководителем которого был я. Этот человек знает, что у меня еще хранятся все отчеты, которые он посылал мне из Германии и о Германии. Он всецело зависит от моей скромности. Отсюда его постоянные старания доказать мне свои добрые намерения. Это тот же самый человек, который, как я Вам говорил, предупредил меня, что Бисмарк решил меня арестовать, если я в этом году снова приеду к доктору Кугельману в Ганновер.

Если бы только Коммуна послушалась моих предостережений! Я советовал ее членам укрепить северную сторону высот Монмартра — прусскую сторону, и у них было еще время это сделать; я предсказывал им, что иначе они окажутся в ловушке; я разоблачил перед ними Пиа, Груссе и Везинье; я требовал, чтобы они немедленно прислали в Лондон все бумаги, компрометирующие членов правительства национальной обороны, чтобы таким образом до известной степени сдерживать неистовства врагов Коммуны, — тогда план версальцев был бы отчасти расстроен.

Если бы версальцы нашли эти документы, они не публиковали бы подложных.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33

---

[1] Иоганна Микеля. *Ред.*

К. МАРКС

Г-н УОШБЕРН, АМЕРИКАНСКИЙ ПОСОЛ В ПАРИЖЕ

НЬЮ-ЙОРКСКОМУ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ СЕКЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Граждане!

Генеральный Совет Товарищества считает своим долгом сообщить вам через печать данные о поведении американского посла г-на Уошберна во время гражданской войны во Франции.

I

Нижеследующее заявление сделано г-ном Робертом Ридом, шотландцем, который прожил в Париже 17 лет и во время гражданской войны состоял корреспондентом лондонской газеты «Daily Telegraph» и «New-York Herald». Следует отметить, кстати, что газета «Daily Telegraph» искажала в интересах версальского правительства даже те краткие телеграфные сообщения, которые посылал в эту газету г-н Рид.

Г-н Рид, находящийся теперь в Англии, готов подтвердить свое заявление в форме affidavit [1].

«Звон набата, смешиваясь с грохотом пушек, продолжался всю ночь. Спать было невозможно. Где же, думал я, представители Европы и Америки? Возможно ли, чтобы при виде этого потока невинно пролитой крови они не сделали попыток к примирению? Я не мог больше мириться с этой мыслью и, зная, что г-н Уошберн в городе, решил немедленно же повидаться с ним. Кажется,

[1] Заявления перед судьей, равносильного показанию под присягой. *Ред.*

это было 17 апреля; впрочем, точная дата может быть установлена по моему письму лорду Лайонсу, которому я писал в тот же день. Направляясь к резиденции Уошберна, я встретил по дороге, когда пересекал Елисейские поля, множество санитарных повозок, заполненных ранеными и умирающими. Снаряды рвались вокруг Триумфальной арки, и к длинному списку жертв Тьера прибавилось еще множество невинных людей.

Дойдя до № 95 на улице Шайо, я спросил консьержа, как пройти к послу Соединенных Штатов, и был направлен на второй этаж. В Париже ваше имущественное и общественное положение почти безошибочно определяется лестницей или этажом, где расположена ваша квартира; это своего рода социальный барометр. В квартире первого этажа с окнами на улицу вы обнаружите маркиза, а на пятом этаже с окнами во двор — скромного мастерового; разделяющие их лестницы указывают на существующую между ними социальную пропасть. Не встретив, поднимаясь по лестнице, дюжих лакеев в красных штанах и шелковых чулках, я подумал: «Да! американцы зря не бросаются деньгами, — мы же их просто расточаем».

Войдя в комнату секретаря, я спросил г-на Уошберна. — «Желаете ли Вы видеть его лично?» — «Да». Обо мне доложили, и я был допущен к нему. Он сидел, развалясь в удобном кресле, и читал газету. Я ожидал, что он встанет, но он продолжал сидеть, по-прежнему не выпуская из рук газеты, — поступок крайне грубый в стране, где люди обычно так вежливы.

Я сказал г-ну Уошберну, что с нашей стороны было бы бесчеловечно, если бы мы не попытались добиться примирения. Удастся нам это или нет — во всяком случае, наш долг попытаться это сделать; и момент для этого казался особенно благоприятным, так как пруссаки в то время настойчиво требовали от Версаля окончательного урегулирования положения. Совместное воздействие Америки и Англии склонило бы чашу весов в пользу мира.

«*Парижане — бунтовщики*, — ответил г-н Уошберн, — *пусть они сложат оружие*». Я возразил, что национальная гвардия имеет законное право носить свое оружие, но что вопрос не в этом. Когда гуманность поругана, цивилизованный мир имеет право вмешаться, и я прошу Вас о сотрудничестве с лордом Лайонсом в этом деле. Г-н Уошберн: «Эти версальцы ничего не желают слушать». — «Если они откажутся, моральная ответственность ляжет на них». Г-н Уошберн: «Я этого не нахожу. Я тут ничего не могу сделать. Вам бы лучше повидаться самому с лордом Лайонсом».

Так кончилось наше свидание. Я покинул г-на Уошберна глубоко разочарованный. В его лице я встретил грубого и надменного человека, совершенно лишенного тех братских чувств, которых можно было бы ожидать от представителя демократической республики. Я имел честь дважды беседовать с лордом Каули, когда он был нашим представителем во Франции. Его откровенность и любезное обращение составляли разительный контраст с холодным, самонадеянным и лжеаристократическим тоном американского посла.

Я убеждал также и лорда Лайонса, что Англия обязана во имя человечности всемерно содействовать примирению, так как был уверен, что британское правительство не может, не навлекая на себя проклятия каждого гуманного человека, равнодушно смотреть

на такие зверства, как бойня на станции Кламар и в Мулен Саке, не говоря уже об ужасах в Нейи. Лорд Лайонс ответил мне устно через своего секретаря, а на Эдуарда Малита, что он препроводил мое письмо правительству и охотно перешлет любое другое сообщение, которое я мог бы сделать по данному вопросу. Был момент, когда обстоятельства складывались особенно благоприятно для примирения, и, если бы наше правительство бросило тогда на чашу весов свое влияние, мир был бы избавлен от парижской резни. Во всяком случае, не вина лорда Лайонса, если британское правительство не исполнило своего долга.

Но вернемся к г-ну Уошберну. В среду утром, 24 мая, я проходил по бульвару Капуцинов; услышав свое имя, я обернулся и увидел д-ра Хоссарта, стоявшего около г-на Уошберна, который сидел в открытом экипаже, окруженный большой группой американцев. После обычных приветствий я вступил в беседу с д-ром Хоссартом. Вскоре завязался общий разговор об ужасах, происходивших вокруг; тогда г-н Уошберн, обращаясь ко мне с видом человека, уверенного в правоте своих слов, сказал: «*Каждый, кто принадлежит к Коммуне, и все, кто ей сочувствуют, будут расстреляны*». Увы, я знал, что они убивали стариков и детей, все преступление которых состояло лишь в том, что они *сочувствовали* Коммуне, но я не ожидал услышать об этом полуофициально от г-на Уошберна; а между тем, когда он *повторял* эту кровожадную фразу, у него еще было время спасти архиепископа»[1].

II

«24 мая секретарь г-на Уошберна явился на заседание Коммуны, собравшейся в мэрии 11-го округа, с предложением от пруссаков о посредничестве между версальцами и коммунарами на следующих условиях:

Приостановление военных действий.

Переизбрание Коммуны, с одной стороны, и Национального собрания — с другой.

Версальские войска оставляют Париж и размещаются в укреплениях и вокруг них.

Национальная гвардия продолжает охранять Париж.

Лица, которые служат или служили в армии Коммуны, не подлежат никакому наказанию.

Коммуна на чрезвычайном заседании приняла эти предложения с оговоркой, что Франции должен быть предоставлен двухмесячный срок для подготовки всеобщих выборов в Учредительное собрание.

---

[1] Имеется в виду фактический отказ Уошберна повлиять на правительство Тьера и побудить его согласиться на предложение Парижской Коммуны об обмене архиепископа Дарбуа в числе других заложников, арестованных Коммуной в ответ на расстрелы коммунаров, на Бланки, который был заточен версальцами в тюрьму. После казни архиепископа Уошберн в своих статьях и лекциях фарисейски использовал эту направленную на пресечение террора версальцев вынужденную меру Парижской Коммуны для клеветы на нее. *Ред.*

Состоялась и вторая встреча с секретарем американского посольства. На своем утреннем заседании 25 мая Коммуна решила послать в качестве уполномоченных 5 граждан — в том числе Верморели, Делеклюза и Арнольда — в Венсени, где, согласно сообщению секретаря г-на Уошберна, должен был находиться прусский представитель. Однако эта депутация не была пропущена караулом национальной гвардии у Венсенских ворот. В результате еще одного и последнего свидания с тем же секретарем американского посольства гражданин Арнольд, которому тот вручил пропуск, 26 мая отправился в Сен-Дени, где он... *не* был принят пруссаками.

Результатом этого американского вмешательства (которое возбудило веру в возобновление нейтралитета со стороны пруссаков и в их намерение выступить в роли посредников между воюющими сторонами) было то, что в самый критический момент оборона на два дня была парализована. Несмотря на предосторожности, принятые для сохранения этих переговоров в тайне, они вскоре стали известны национальным гвардейцам, которые, вполне доверяя прусскому нейтралитету, бежали к прусским линиям, сдаваясь там в плен. Известно, как гнусно воспользовались этим доверием пруссаки; часть беглецов была расстреляна их часовыми, а сдавшиеся в плен были выданы версальскому правительству.

В течение всей гражданской войны г-н Уошберн не переставал через своего секретаря уверить Коммуну в своем горячем сочувствии, открыто проявить которое ему якобы препятствовало только его положение дипломата, и в своем решительном осуждении версальского правительства».

Это второе заявление сделано одним из членов Парижской Коммуны [1], который, как и г-н Рид, готов в случае надобности подтвердить его в форме affidavit.

Чтобы вполне оценить поведение г-на Уошберна, необходимо связать воедино заявления г-на Рида и члена Парижской Коммуны, указывающие на две стороны одного и того же замысла. Заявляя г-ну Риду, что коммунары — «бунтовщики», достойные своей участи, г-н Уошберн в то же время заверяет Коммуну в своем сочувствии ее делу и в своем презрении к версальскому правительству. *В тот же самый день, 24 мая*, когда в присутствии д-ра Хоссарта и многих американцев он заявляет г-ну Риду, что не только коммунары, но даже просто сочувствующие им лица безусловно осуждены на смерть, он вместе с тем сообщает Коммуне через своего секретаря, что не только ее членам, но и всем бойцам армии Коммуны будет сохранена жизнь.

Мы просим вас, дорогие граждане, сообщить эти факты рабочему классу Соединенных Штатов и призвать его

---

[1] О. Серрайе. *Ред.*

решить, является ли г-н Уошбери подходящим представителем американской республики.

Генеральный Совет
Международного Товарищества Рабочих:

М. Дж. Бун, Ф. Брадник, Г. Х. Баттери, Кэйхил, Уильям Хейлз, Кольб, Ф. Лесснер, Джордж Милнер, Т. Моттерсхед, Ч. Марри, П. Мак-Доннел, Пфендер, Джон Роч, Рюль, Садлер, Кауэлл Степни, Альфред Тейлор, У. Таунсенд

Секретари-корреспонденты:

Эжен Дюпон — для Франции; *Карл Маркс* — для Германии и Голландии; *Ф. Энгельс* — для Бельгии и Испании; *Г. Юнг* — для Швейцарии; *П. Джованкини* — для Италии; *Зеви Морис* — для Венгрии; *Антоний Жабицкий* — для Польши; *Джемс Кон* — для Дании; *И. Г. Эккариус* — для Соединенных Штатов

Герман Юнг, председательствующий
Джон Уэстон, казначей
Джордж Харрис, финансовый секретарь
Джон Хейлз, генеральный секретарь

256, Хай Холборн, Лондон,
Уэстерн Сентрал, 11 июля 1871 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 17

Ф. ЭНГЕЛЬС

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ДЕЙСТВИИ РАБОЧЕГО КЛАССА

АВТОРСКАЯ ЗАПИСЬ РЕЧИ НА ЗАСЕДАНИИ КОНФЕРЕНЦИИ 21 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА

Абсолютное воздержание от политики невозможно; все газеты сторонников воздержания тоже занимаются политикой. Дело только в том, как и какую политику проводить. Для нас, к тому же, воздержание невозможно. Рабочая партия, как политическая партия, уже существует в большинстве стран. Не нам ее разрушать, проповедуя воздержание от политики. Практика современной жизни, политический гнет, которому подвергают рабочих существующие правительства, — как в политических, так и в социальных целях, — заставляют рабочих волей-неволей заниматься политикой. Проповедовать им воздержание от политики означало бы толкать их в объятия буржуазной политики. Воздержание от политики совершенно невозможно в особенности после Парижской Коммуны, поставившей в порядок дня политическое действие пролетариата.

Мы хотим уничтожения классов. Каково средство, чтобы добиться этой цели? — Политическое господство пролетариата. И вот, когда это стало яснее ясного, от нас требуют невмешательства в политику! Все проповедники воздержания от политики именуют себя революционерами, и даже революционерами по преимуществу. Но революция есть высший акт политики; тот, кто стремится к ней, должен признавать и средства, политические действия, которые подготовляют революцию, которые воспитывают рабочих для революции и без которых рабочие на другой день после битвы всегда будут одурачены Фаврами и Пиа. Политика же, которую следует проводить, это —

рабочая политика; рабочая партия не должна плестись в хвосте той или иной буржуазной партии, а должна конституироваться как партия независимая, у которой своя собственная цель, своя собственная политика.

Политические свободы, право собраний и союзов, свобода печати — вот наше оружие; разве мы можем сложить руки и воздерживаться от политики, если это оружие хотят у нас отнять? Говорят, что всякое политическое действие равносильно признанию существующего порядка. Но раз этот порядок дает в наши руки средства для борьбы против него, то использование этих средств не означает признания существующего порядка.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 17

К. МАРКС

О СЕМИЛЕТИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

КОРРЕСПОНДЕНТСКАЯ ЗАПИСЬ РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ В ЛОНДОНЕ 25 СЕНТЯБРЯ 1871 ГОДА

Об Интернационале К. Маркс сказал, что огромный успех, которым до сих пор завершались его усилия, объясняется обстоятельствами, над которыми сами члены Интернационала не властны. Результатом этих обстоятельств, а отнюдь не усилий его участников явилось и само основание Интернационала. Оно не было делом какой-либо группы искусных политических деятелей; все политические деятели мира не смогли бы создать той обстановки и тех условий, которые необходимы для успеха Интернационала. Интернационал не выдвинул какого-либо особого символа веры. Его задача — организовать силы труда, установить связь между различными проявлениями рабочего движения и объединить их. Обстоятельства, вызвавшие такое сильное развитие Интернационала, обусловлены тем усиливающимся угнетением, которому подвергался трудящийся народ во всем мире, и в этом секрет его успеха. События последних нескольких недель неопровержимо доказали, что рабочий класс должен бороться за свое освобождение. Преследования Интернационала правительствами напоминают преследования первых христиан в Древнем Риме. Вначале они также были немногочисленны, но римские патриции инстинктивно чувствовали, что Римская империя погибнет, если христиане достигнут успеха. Преследования в Риме не спасли империи, и нынешние преследования Интернационала не спасут существующего порядка.

Новым в Интернационале является то, что он был основан самими рабочими и для рабочих. До создания Интернационала все различные организации рабочего

класса были обществами, основанными для него радикальными элементами из среды господствующих классов, Интернационал же был организован рабочими для самих себя. Чартистское движение в Англии началось с согласия буржуазных радикалов и при их помощи, хотя, если бы оно было успешным, то это могло бы быть только на пользу рабочему классу. Англия — единственная страна, где рабочий класс достаточно развит и организован для того, чтобы использовать всеобщее избирательное право действительно в своих собственных интересах.

Затем он заметил, что февральская революция[1] представляла собой движение, которое поддержала часть буржуазии против правящей партии. Февральская революция дала рабочему классу одни лишь обещания и поставила на место одной группы людей из правящего класса другую. Июньское восстание было восстанием против всего правящего класса, включая и его наиболее радикальную часть. Рабочие, которые в 1848 г. поставили у власти новых людей, инстинктивно чувствовали, что они лишь заменили одну группу угнетателей другой и что их предали.

Последним и величайшим из всех когда-либо происходивших движений была Коммуна. Коммуна представляла собой — и об этом не может быть двух мнений — завоевание политической власти рабочим классом. Многое в отношении Коммуны было понято неправильно. Коммуна не могла создать новой формы классового господства. Уничтожив существующие условия угнетения путем передачи всех средств труда производителю и заставив, таким образом, каждого физически пригодного индивидуума работать, чтобы обеспечить себе существование, мы устраним единственную основу классового господства и угнетения. Но прежде чем осуществление такой перемены станет возможным, необходима диктатура пролетариата, а первым ее условием является армия пролетариата. Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы. Задача Интернационала — организовать и объединить силы рабочего класса для предстоящей борьбы.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 17

---

[1] Имеется в виду февральская революция 1848 г. во Франции. *Ред.*

5 Зак. 1336

ИЗ ПИСЬМА ЭНГЕЛЬСА ЭЛИЗЕ ЭНГЕЛЬС

В БАРМЕН

Лондон, 21 октября 1871 г.

Дорогая мама!

Не писал тебе так долго потому, что хотел ответить на твои последние замечания относительно моей политической деятельности в такой форме, которая не обидела бы тебя. Но когда я вновь и вновь обнаруживал в «Kölnische Zeitung» позорнейшую ложь, в особенности гнусности этого негодяя Вахенхузена, когда я читал, как те самые люди, которые во время войны видели во всей французской прессе сплошную ложь, теперь разглашают по Германии как непререкаемую истину каждую выдумку полиции, каждое клеветническое выступление продажнейшей парижской бульварной газетки относительно Коммуны, — я приходил в такое настроение, которое едва ли годилось для написания ответа. Поднимают крик из-за нескольких заложников, расстрелянных по прусскому образцу, из-за нескольких дворцов, сожженных по прусскому примеру (ибо все остальное — ложь), но о совершенном версальцами убийстве 40 000 мужчин, женщин и детей, *после* того, как у них было отнято оружие, об этом никто не говорит! Впрочем, вы не можете знать всего этого; вы вынуждены черпать сведения из «Kölner» и «Elberfelder Zeitung», которые вас буквально пичкают ложью. Однако тебе уже приходилось в своей жизни слышать, как некоторых людей ославляли настоящими людоедами, например членов Тугендбунда при старом Напо-

леоне, демагогов 1817 и 1831 гг.[1], людей 1848 г., а потом всегда оказывалось, что они вовсе не были так плохи и что под влиянием корыстной мании преследования о них сначала сочиняли всевозможные страшные небылицы, которые потом рассеивались как дым. Надеюсь, милая мама, что ты вспомнишь об этом и это расположит тебя в пользу людей 1871 г., когда будешь читать в газетах об этих вымышленных преступлениях.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33

ИЗ ПИСЬМА Ф. ЭНГЕЛЬСА К. ТЕРЦАГИ

Лондон, 14—[15] января 1872 г.
256, High Hollborn

...Я не знаю вещи более авторитарной, чем революция, и, мне кажется, когда посредством бомб и ружейных пуль навязывают свою волю другим, как это происходит во всякой революции, то осуществляется авторитарный акт. Именно недостаток централизации и авторитета стоил жизни Парижской Коммуне. После победы делайте с авторитетом и т. д., что хотите, но для борьбы необходимо соединить все наши силы в один кулак и сконцентрировать их в центральном пункте атаки. А когда мне говорят об авторитете и централизации как о двух вещах, заслуживающих осуждения при любых обстоятельствах, то мне кажется, что те, кто так говорит, либо не знают, что такое революция, либо являются революционерами только на словах.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 33

---

[1] «Тугенбунд» («Союз добродетели») — одно из патриотических обществ в Пруссии, основанных после разгрома Пруссии наполеоновской Францией в 1806 г. «Демагогами» были названы в постановлениях Карлсбадской конференции министров главных немецких государств 1819 г. участники оппозиционного движения среди немецкой интеллигенции в период, последовавший за войнами с наполеоновской Францией. Участники этого движения выступали против реакционного строя немецких государств, организовывали политические манифестации, на которых выдвигали требования объединения Германии. *Ред.*

К. МАРКС

РЕЗОЛЮЦИИ МИТИНГА В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ[1]

Митинг, созванный по случаю годовщины 18 марта 1871 г., принял следующие резолюции:

I

Он рассматривает героическое движение 18 марта как зарю великой социальной революции, которая навсегда освободит человечество от классового общества.

II

Он заявляет, что глупость и преступления буржуазных классов, объединенных во всей Европе своей ненавистью к рабочим, приговорили к смерти старое общество, каковы бы ни были его формы правления — монархические или республиканские.

---

[1] На заседании Генерального Совета 20 февраля 1872 г. было принято предложение Юнга отметить массовым митингом в Лондоне 18 марта первую годовщину Парижской Коммуны. Маркс был утвержден на заседании Совета 12 марта одним из ораторов. Вслед за этим Юнг обратился к Энгельсу с просьбой подготовить проект резолюций. Но публичный митинг был сорван, так как владелец помещения в последнюю минуту отказался предоставить зал. Тем не менее члены Интернационала и бывшие коммунары, собравшись в тесном помещении общества коммунаров, отметили 18 марта торжественным собранием годовщину первой пролетарской революции. На этом собрании по предложению деятелей Коммуны Тейса и Камелина и члена Генерального Совета Миллнера были приняты три краткие резолюции. *Ред.*

III

Он заявляет, что крестовый поход всех правительств против Интернационала и террор как версальских убийц, так и их прусских победителей, являются свидетельством несостоятельности их успехов и доказательством того, что за героическим авангардом, уничтоженным совместными усилиями Тьера и Вильгельма, стоит грозная армия мирового пролетариата.

Написано между 13 и 18 марта 1872 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 18

Ф. ЭНГЕЛЬС

Из книги

«К ЖИЛИЩНОМУ ВОПРОСУ»

Не говоря уже об Испании и Италии, где прудонистские панацеи от всех зол приобрели кое-какое влияние лишь в еще ухудшенном Бакуниным варианте, — всякому, кто знаком с международным рабочим движением, хорошо известен тот факт, что во Франции прудонисты образуют малочисленную секту, между тем как рабочие массы знать ничего не хотят о предложенном Прудоном плане общественных реформ, известном под названием Liquidation sociale и Organisation des forces économiques [1]. Это выявилось, между прочим, в Коммуне. Хотя прудонисты были в ней сильно представлены, все же не сделано было ни малейшей попытки на основе проектов Прудона ликвидировать старое общество или организовать экономические силы. Напротив. К величайшей чести Коммуны, «живую душу» всех ее экономических мероприятий составляли не какие-либо принципы, а простая практическая потребность. Вот почему эти мероприятия — отмена ночного труда пекарей, запрещение денежных штрафов на фабриках, конфискация закрытых фабрик и мастерских и предоставление их рабочим ассоциациям — соответствуют вовсе не духу Прудона, а духу немецкого научного социализма. Единственным социальным мероприятием, проведенным прудонистами, был *отказ* от конфискации Французского банка, и отчасти из-за этого Коммуна погибла.

Написано в мае 1872 — январе 1873 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 18

---

[1] Социальной ликвидации, организации экономических сил. *Ред.*

К. МАРКС

О ГААГСКОМ КОНГРЕССЕ

ИЗ КОРРЕСПОНДЕНТСКОЙ ЗАПИСИ РЕЧИ, ПРОИЗНЕСЕННОЙ НА МИТИНГЕ В АМСТЕРДАМЕ 8 СЕНТЯБРЯ 1872 ГОДА[1]

...Граждане, вспомним об основном принципе Интернационала: о солидарности. Мы добьемся великой цели, к которой стремимся, если мы прочно укрепим среди всех рабочих во всех странах этот животворный принцип. Революция должна быть солидарной, и этому учит нас великий опыт Парижской Коммуны, которая пала потому, что[2] во всех главных центрах, в Берлине, Мадриде и других, одновременно не вспыхнуло великое революционное движение, соответствующее высокому уровню борьбы парижского пролетариата.

Что касается меня, то я буду продолжать свое дело и неустанно работать над созданием этой, столь плодотворной для будущего, солидарности всех рабочих. Нет, я не ухожу из Интернационала, и остаток моей жизни, как и моя прежняя деятельность, будет посвящен торжеству социальных идей, которые, как мы в этом глубоко убеждены, рано или поздно приведут к господству пролетариата во всем мире.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 18

---

[1] По приглашению Голландского федерального совета большинство делегатов Гаагского конгресса выехало после окончания работы конгресса в Амстердам на встречу с амстердамской секцией Интернационала. 8 сентября на митинге в Амстердаме выступили Маркс, Зорге, Лафарг и другие делегаты. Маркс произнес свою речь на немецком и французском языках. *Ред.*

[2] В газете «Volksstaat» далее следует: «не было проявлено солидарности рабочими других стран». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

Из статьи

«ОБ АВТОРИТЕТЕ»

Все социалисты согласны в том, что политическое государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы авторитарное политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета. Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, то есть средств чрезвычайно авторитарных. И если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?

Итак: или — или. Или антиавторитаристы сами не знают, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют движению пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции.

Написано в октябре 1872 — марте 1873 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 18

Ф. ЭНГЕЛЬС

Из статьи

«ЕВРОПЕЙСКИЕ РАБОЧИЕ В 1877 ГОДУ»

Парижские рабочие, поддержанные рабочими крупных провинциальных городов, со времени великой революции всегда были силой в государстве. В течение уже почти девяноста лет они являлись боевой армией прогресса. При каждом крупном кризисе французской истории они выходили на улицы, вооружались чем только могли, воздвигали баррикады и вступали в бой. И их победа или поражение определяли судьбу Франции на последующие годы. С 1789 по 1830 г. буржуазные революции решались борьбой парижских рабочих; это они в 1848 г. завоевали республику, ошибочно считая, что эта республика означает освобождение труда, они получили жестокий урок в июньском поражении того же года; они сопротивлялись на баррикадах луи-наполеоновскому coup d'état 1851 г. и снова потерпели поражение; они смели в сентябре 1870 г. изжившую себя империю, к которой буржуазные радикалы не имели смелости и прикоснуться. Попытка Тьера в марте 1871 г. отнять у них оружие, которым они защищали Париж от иностранного нашествия, принудила их к революции Коммуны и к длительной борьбе, закончившейся их кровавым подавлением.

Национальный рабочий класс, который, таким образом, в течение почти столетия не только играл решающую роль при каждом историческом кризисе собственной страны, но в то же время всегда был авангардом европейской революции, такой рабочий класс не может жить той относительно замкнутой жизнью, в рамках которой собственно и протекает пока деятельность остальных

рабочих континента. Такой рабочий класс, каким является рабочий класс Франции, связан со своей прошлой историей и зависит от этой прошлой истории. Его история не менее, чем его признанная решающая боевая сила, неотделима от общего политического развития страны.

Написано в середине февраля — середине марта 1875 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 19

ИЗ ПИСЬМА К. МАРКСА ФЕРДИНАНДУ ДОМЕЛА НЬЮВЕНГЕЙСУ

В ГААГУ

Лондон, 22 февраля 1881 г.
41, Maitland Park Road, N. W.

...В одном Вы можете быть уверены: социалистическое правительство не придет к власти в стране, где условия еще не настолько созрели, чтобы можно было немедленно, приняв необходимые меры, так скрутить буржуазию в бараний рог, что будет осуществлено первое desideratum [1] — время для дальнейших действий.

Вы, пожалуй, укажете мне на Парижскую Коммуну; но, не говоря уже о том, что это было восстание только одного города в исключительных условиях, большинство Коммуны вовсе не было социалистическим и не могло им быть. Тем не менее, обладая некоторой долей здравого смысла, она могла бы добиться выгодного для всей народной массы компромисса с Версалем, — единственно, что тогда было достижимо. Одним только захватом Французского банка был бы сразу же положен конец бахвальству версальцев и т. д. и т. д.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 35

---

[1] Требование, условие. *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СЛАВЯНСКОГО МИТИНГА, СОЗВАННОГО 21 МАРТА 1881 г. В ЛОНДОНЕ В ЧЕСТЬ ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Граждане!

С большим сожалением мы вынуждены сообщить Вам, что лишены возможности присутствовать на вашем митинге [1].

Когда Парижская Коммуна пала после свирепой бойни, устроенной защитниками «порядка», победители никак не предполагали, что не пройдет и десяти лет, как в далеком Петербурге произойдет событие [2], которое в конце концов должно будет неизбежно привести, быть может после длительной и жестокой борьбы, к созданию российской Коммуны.

Они никак не думали, что король Пруссии [3], который своей осадой Парижа заставил правящую буржуазию вооружить народ и тем самым подготовил создание Коммуны, — что этот король десять лет спустя сам окажется осажденным в своей столице социалистами и сможет удержать свой трон, только объявив на осадном положении свою собственную столицу Берлин [4].

---

[1] На митинге, состоявшемся 21 марта 1881 г. в Лондоне, присутствовали представители различных национальностей: русские, польские, чешские, сербские социалисты. Председательствовал русский революционер, народник Лев Гартман. На митинге был основан славянский революционный клуб. *Ред.*

[2] 1 марта 1881 г. в Петербурге по приговору Исполнительного комитета «Народной воли» был убит император Александр II. *Ред.*

[3] Вильгельм I. *Ред.*

[4] Имеется в виду проведенный Бисмарком в 1878 г. исключительный закон против социалистов. Весной 1880 г. действие исключительного закона было продлено еще на 5 лет. *Ред.*

С другой стороны, континентальные правительства, которые после падения Коммуны своими преследованиями принудили Международное Товарищество Рабочих отказаться от своей формальной внешней организации и считавшие, что смогут сокрушить великое международное рабочее движение декретами и исключительными законами, — эти правительства никак не предполагали, что через десять лет это международное рабочее движение, более мощное, чем когда-либо, охватит рабочий класс не только Европы, но и Америки, и что общая борьба за общие интересы против общего врага объединит рабочих в новый и более широкий, стихийно возникающий Интернационал, все больше и больше перерастающий все внешние формы организации.

Итак, Коммуна, которую державы старого мира считали стертой с лица земли, — жива! Она стала сильнее, чем когда бы то ни было, и мы можем вместе с вами воскликнуть: Да здравствует Коммуна!

Написано 21 марта 1881 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 19

ИЗ ПИСЬМА Ф. ЭНГЕЛЬСА ФИЛИППУ ВАН-ПАТТЕНУ

В НЬЮ-ЙОРК

[*Черновик*]

Лондон, 18 апреля 1883 г.

Филиппу Ван-Паттену

...Маркс и я с 1845 г. держались того взгляда, что *одним* из конечных результатов грядущей пролетарской революции будет постепенное отмирание и, в конечном счете, исчезновение политической организации, именуемой *государством*. Главной целью этой организации всегда было обеспечивать при помощи вооруженной силы экономическое подчинение трудящегося большинства состоятельному меньшинству. С исчезновением состоятельного меньшинства исчезает и необходимость в вооруженной силе принуждения, в государственной власти. В то же время мы всегда считали, что для достижения этой и других, гораздо более важных целей грядущей социальной революции класс пролетариев должен прежде всего овладеть организованной политической властью государства и с ее помощью подавить сопротивление класса капиталистов и организовать общество по-новому. Это изложено уже в «Коммунистическом манифесте», написанном в 1847 г., глава вторая, заключительная часть.

Анархисты ставят все на голову. Они заявляют, что пролетарская революция должна *начать* с упразднения политической организации государства. Но единственная организация, которую рабочий класс застает в готовом виде после своей победы, — это именно государство. Правда, это государство требует значительных изменений, прежде чем оно сможет выполнять свои новые функции. Но разрушить его в такой момент — значило бы разрушить то единственное орудие, посредством которого победоносный рабочий класс может осуществлять только что

завоеванную им власть, подавить своих врагов — капиталистов и провести то экономическое переустройство общества, без которого вся победа неминуемо закончится поражением и массовым убийством рабочих, как то было после Парижской Коммуны.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36

ИЗ ПИСЬМА Ф. ЭНГЕЛЬСА АВГУСТУ БЕБЕЛЮ

В ПЛАУЭН-ДРЕЗДЕН

Лондон, 29 октября 1884 г.

...Германии чертовски необходимо, чтобы мир стал снова относиться к ней с уважением; Бисмарк и Мольтке смогли добиться того, что ее стали бояться; но только нашим пролетариям удается завоевать действительное уважение — то именно, которого заслуживают свободные и сами себя дисциплинирующие люди.

Это окажет огромное влияние на Европу и Америку. Во Франции я ожидаю в связи с этим нового подъема нашей партии. Там все еще не оправились от последствий Коммуны. Насколько сильно она подействовала на Европу, настолько же далеко отбросила назад французский пролетариат. Стоять в течение трех месяцев у власти, вдобавок еще в Париже, и не перевернуть мир, а погибнуть из-за собственной неспособности (такое одностороннее толкование дают теперь Коммуне) — разве это не доказывает, что партия нежизнеспособна? Вот обычные фразы людей, которые не понимают, что Коммуна была могилой *старого*, специфически французского социализма, но в то же время и колыбелью нового для Франции международного коммунизма.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 36

Ф. ЭНГЕЛЬС

К ГОДОВЩИНЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ[1]

Сегодня вечером рабочие всего мира празднуют одновременно и вместе с вами годовщину самого славного и самого трагического этапа в развитии пролетариата. Впервые с тех пор как рабочий класс имеет свою историю, он в 1871 г. завладел политической властью в большом столичном городе. Но, увы! Это промелькнуло, как сон. Зажатая между наемниками бывшей французской империи, с одной стороны, и пруссаками — с другой, Коммуна была быстро задушена в результате беспримерной, неизгладимой из нашей памяти резни. Победившая реакция не знала предела; социализм, казалось, был потоплен в крови, а пролетариат обречен на вечное рабство.

Пятнадцать лет прошло с момента этого поражения. Все это время, во всех странах, власти, состоящие на службе у землевладельцев и капиталистов, не останавливались ни перед чем, чтобы покончить с последними стремлениями рабочих к восстанию. Чего же они добились?

Оглянитесь кругом. Революционный рабочий социализм, более жизнеспособный, чем когда бы то ни было, представляет в настоящее время силу, перед которой трепещут все власть имущие: французские радикалы так же, как Бисмарк, биржевые короли Америки, как царь всея Руси.

Но это еще не все.

---

[1] Настоящее письмо было написано Энгельсом в ответ на просьбу французских социалистов выразить публично свою солидарность с ними в связи с 15-летней годовщиной Парижской Коммуны. Письмо было напечатано в «Le Socialiste» 27 марта 1886 г. под заглавием «Письмо Энгельса». *Ред.*

Мы достигли того, что все наши противники, что бы они ни делали, вопреки самим себе работают на нас.

Они думали убить Интернационал. А в настоящее время интернациональное единство пролетариев, братство революционных рабочих различных стран стало в тысячу раз более прочным, более всеохватывающим, чем накануне Коммуны. Интернационал не нуждается более в организации в узком смысле слова; он живет и растет благодаря естественно развивающемуся и искреннему сотрудничеству рабочих Европы и Америки.

В Германии Бисмарк исчерпал все средства вплоть до самых гнусных, чтобы раздавить рабочее движение. Результат: до Коммуны он имел против себя четырех социалистических депутатов; в итоге его преследований теперь их избрано двадцать пять. И немецкие рабочие смеются над великим канцлером, который не мог бы вести лучшей революционной пропаганды даже, если бы ему за это платили.

Во Франции вам навязали систему выборов по спискам, буржуазную по преимуществу, систему, изобретенную специально для того, чтобы обеспечить избрание исключительно адвокатов, журналистов и других политических авантюристов, глашатаев капитала. А что принесла буржуазии эта система, изобретенная богатыми? Она создала внутри французского парламента революционную социалистическую рабочую партию, одного появления которой на сцене было достаточно для внесения замешательства в ряды всех буржуазных партий.

Вот к чему мы пришли. Все события обращаются в нашу пользу. Меры, наиболее тщательно рассчитанные на то, чтобы помешать успехам пролетариата, только ускоряют его победоносное шествие. Сам враг действует, вынужден действовать нам на пользу. И он так много и так хорошо действовал в этом направлении, что сегодня, 18 марта 1886 г., из груди великого множества рабочих, от пролетариев-рудокопов Калифорнии и Аверона до каторжан-рудокопов Сибири, вырывается единодушный клич:

«Да здравствует Коммуна! Да здравствует интернациональное единство рабочих!»

Написано 15 марта 1886 г.

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 21

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРИВЕТСТВИЕ ФРАНЦУЗСКИМ РАБОЧИМ ПО СЛУЧАЮ 20-й ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Лондон, 17 марта

Гражданки и граждане!

Ровно двадцать лет тому назад рабочий Париж поднялся как один человек на борьбу против преступного посягательства буржуа и помещиков, руководимых Тьером. Эти враги пролетариата дрожали от страха, видя, что парижские рабочие вооружились и организовались для защиты своих прав. Тьер намеревался похитить у них оружие, которое они с такой славой использовали против чужеземного вторжения и которое они впоследствии с еще большей славой применили для отражения атак версальских наемников. Чтобы сломить восставший Париж, помещики и буржуа вымаливали помощь у пруссаков и получили эту помощь. После героической борьбы Париж был раздавлен превосходящими силами противника и обезоружен.

Вот уже двадцать лет как у рабочих Парижа нет оружия, и так обстоит дело повсюду; во всех крупных цивилизованных странах пролетариат лишен материальных средств защиты. Повсюду всеми вооруженными силами распоряжаются враги и эксплуататоры рабочего класса.

Но к чему это привело?

К тому, что теперь, когда каждый здоровый мужчина проходит через ряды армии, эта армия начинает все больше и больше отражать настроения и мысли народа; эта армия, главное орудие подавления, становится с каждым днем все менее надежной. Руководители всех крупных государств уже с ужасом предвидят тот день, когда находящиеся под ружьем солдаты откажутся убивать

своих братьев и отцов. Мы наблюдали это в Париже, когда тонкинец[1] осмелился притязать на пост президента Французской республики; мы наблюдаем это сейчас в Берлине, где преемник Бисмарка[2] требует у рейхстага средств, чтобы укрепить дух повиновения в армии при помощи купленных за деньги унтер-офицеров, причем это обосновывается тем, что среди унтер-офицеров появилось-де слишком много социалистов!

Если происходит нечто подобное, если уже и в армии занимается новая заря, значит конец старого мира уже не за горами.

Пусть же свершится неизбежное! Пусть буржуазия, пришедшая в упадок, откажется от власти или погибнет, и да здравствует Пролетариат! Да здравствует международная Социальная Революция!

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 22

---

[1] Жюль Ферри. *Ред.*
[2] Каприви. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВВЕДЕНИЕ К РАБОТЕ К. МАРКСА «ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ВО ФРАНЦИИ»[1]

Предложение переиздать воззвание Генерального Совета Интернационала «Гражданская война во Франции» и снабдить его введением было для меня неожиданным. Поэтому я могу здесь лишь вкратце затронуть важнейшие пункты.

Вышеупомянутой, большей по размерам, работе я предпосылаю оба более кратких воззвания Генерального Совета о франко-прусской войне. Во-первых, потому, что в «Гражданской войне» есть ссылки на второе воззвание, которое само по себе, без первого, не везде понятно. А также и потому, что оба эти воззвания, тоже написанные Марксом, являются не менее, чем «Гражданская война», выдающимися образцами удивительного, впервые проявившегося в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» дара автора верно схватывать характер, значение и необходимые последствия крупных исторических событий в то время, когда эти события еще только разыгрываются перед нашими глазами или только что свершились. И, наконец, потому, что нам в Германии еще и поныне приходится страдать от предсказанных Марксом последствий этих событий.

Разве не оправдалось предсказание первого воззвания, что если оборонительная война Германии против Луи

---

[1] Данное введение Энгельс написал для третьего юбилейного немецкого издания работы Маркса «Гражданская война во Франции», выпущенного в 1891 г. к двадцатой годовщине Парижской Коммуны издательством газеты «Vorwärts» в Берлине. *Ред.*

Бонапарта выродится в завоевательную войну против французского народа, то все те несчастья, которые постигли Германию после так называемой освободительной войны[1], обрушатся на нее снова с еще большей силой? Разве не пережили мы после этого целых двадцать лет бисмарковского господства, а вместо преследований демагогов — исключительный закон и травлю социалистов с тем же полицейским произволом и буквально с тем же возмутительнейшим толкованием закона?

И разве не буквально оправдалось предсказание, что аннексия Эльзас-Лотарингии «бросит Францию в объятия России» и что после этой аннексии Германия должна будет либо открыто стать лакеем России, либо после короткой передышки начать готовиться к новой войне, а именно к «войне расовой, к войне против объединенных славянской и романской рас»[2]? Разве аннексия французских провинций не бросила Францию в объятия России? Разве Бисмарк не домогался тщетно целых двадцать лет благоволения царя и не прислуживал ему еще более раболепно, чем это обычно делала, припадая к стопам «святой Руси», маленькая Пруссия, до того как она стала «первой великой европейской державой»? И разве не висит постоянно над нашими головами дамоклов меч войны, которая в первый же день развеет в прах все скрепленные протоколами союзы государей, войны, относительно которой не известно ничего определенного, кроме абсолютной неопределенности ее исхода, войны расовой, которая отдаст всю Европу на поток и разграбление пятнадцати или двадцати миллионам вооруженных солдат и которая еще не разразилась только потому, что абсолютная невозможность предвидеть ее конечные результаты внушает страх даже самому сильному из крупных военных государств?

Это тем более обязывает нас сделать вновь доступными для немецких рабочих эти полузабытые документы, блестяще свидетельствующие о дальновидности интернациональной рабочей политики 1870 года.

---

[1] Имеется в виду национально-освободительная война немецкого народа против наполеоновского господства в 1813—1814 годах. *Ред.*

[2] *К. Маркс.* «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 17, стр. 279). *Ред.*

То, что я сказал об этих двух воззваниях, относится также к воззванию «Гражданская война во Франции». 28 мая последние бойцы Коммуны пали на склонах Бельвиля в борьбе с превосходящими неприятельскими силами, а уже через два дня, 30 мая, Маркс прочел Генеральному Совету свое произведение, в котором историческое значение Парижской Коммуны было обрисовано краткими, сильными штрихами, но с такой меткостью и — главное — верностью, каких никогда не достигала вся последующая обширная литература по этому вопросу.

Благодаря экономическому и политическому развитию Франции с 1789 г. в Париже за последние пятьдесят лет сложилось такое положение, что каждая вспыхивавшая в нем революция не могла не принимать пролетарского характера, а именно: оплатив победу своей кровью, пролетариат выступал после победы с собственными требованиями. Эти требования бывали более или менее туманными и даже путанными, в зависимости каждый раз от степени развития парижских рабочих; но все они в конце концов сводились к уничтожению классовой противоположности между капиталистами и рабочими. Как оно должно произойти, — этого, правда, не знали. Но уже самое требование, при всей его неопределенности, заключало в себе опасность для существующего общественного строя; рабочие, предъявлявшие это требование, бывали еще вооружены; поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда — после каждой завоеванной рабочими революции — новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих.

В первый раз это произошло в 1848 году. Либеральные буржуа, принадлежавшие к парламентской оппозиции, устраивали банкеты в пользу реформы, добиваясь проведения такой избирательной реформы, которая обеспечила бы господство их партии. Борьба с правительством все больше и больше заставляла их апеллировать к народу, и им приходилось постепенно уступать первое место радикальным и республиканским слоям буржуазии и мелкой буржуазии. Но за спиной последних стояли революционные рабочие, которые с 1830 г. приобрели гораздо больше политической самостоятельности, чем это предполагали буржуа и даже республиканцы. В момент, когда в отношениях между правительством и оппозицией наступил

кризис, рабочие начали уличную борьбу; Луи-Филипп исчез, а с ним исчезла и избирательная реформа; вместо нее возникла республика, и притом такая, которую победившие рабочие объявили даже «социальной» республикой. Что следовало понимать под этой социальной республикой — никому не было ясно, даже и самим рабочим. Но они были теперь вооружены и стали силой в государстве. Поэтому первым делом стоявших у власти буржуазных республиканцев, как только они почувствовали несколько более твердую почву под ногами, было разоружение рабочих. Это и было сделано во время июньского восстания 1848 г., на которое рабочих вынудили прямым нарушением данного им слова, явным издевательством над ними и попыткой выслать безработных в отдаленную провинцию. Правительство заранее обеспечило себе подавляющее превосходство сил. После пятидневной героической борьбы рабочие были побеждены. И тут над безоружными пленниками была учинена кровавая расправа, невиданная со времен гражданских войн, которые привели к падению Римской республики. Буржуазия впервые показала, с какой безумной жестокостью мстит она пролетариату, когда он осмеливается выступить против нее как особый класс с собственными интересами и требованиями. Но все же 1848 г. был еще детской игрой в сравнении с неистовствами буржуазии в 1871 году.

Возмездие следовало по пятам. Если пролетариат еще не мог, то буржуазия уже не могла править Францией. В то время, по крайней мере, не могла: в большинстве своем она была тогда еще монархической и при этом расколотой на три династические партии и четвертую — республиканскую. Ее внутренние раздоры позволили авантюристу Луи Бонапарту захватить все командные позиции — армию, полицию, административный аппарат — и 2 декабря 1851 г. взорвать последнюю твердыню буржуазии, Национальное собрание. Началась Вторая империя — эксплуатация Франции шайкой политических и финансовых авантюристов, но вместе с тем и такое промышленное развитие, какое было совершенно невозможно при мелочно-осмотрительной системе Луи-Филиппа, при безраздельном господстве лишь одной небольшой части крупной буржуазии. Луи Бонапарт отнял у капиталистов их политическую власть под предлогом защиты буржуазии против рабочих и, с другой стороны, рабочих против буржуазии;

но зато его господство способствовало спекуляции и промышленной деятельности, короче говоря — невиданному до тех пор экономическому подъему и обогащению всей буржуазии в целом. Однако в еще большей степени происходил рост коррупции и массового воровства, центром которых стал императорский двор, и в результате которых у этого обогащения изымался значительный процент.

Но Вторая империя означала апелляцию к французскому шовинизму; она означала требование возврата потерянных в 1814 г. границ Первой империи, по меньшей мере — границ Первой республики. Французская империя в границах старой монархии и даже в еще более урезанных границах 1815 г. — такое положение не могло долго продолжаться. Отсюда необходимость время от времени вести войну и расширять границы. Но никакое расширение границ не возбуждало так сильно фантазию французских шовинистов, как расширение за счет немецкого левого берега Рейна. Одна квадратная миля на Рейне значила больше в их глазах, чем десять миль в Альпах или где-нибудь в другом месте. Пока существовала Вторая империя, требование возврата левого берега Рейна — сразу или по частям — было лишь вопросом времени. Это время наступило вместе с австро-прусской войной 1866 года. Обманутый в своих надеждах на «территориальную компенсацию» Бисмарком, а также в результате своей собственной сверххитроумной выжидательной политики Бонапарт не имел другого выхода, кроме войны, которая вспыхнула в 1870 г. и привела его к Седану, а затем и в Вильгельмсхёэ[1].

Неизбежным следствием была революция 4 сентября 1870 г. в Париже. Империя рассыпалась, как карточный домик; снова была провозглашена республика. Но неприятель стоял у ворот; армии империи были либо осаждены в Меце, без надежды на освобождение, либо находились в плену в Германии. В этом критическом положении народ позволил парижским депутатам бывшего Законода-

[1] 1—2 сентября 1870 г. при Седане произошло одно из решающих сражений франко-прусской войны, закончившееся разгромом французских войск. Согласно акту капитуляции, подписанному французским командованием 2 сентября 1870 г., в плен сдались свыше 80 тысяч солдат, офицеров и генералов во главе с Наполеоном III, который с 5 сентября 1870 по 19 марта 1871 г. содержался в Вильгельмсхёэ (близ Касселя) — замке прусских коро-

тельного корпуса провозгласить себя «правительством национальной обороны». На это согласились тем скорее, что теперь все парижане, способные носить оружие, были, в целях обороны, зачислены в национальную гвардию и вооружены, так что рабочие составляли в ней теперь огромное большинство. Но уже вскоре прорвался наружу антагонизм между правительством, состоявшим почти поголовно из буржуа, и вооруженным пролетариатом. 31 октября рабочие батальоны взяли штурмом ратушу и арестовали часть членов правительства. Предательство, прямое нарушение правительством данного им слова и вмешательство нескольких мелкобуржуазных батальонов привели к освобождению арестованных; и чтобы не дать разгореться гражданской войне в осажденном вражеской силой городе, прежнее правительство было оставлено у власти.

Наконец, измученный голодом Париж 28 января 1871 г. капитулировал. Однако капитулировал на небывалых в военной истории почетных условиях. Форты были сданы, с крепостного вала были сняты орудия, линейные полки и мобильная гвардия сдали оружие, сами они были объявлены военнопленными. Но национальная гвардия сохраняла свое оружие и пушки и заключала с победителями только перемирие. Сами победители не решались с триумфом вступить в Париж; они осмелились занять только небольшой уголок Парижа, часть которого вдобавок состояла из общественных парков, да и этот уголок они заняли всего лишь на несколько дней! И в течение этого времени победители, державшие Париж в осаде 131 день, были сами осаждены вооруженными парижскими рабочими, бдительно следившими за тем, чтобы ни один «пруссак» не перешагнул узких границ предоставленного чужеземному завоевателю уголка. Такое уважение к себе внушили парижские рабочие войску, перед которым сложили оружие все армии империи. Прусские юнкеры, пришедшие сюда, чтобы отомстить очагу революции, были вынуждены почтительно остановиться как раз перед этой вооруженной революцией и салютовать ей!

лей. Седанская катастрофа ускорила крах Второй империи и привела к провозглашению 4 сентября 1870 г. республики во Франции. *Ред.*

Во время войны парижские рабочие ограничивались требованием энергичного продолжения борьбы. Но теперь, когда после капитуляции Парижа был заключен мир[1], глава нового правительства, Тьер, должен был убедиться, что, пока парижские рабочие вооружены, господство имущих классов — крупных землевладельцев и капиталистов — находится в постоянной опасности. Первым его делом была попытка разоружить их. 18 марта он послал линейные войска с приказом захватить артиллерию, принадлежавшую национальной гвардии, созданную во время осады Парижа на общественные средства, которые были собраны по подписке. Эта попытка не удалась; весь Париж, как один человек, взялся за оружие с целью самообороны, и война между Парижем и находившимся в Версале французским правительством была объявлена. 26 марта была избрана и 28 марта провозглашена Парижская Коммуна. Центральный комитет национальной гвардии, который до этого момента осуществлял функции правительства и успел уже вынести постановление об упразднении скандальной парижской «полиции нравов», передал свои полномочия Коммуне. 30 марта Коммуна упразднила рекрутский набор и постоянную армию и объявила единственной вооруженной силой национальную гвардию, состоявшую из всех граждан, способных носить оружие. Коммуна аннулировала все счета по квартирной плате за время с октября 1870 г. по апрель 1871 г., с зачислением уже выплаченных сумм в счет квартирной платы на будущее время, и приостановила продажу вещей, заложенных в городском ломбарде. В тот же день были утверждены в должности выбранные в Коммуну иностранцы, так как «знамя Коммуны есть знамя всемирной республики»[2]. — 1 апреля было установлено, что

[1] Речь идет о прелиминарном мирном договоре между Францией и Германией, подписанном Тьером и Ж. Фавром, с одной стороны, и Бисмарком, с другой, в Версале 26 февраля 1871 года. Согласно условиям этого договора, Франция уступала Германии Эльзас и восточную Лотарингию и уплачивала контрибуцию в размере 5 миллиардов франков; до выплаты контрибуции сохранялась оккупация части французской территории немецкими войсками. Окончательный мирный договор был подписан во Франкфурте-на-Майне 10 мая 1871 года. *Ред.*

[2] Цитируется отчет комиссии по выборам в Коммуну, опубликованный в органе Коммуны «Journal Officiel de la République Française» («Официальная газета Французской республики») № 90, 31 марта 1871 года. *Ред.*

жалованье служащих Коммуны, а следовательно и самих ее членов, не должно превышать 6 000 франков (4 800 марок). На следующий день был издан декрет об отделении церкви от государства и об отмене всех государственных расходов на религиозные цели, а также о превращении всех церковных имуществ в национальную собственность; 8 апреля было в соответствии с этим отдано распоряжение, которое и стало постепенно проводиться в жизнь, — об удалении из школ всех религиозных символов, изображений, догматов, молитв, — словом, «всего того, что касается совести каждого отдельного лица»[1]. — 5 апреля, ввиду ежедневно повторявшихся расстрелов версальскими войсками пленных бойцов Коммуны, был издан декрет об аресте заложников, который однако никогда до конца не был проведен в жизнь. — 6 апреля 137-м батальоном национальной гвардии была извлечена гильотина и при всенародном ликовании публично сожжена. — 12 апреля Коммуна постановила разрушить на Вандомской площади колонну победы, которая была отлита Наполеоном после войны 1809 г. из захваченных у неприятеля пушек, поскольку эта колонна служила символом шовинизма и вражды между народами. 16 мая это постановление было приведено в исполнение. — 16 апреля Коммуна распорядилась произвести статистический учет остановленных фабрикантами фабрик и разработать план пуска в ход этих фабрик силами занятых на них рабочих, которые должны были объединиться в кооперативные товарищества, а также разработать план объединения этих товариществ в один большой союз. — 20 апреля она отменила ночную работу пекарей и упразднила конторы по приисканию работы, которыми со времени Второй империи монопольно распоряжались назначавшиеся полицией субъекты — перворазрядные эксплуататоры рабочих; эти конторы были переданы в ведение мэрий двадцати округов Парижа. — 30 апреля она распорядилась об упразднении ломбардов, служивших средством частной эксплуатации рабочих и противоречивших праву последних на их орудия труда и на кредит. — 5 мая она постановила снести

---

[1] По-видимому, Энгельс излагает содержание приказа делегата просвещения Парижской Коммуны Э. Вайяна от 11 мая 1871 г., опубликованного в «Journal Officiel de la République Française» № 132, 12 мая 1871 года. *Ред.*

часовню, построенную во искупление казни Людовика XVI.

Так, начиная с 18 марта, стал резко и решительно проявляться чисто классовый характер парижского движения, отступавший до тех пор на задний план вследствие борьбы против вражеского вторжения. Соответственно тому, что в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо эти постановления декретировали такие реформы, от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса, которые отчасти глубоко врывались в старый общественный порядок. Но в осуществлении всех этих мероприятий в осажденном городе могли быть сделаны в лучшем случае лишь первые шаги. Уже с начала мая все силы уходили на борьбу против все более численно возраставших войск версальского правительства.

7 апреля версальцы захватили переправу через Сену у Нейи, на западном фронте Парижа; однако 11 апреля их нападение на южный фронт было отбито генералом Эдом с большими потерями с их стороны. Те люди, которые клеймили бомбардировку Парижа пруссаками как святотатство, теперь сами непрерывно подвергали его бомбардировке. Эти же люди умоляли теперь прусское правительство ускорить возвращение взятых в плен при Седане и Меце французских солдат, которые должны были отвоевать для них Париж. Постепенное прибытие этих войск дало версальцам в начале мая решающий перевес. Это стало ясно уже 23 апреля, когда Тьер прервал начатые по предложению Коммуны переговоры об обмене парижского архиепископа[1] и целого ряда других священников, задержанных в Париже в качестве заложников, на одного Бланки, дважды избранного в Коммуну, но заключенного в Клерво. Еще яснее обнаружил это изменившийся тон речей Тьера; до тех пор сдержанные и дву-

---

[1] Дарбуа. *Ред.*

смысленные, они теперь стали вдруг наглыми, свирепыми, угрожающими. На южном фронте версальцы заняли 3 мая редут Мулен-Саке, 9 — форт Исси, полностью разрушенный бомбардировкой, 14 — форт Ванв. На западном фронте, занимая многочисленные деревни и строения, простиравшиеся вплоть до городской стены, они постепенно продвинулись до главного крепостного вала; 21 мая, вследствие измены и в результате беспечности находившихся здесь национальных гвардейцев, им удалось проникнуть в город. Пруссаки, занимавшие северные и восточные форты, позволили версальцам проникнуть через территорию, на которой по условиям перемирия им было запрещено находиться, в северную часть города, и предпринять отсюда наступление на широком фронте, который парижане должны были, исходя из условий перемирия, считать обеспеченным от нападения, и поэтому довольно слабо защитили. Вследствие этого и сопротивление, которое было оказано в западной половине Парижа, где в основном расположены роскошные кварталы богачей, было сравнительно слабым; оно становилось тем яростнее и упорнее, чем ближе подходили вторгшиеся войска к восточной половине столицы, к собственно рабочему району города. Лишь после восьмидневной борьбы пали последние защитники Коммуны на высотах Бельвиля и Менильмонтана, и тогда зверское истребление безоружных мужчин, женщин и детей, происходившее во все возрастающих масштабах в течение целой недели подряд, достигло своего апогея. Ружье, заряжающееся с казенной части, убивало недостаточно быстро, и побежденных расстреливали из митральез целыми сотнями. «Стена коммунаров» на кладбище Пер-Лашез, где произошло последнее массовое убийство, стоит еще и теперь как немой, но выразительный свидетель того неистовства, на какое способен господствующий класс, когда пролетариат осмеливается выступить на защиту своих прав. Затем, когда оказалось, что перебить всех невозможно, начались массовые аресты и расстрелы жертв, произвольно выхваченных из рядов пленных; остальных уводили в большой лагерь, где они должны были ожидать военного суда. Прусским войскам, окружавшим Париж с северо-востока, было приказано не пропускать ни одного беглеца, но офицеры нередко смотрели сквозь пальцы, когда солдаты повиновались больше чувству человечности, чем приказу

высшего начальства; особенно прославился своим гуманным поведением саксонский армейский корпус, пропустивший многих заведомых бойцов Коммуны.

Если мы теперь, спустя двадцать лет, взглянем на деятельность и историческое значение Парижской Коммуны 1871 г., то увидим, что к изложенному в «Гражданской войне во Франции» следует сделать еще некоторые дополнения.

Члены Коммуны разделялись на большинство, состоявшее из бланкистов, которые преобладали и в Центральном комитете национальной гвардии, и меньшинство, состоявшее из членов Международного Товарищества Рабочих, преимущественно последователей социалистической школы Прудона. Бланкисты в основной своей массе были тогда социалистами лишь по революционному пролетарскому инстинкту; только немногие из них поднялись до более ясного понимания принципиальных положений благодаря Вайяну, который был знаком с немецким научным социализмом. Отсюда становится понятным, почему Коммуна в экономической области упустила многое такое, что, по нашим нынешним представлениям, ей необходимо было сделать. Труднее всего, разумеется, понять то благоговение, с каким Коммуна почтительно остановилась перед дверьми Французского банка. Это было также крупной политической ошибкой. Банк в руках Коммуны — ведь это имело бы большее значение, чем десять тысяч заложников. Это заставило бы всю французскую буржуазию оказать давление на версальское правительство в пользу заключения мира с Коммуной. Но гораздо более поразительно то, насколько часто Коммуна поступала правильно, несмотря на то, что она состояла из бланкистов и прудонистов. Разумеется, за экономические декреты Коммуны — и за их достоинства и за их недостатки — прежде всего несут ответственность прудонисты, а за ее политические действия и промахи — бланкисты. Как это обычно бывает, когда власть попадает в руки доктринеров, и те и другие делали, по иронии истории, как раз обратное тому, что им предписывала доктрина их школы.

Прудон, этот социалист мелких крестьян и ремесленных мастеров, прямо-таки ненавидел ассоциацию. Он говорил, что в ней больше плохого, чем хорошего, что она

по природе своей бесплодна, даже вредна, что это одна из цепей, сковывающих свободу рабочего; что это пустая догма, бесполезная и обременительная, противоречащая не только свободе рабочего, но и экономии труда; что ее невыгоды возрастают быстрее, чем ее преимущества, и что в противоположность ей конкуренция, разделение труда, частная собственность являются полезными экономическими силами. Рабочая ассоциация уместна только в исключительных случаях, — а таковыми Прудон объявляет крупную промышленность и крупные предприятия, например железные дороги (см. «Общую идею революции», 3-й этюд [1]).

Но в 1871 г. крупная промышленность уже настолько перестала быть исключением даже в Париже, этом центре художественного ремесла, что самый важный декрет Коммуны предписывал организацию крупной промышленности, и даже мануфактур, которая не только основывалась на рабочих ассоциациях, создаваемых на каждой отдельной фабрике, но и должна была объединить все эти товарищества в один большой союз; короче говоря, такая организация, как совершенно правильно замечает Маркс в «Гражданской войне», в конечном счете должна была вести к коммунизму, то есть к тому, что прямо противоположно учению Прудона. Вот почему Коммуна была в то же время могилой прудоновской социалистической школы. Эта школа теперь исчезла из среды французских рабочих; здесь теперь безраздельно господствует теория Маркса, причем среди «поссибилистов» не в меньшей мере, чем среди «марксистов». Только в кругах «радикальной» буржуазии встречаются еще прудонисты.

Не лучшая участь постигла и бланкистов. Воспитанные в школе заговорщичества, спаянные свойственной этой школе строгой дисциплиной, они полагали, что сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей в состоянии в благоприятный момент не только захватить власть, но и, действуя с огромной, ни перед чем не останавливающейся энергией, удерживать ее с помощью этого в своих руках до тех пор, пока не удастся вовлечь народные массы в революцию и сплотить их вокруг небольшой кучки вожаков. Это прежде

[1] Имеется в виду книга Прудона «Idée générale de la Révolution au XIX siècle», Paris, 1851 («Общая идея революции в XIX веке», Париж, 1851). *Ред.*

всего предполагало строжайшую диктаторскую централизацию всей власти в руках нового революционного правительства. Что же сделала Коммуна, большинство которой состояло именно из этих бланкистов? Во всех своих прокламациях к населению французской провинции она призывала его объединить все коммуны Франции с Парижем в одну свободную федерацию, в одну национальную организацию, которая впервые действительно должна была быть создана самой нацией. Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 г. и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало, как желательное орудие, и использовало против своих противников, — именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она уже в Париже.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объявляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время. В чем состояла характерная особенность прежнего государства? Первоначально общество путем простого разделения труда создало себе особые органы для защиты своих общих интересов. Но со временем эти органы, и главный из них — государственная власть, служа своим особым интересам, из слуг общества превратились в его повелителей. Это можно видеть, например, не только в наследственной монархии, но и в демократической республике. Нигде «политики» не составляют такой обособленной и влиятельной части нации, как именно в Северной Америке. Там каждая из двух больших партий, сменяющих одна другую у власти, в свою очередь, управляется людьми, которые превращают политику в выгодное дело, спекулируют на депутатских местах в законодательных собраниях, как союза, так отдельных штатов, или же живут за счет агитации в пользу своей партии и после победы в качестве вознаграждения получают должности. Известно, сколько

усилий затратили американцы в течение последних тридцати лет, чтобы стряхнуть это ставшее невыносимым иго, и как они, несмотря на это, все более погружаются в болото коррупции. Именно в Америке лучше всего можно видеть, как развивается это обособление государственной власти от общества, для которого она первоначально должна была служить только орудием. Там нет ни династии, ни дворянства, ни постоянной армии, за исключением горстки солдат для наблюдения за индейцами, нет бюрократии с постоянными штатами и правами на пенсии. И все же мы видим там две большие банды политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплуатируют ее при помощи самых грязных средств и для самых грязных целей, а нация бессильна против этих двух больших картелей политиков, которые якобы находятся у нее на службе, а в действительности господствуют над ней и грабят ее.

Против этого неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6 000 франков. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того.

Этот взрыв старой государственной власти и ее замена новой, поистине демократической, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны». Но вкратце остановиться еще раз на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо, потому что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философов, государство есть «осуществление идеи» или, переведенное на философский язык, царство божие на

земле, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что имеет отношение к государству, — суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, то есть через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед, если они отделываются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности.

В последнее время социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата.

Лондон, в день двадцатой годовщины Парижской Коммуны,
18 марта 1891 г.

Ф. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 22

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРИВЕТСТВИЕ ФРАНЦУЗСКИМ РАБОЧИМ ПО СЛУЧАЮ 21-й ГОДОВЩИНЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Лондон, 17 марта 1892 г.

Гражданки и граждане!

Сегодня исполнился 21 год с того дня, как парижский народ водрузил красное знамя, бросив одновременно вызов как французскому трехцветному знамени, развевавшемуся в Версале, так и немецкому трехцветному знамени, развевавшемуся на фортах, занятых пруссаками.

Красное знамя символизировало собой парижский пролетариат, поднявшийся па такую высоту, откуда как победители, так и побежденные становятся одинаково незримыми.

Историческое величие придал Коммуне ее в высшей степени интернациональный характер. Это был смелый вызов всякому проявлению буржуазного шовинизма. И пролетариат всех стран безошибочно это понял. Пусть буржуа празднуют свое 14 июля или свое 22 сентября[1]. Праздником пролетариата всегда и всюду будет 18 марта.

Вот почему подлая буржуазия нагромождала горы подлой клеветы на могилу Коммуны. И вот почему одно лишь Международное Товарищество Рабочих осмелилось

---

[1] 14 июля 1789 г. — день взятия Бастилии народными массами Парижа и начала французской буржуазной революции конца XVIII века.

22 сентября 1792 г. — первый день существования Французской республики, которая была провозглашена Конвентом 21 сентября 1792 года. Этот день стал считаться первым днем революционного календаря, утвержденного Конвентом в 1793 году. *Ред.*

с первого до последнего дня отождествлять себя с парижскими повстанцами, а затем — с побежденными пролетариями. Правда, когда пала Коммуна, не мог продолжать свое существование и Интернационал. Под крики «лови коммунаров!» он был разгромлен по всей Европе.

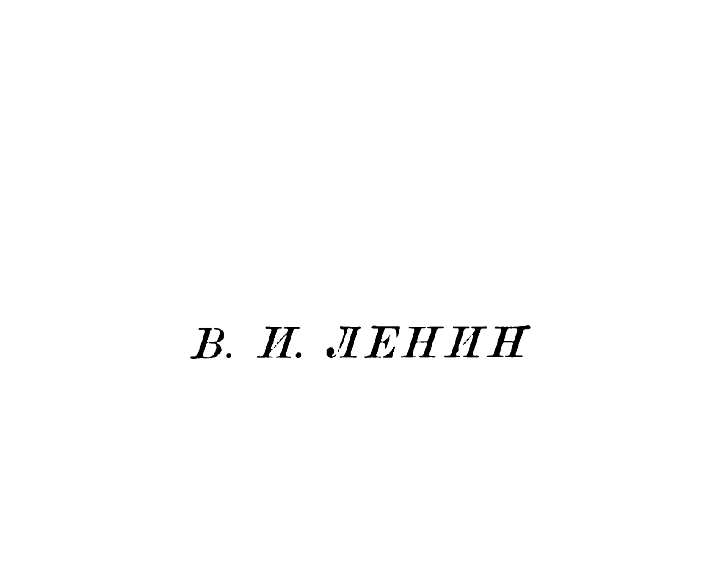
И вот сегодня исполнился двадцать один год с тех пор, как были отбиты пушки на высотах Монмартра. Дети, родившиеся в 1871 г., достигли ныне совершеннолетия, и благодаря глупости правящих классов они — *солдаты*, они обучаются умению владеть оружием, искусству организовываться и защищаться с винтовкой в руках. Коммуна, которую считали убитой, Интернационал, который считали навсегда уничтоженным, — они среди нас, они живут и в двадцать раз сильнее, чем в 1871 году. Сотни превратились в тысячи, вместо тысяч на наш призыв теперь откликаются миллионы. Союз международного пролетариата, который Первый Интернационал мог лишь предвидеть и подготовлять, сегодня стал уже действительностью. И более того, миллионы сыновей тех самых прусских солдат, которые в 1871 г. занимали форты вокруг Парижа Коммуны, в настоящее время рука об руку с сыновьями парижских коммунаров сражаются в первых рядах за полное и окончательное освобождение рабочего класса.

Да здравствует Коммуна!

Да здравствует международная Социальная Революция!

Фридр. Энгельс

Печатается по тексту Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. 2, т. 22

В. И. ЛЕНИН

ПЛАН ЧТЕНИЯ О КОММУНЕ[1]

1. Исторический очерк Коммуны.

   Франция при Наполеоне III. Основа империализма: буржуазия уже не, пролетариат еще не...[2]

   Авантюризм Наполеона III. Необходимость внешнего блеска, войн.

2. Рост пролетариата после июня 1848. Internationale Arbeiter Association 1864[3]. Преследование ее Наполеоном III.

   Протест французских рабочих против войны (12 июля, Парижская секция Интернационала, S. 16) и немецких (Брауншвейгское рабочее собрание

---

[1] «План чтения о Коммуне» является планом доклада Ленина о Парижской Коммуне, прочитанного им 5(18) марта 1905 года в Женеве для русской колонии политических эмигрантов. *Ред.*

[2] Ф. Энгельс во введении к «Гражданской войне во Франции» К. Маркса, анализируя положение Франции после июньского восстания 1848 года, писал: «Если пролетариат *еще* не мог, то буржуазия *уже* не могла править Францией» (см. настоящий сборник, стр. 136. *Ред.*).

[3] Internationale Arbeiter Association (Международное Товарищество Рабочих) — I Интернационал — первая массовая международная организация пролетариата, основанная в 1864 году на международном рабочем собрании в Лондоне, созванном английскими и французскими рабочими. Создание I Интернационала — результат упорной многолетней борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса за революционную партию рабочего класса. *Ред.*

16 июля, Хемницкое, Берлинская секция Интернационала, S. 18) [1].

3. Седан: 2 сентября 1870 и провозглашение республики *4 сентября 1870*. Либеральные пройдохи захватывают власть.

   Либеральные адвокаты и двуличные монархисты: *Тьер*.

4. Правительство национальной обороны = правительство народной измены. Трошю: «план» защиты Парижа. Комедия защиты. Геройство парижских рабочих. *Капитуляция* 28 января 1871.

5. Предписание Бисмарком условия созыва Национального собрания *в 8 дней* (S. 34) для решения вопроса о войне и мире. Интриги Тьера с монархистами.

   Палата юнкеров (ruraux [2]). *Национальное собрание в Бордо* 630 членов = 30 бонапартистов + 200 республиканцев (100 умеренных и 100 радикалов) + 400 монархистов (200 орлеанистов + 200 легитимистов).

   Разговор Тьера с Фаллу.

6. Провоцирование Парижа: назначение монархических послов; отнятие «30 су» у солдат национальной гвардии; в Париже префект полиции Валентэн, начальник национальной гвардии д'Орель де Паладин и др. (Трепов и Васильчиков!!) [3]; перенесение Национального собрания в Версаль; подавление республиканских газет и т. д. Стремление свалить расходы войны на бедных (S. 35). Вооруженные парижские рабочие и — монархическое собрание. Конфликт неизбежен.

7. Предостережение Маркса [4]: второй адрес Генерального Совета Интернационала 9 сентября 1870: «Не обольщаться национальными традициями 1792 г.», развернуть «организацию своего класса», не задаваться целью свергнуть правительство («отчаянная глупость»): S. 25. То же писал Евгений Дюпон, секретарь

---

[1] Здесь и ниже Ленин ссылается на немецкое издание брошюры К. Маркса «Гражданская война во Франции», вышедшей в Берлине в 1891 году. *Ред.*

[2] деревенщина. *Ред.*

[3] Ленин здесь проводит аналогию между палачами Парижской Коммуны 1871 года и палачами первой русской революции 1905 года. *Ред.*

[4] Contra *Бланки*, основавшего в 1870 *«Patrie en danger»* («Отечество в опасности». *Ред.*) (NB).

Интернационала (Генерального Совета), для Франции 7 сентября 1870 (Weill, 134).

8. Последний акт провокации. Отняты у национальной гвардии пушки 18 марта 1871. Обманные доводы Тьера. Покушение не удалось. Центральный комитет национальной гвардии объявил Коммуну. *Гражданская война началась* между Парижской Коммуной и Версальским правительством.

9. Направления в Коммуне: (а) *бланкисты*. Еще в ноябре *1880* Бланки в «Ni Dieu ni maître»[1] порицает теорию классовой борьбы и отделение интересов пролетариата от интересов нации (Weill, 229) (не отделяет рабочих от революционной буржуазии); (б) *прудонисты* (мутуалисты) «организация обмена и кредита».

Революционный инстинкт рабочего класса прорывается *вопреки* ошибочным теориям.

10. *Политические меры Коммуны:*

(1) уничтожение постоянного войска

(2) уничтожение бюрократии а) выборность всех чиновников; б) жалованье не > 6000 fr.

(3) отделение церкви от государства
(4) введение бесплатного обучения

| Программа-minimum |

Коммуна и крестьяне. В 3 месяца было бы все иначе! (S. 49—50)[2]

Коммуна и Интернационал. Франкель, *поляки* (знамя всемирной республики).

11. *Экономические меры Коммуны.*

(1) запрещение ночной работы булочников.

(2) » штрафов.

(3) регистрация оставленных фабрик, передача в товарищества рабочих, с вознаграждением по определению посреднических комиссий (S. 54).

NB | Не взяли банка. Не прошел 8-часовой рабочий день! Weill, 142. |

(4) приостановка продажи залогов. Отсрочка платежа (квартирной платы).

12. Крах. Недостатки организации. Оборонительное положение. Сделка Тьера с Бисмарком {роль

---

[1] «Ни бога ни господина». *Ред.*

[2] Разоблачение «тайн»: проделки Трошю, «порядки» в монастырях (S. 54). *Сделано еще очень мало!*

Бисмарка = наемный убийца}. *Кровавая неделя 21—28 мая 1871*.

Ужасы ее, ссылка etc. Клеветы (S. 65—66).

Дети и женщины...

Р. 487 : 20 000 убито на улицах, 3000 умерло в тюрьмах etc. Военные суды: до 1 января 1875 осуждено *13 700* человек (80 женщин, 60 детей), ссылка, тюрьма [1].

13. Уроки: буржуазия пойдет *на все*. Сегодня либералы, радикалы, республиканцы, завтра измена, расстрелы.

Самостоятельная организация пролетариата — классовая борьба — гражданская война.

На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении.

Написано в феврале — марте 1905 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 9

[1] Цифры жертв Коммуны приведены по изданной в 1896 году в Париже книге: Lissagaray. «Histoire de la Commune de 1871». *Ред.*

Из статьи

«СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ И ВРЕМЕННОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»

Смешивать участие пролетариата во власти, сопротивляющейся социалистическому перевороту, с участием пролетариата в демократической революции, значит безнадежно не понимать, о чем идет дело. Это все равно, что смешать участие Мильерана в министерстве убийцы Галифе с участием Варлена в Коммуне, отстаивавшей и отстоявшей республику.

Написано в конце марта 1905 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 10

Из статьи

«О ВРЕМЕННОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ»

Маркс и Энгельс в 1850 году не различали демократической и социалистической диктатуры, или вернее вовсе не говорили о первой, ибо капитализм казался им дряхлым, а социализм близким. Они не различали поэтому в то время и программы-минимум от программы-максимум. Если же делать это различение (как делаем все мы, марксисты, теперь, воюя из-за непонимания его с буржуазно-демократическим революционаризмом «социалистов-революционеров»), то надо *особо* разобрать вопрос о социалистической и демократической диктатуре. Не делая этого, Плеханов поступает непоследовательно. Выбирая уклончивую формулировку, говоря вообще об «участии социалистов в мелкобуржуазном правительстве», он тем самым именно подсовывает вопрос о социалистической диктатуре на место ясно, определенно и точно поставленного вопроса о демократической диктатуре. Он смешивает (употребляя сравнение «Вперед») участие Мильерана в министерстве рядом с Галифе в эпоху накануне социалистического переворота с участием Варлена в революционном правительстве рядом с мелкобуржуазными демократами, отстаивавшими и отстоявшими республику.

Напечатано 3 и 9 июня (21 и 27 мая) 1905 г. в газете «Пролетарий»

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 10

Из книги

«ДВЕ ТАКТИКИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

10. «РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОММУНЫ» И РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И КРЕСТЬЯНСТВА

...Что значит «революционные коммуны»? Отличается это понятие от «временного революционного правительства» и если да, то чем? Этого господа конференты сами не знают. Путаность революционной мысли приводит у них, как это сплошь и рядом бывает, к *революционной фразе*. Да, употребление слова «революционная коммуна» в резолюции представителей социал-демократии есть революционная фраза, и ничего более. Маркс не раз осуждал подобную фразу, когда за «обаятельный» термин *отжившего прошлого* прячут задачи будущего. Обаятельность термина, сыгравшего роль в истории, превращается в подобных случаях в пустую и вредную мишуру, в погремушку. Нам надо дать рабочим и всему народу ясное и недвусмысленное понятие о том, *зачем* мы хотим учреждения временного революционного правительства? *какие именно преобразования* осуществим мы, если будем решающим образом влиять на власть, завтра же, при победоносном исходе начавшегося уже народного восстания? Вот вопросы, стоящие перед политическими руководителями.

Третий съезд РСДРП отвечает на эти вопросы с полнейшей ясностью, давая полную программу этих преобразований: нашу партийную программу-минимум. А слово «коммуна» не дает никакого ответа, только засоряя головы каким-то далеким звоном... или пустозвонством. Чем дороже для нас, скажем, Парижская Коммуна 1871 года, тем непозволительнее отделываться ссылкой на нее без разбора ее ошибок и ее особых условий. Делать это

значило бы повторять нелепый пример осмеянных Энгельсом бланкистов, преклонявшихся (в 1874 г., в своем «манифесте») перед каждым актом Коммуны[1]. Что скажет конферент рабочему, когда он спросит его об *этой* «революционной коммуне», упомянутой в резолюции? Он сможет сказать только то, что в истории под этим именем известно такое рабочее правительство, которое не умело и не могло тогда различить элементов демократического и социалистического переворота, которое смешивало задачи борьбы за республику с задачами борьбы за социализм, которое не сумело решить задачи энергичного военного наступления на Версаль, которое ошибочно не захватило французского банка и т. д. Одним словом, — сошлетесь ли вы в своем ответе на Парижскую или на какую иную коммуну, ваш ответ будет: это было такое правительство, *каким наше быть не должно*. Хорош ответ, нечего сказать! Не свидетельствует ли это о резонерстве начетчика и беспомощности революционера, когда практическая программа партии обходится молчанием и некстати начинается в резолюции преподавание истории? Не показывает ли это как раз той ошибки, в которой неудачно старались изобличить нас: смешения демократического и социалистического переворотов, неразличавшихся ни одной из «коммун»?

Целью временного правительства (так некстати названного коммуной) выставляется «исключительно» распространение восстания и дезорганизация правительства. Это «исключительно» устраняет, по буквальному смыслу слова, всякие другие задачи, являясь отрыжкой нелепой

---

[1] Ленин имеет в виду программу, выпущенную в 1874 году лондонской группой бланкистов, бывших членов Парижской Коммуны (см. статью Ф. Энгельса «Эмигрантская литература. II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 510—517). *Ред.*

Бланкисты — сторонники течения во французском социалистическом движении, возглавлявшегося выдающимся революционером, видным представителем французского утопического коммунизма Луи Огюстом Бланки (1805—1881).

Бланкисты, как писал Ленин, ожидали «избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства» (Полн. собр. соч., т. 13, стр. 76). Подменяя деятельность революционной партии выступлениями тайной кучки заговорщиков, они не учитывали конкретной обстановки, необходимой для победы восстания, и пренебрегали связью с массами. *Ред.*

теории «только снизу». Подобное устранение других задач есть опять-таки близорукость и непродуманность. «Революционная коммуна», т. е. революционная власть хотя бы в одном городе неизбежно должна будет выполнять (хотя бы временно, «частично, эпизодически») *все* государственные дела, и прятать тут голову под крыло — верх неразумия. Эта власть должна будет и 8-часовой рабочий день узаконить, и рабочую инспекцию за фабриками учредить, и даровое всеобщее образование поставить, и выборность судей ввести, и крестьянские комитеты учредить и т. д., — одним словом, ряд реформ она должна будет провести непременно. Подводить эти реформы под понятие «содействие распространению восстания» значило бы играть словами и намеренно усиливать неясность там, где нужна полная ясность.

Написано в июне — июле 1905 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 11

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ К СТАТЬЕ «ПАРИЖСКАЯ КОММУНА И ЗАДАЧИ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ»[1]

Эта справка учит нас, прежде всего, тому, что участие представителей социалистического пролетариата вместе с мелкой буржуазией в революционном правительстве принципиально вполне допустимо, а при известных условиях прямо обязательно. Эта справка показывает нам далее, что реальной задачей, которую пришлось выполнять Коммуне, было прежде всего осуществление демократической, а не социалистической диктатуры, проведение нашей «программы-минимум». Наконец, эта справка напоминает нам, что, извлекая уроки для себя из Парижской Коммуны, мы должны подражать не ее ошибкам (не взяли французского банка, не предприняли наступления на Версаль, не имели ясной программы и т. д.), а ее практически успешным шагам, намечающим верный путь. Не слово «коммуна» должны мы перенимать у великих борцов 1871 года, не слепо повторять каждый их лозунг, а отчетливо выделить программные и практические лозунги, отвечающие положению дел в России и формулируемые в словах: революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства.

«Пролетарий», 17 (4) июля 1905 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 11

---

[1] Статья «Парижская Коммуна и задачи демократической диктатуры» была опубликована в газете «Пролетарий» № 8 от 17 (4) июля 1905 года. Автор ее не установлен. В статье давалась историческая справка о деятельности Парижской Коммуны, о составе ее правительства, в которое вместе с представителями мелкой буржуазии входили рабочие-социалисты, видные деятели рабочего движения. Статья была направлена против тактической линии меньшевиков, отрицавших возможность участия социал-демократов во временном революционном правительстве. В. И. Ленин редактировал статью, изменил ее заглавие, внес ряд поправок в текст статьи и написал заключительную часть к ней. *Ред.*

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ ПИСЕМ К. МАРКСА к Л. КУГЕЛЬМАНУ

Оценка Марксом Коммуны — венец писем к Кугельману. И эта оценка особенно много дает при сопоставлении ее с приемами российских с.-д. правого крыла. Плеханов, малодушно воскликнувший после декабря 1905 г.: «Не надо было браться за оружие», имел скромность сравнивать себя с Марксом. Маркс тоже, дескать, тормозил революцию в 1870 году.

Да, Маркс *тоже* тормозил ее. Но посмотрите, какая бездна открывается при этом, самим Плехановым взятом, сравнении между Плехановым и Марксом.

Плеханов в ноябре 1905 г., за месяц до апогея первой русской революционной волны, не только не предостерегал решительно пролетариат, а, напротив, прямо говорил о необходимости *учиться владеть оружием и вооружаться*. А когда через месяц борьба вспыхнула, — Плеханов без тени анализа ее значения, ее роли в общем ходе событий, ее связи с прежними формами борьбы, поспешил разыграть кающегося интеллигента: «Не нужно было браться за оружие».

Маркс в *сентябре 1870 года, за полгода* до Коммуны, прямо предупредил французских рабочих: восстание будет *безумием*, сказал он в известном адресе Интернационала [1]. Он вскрыл *заранее* националистические иллюзии насчет возможности движения в духе 1792 г. Он умел *не задним*

[1] Ленин имеет в виду «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне», написанное К. Марксом (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 17, стр. 274—282). *Ред.*

числом, а за много месяцев сказать: «Не надо браться за оружие».

И как он повел себя, когда это *безнадежное*, по его собственному сентябрьскому заявлению, дело стало осуществляться в марте 1871 года? Может быть, Маркс использовал это (как Плеханов декабрьские события) только для «ущемления» своих врагов, прудонистов и бланкистов, руководивших Коммуной? Может быть, он стал брюзжать, как классная дама: я говорил, я предупреждал, вот вам ваша романтика, ваши революционные бредни? Может быть, он проводил коммунаров, как Плеханов декабрьских борцов, назиданием самодовольного филистера: «Не надо было браться за оружие»?

Нет. 12-го апреля 1871 года Маркс пишет *восторженное* письмо Кугельману, — письмо, которое мы повесили бы охотно на стенке у каждого русского социал-демократа, у каждого русского грамотного рабочего.

Маркс, назвавший в сентябре 1870 года восстание безумием, в апреле 1871 года, видя народное, массовое движение, относится к нему с величайшим вниманием участника великих событий, знаменующих шаг вперед во всемирно-историческом революционном движении.

Это — *попытка*, говорит он, разрушить бюрократически-военную машину, а не просто передать ее в другие руки. И он поет настоящую осанна руководимым прудонистами и бланкистами парижским *«геройским»* рабочим. «Какая гибкость, — пишет он, — какая историческая инициатива, какая способность самопожертвования у этих парижан!» (стр. 88)... «История не знает еще примера подобного героизма».

Историческую инициативу масс Маркс ценит выше всего. Ох, если бы поучились у Маркса наши русские с.-д. в оценке *исторической инициативы* русских рабочих и крестьян в октябре и декабре 1905 года!

Преклонение глубочайшего мыслителя, предвидевшего за полгода неудачу, перед *исторической инициативой* масс, — и безжизненное, бездушное, педантское: «Не надо было браться за оружие»! Разве это не небо и земля?

И, как *участник* массовой борьбы, которую он переживал со всем свойственным ему пылом и страстью, сидя в изгнании в Лондоне, Маркс принимается критиковать *непосредственные шаги* «безумно-храбрых» парижан, *«готовых штурмовать небо»*.

О, как насмехались бы тогда над Марксом наши нынешние «реальные» мудрецы из марксистов, разносящие в России 1906—1907 гг. революционную романтику! Как издевались бы люди над *материалистом, экономистом*, врагом утопий, который преклоняется перед «попыткой» штурмовать *небо!* Сколько бы слез, снисходительного смеха или сострадания пролили всякие человеки в футляре по поводу бунтарских тенденций, утопизма и проч. и проч., по поводу этой оценки к небу рвущегося движения!

А Маркс не проникся премудростью пескарей, боящихся обсуждать *технику* высших форм революционной борьбы. Он обсуждает именно *технические* вопросы восстания. Оборона или наступление? — говорит он, как если бы военные действия шли под Лондоном. И он решает: непременно наступление, *«надо было сейчас же идти на Версаль...»*.

Это писано в апреле 1871 года, за несколько недель до великого кровавого мая...

«Надо было сейчас же идти на Версаль» — повстанцам, начавшим «безумное» (сентябрь 1870 г.) дело штурмования неба.

«Не надо было браться за оружие» в декабре 1905 года, чтобы отстоять силой первые покушения отнять захваченные свободы...

Да, Плеханов недаром сравнил себя с Марксом!

«Вторая ошибка», — продолжает свою *техническую* критику Маркс, — «Центральный Комитет» *(военное начальство* — заметьте это — речь идет о ЦК национальной гвардии) «ЦК *слишком рано* сложил свои полномочия...».

Маркс умел предостерегать *вожаков* от преждевременного восстания. Но к *пролетариату*, штурмующему небо, он относился как практический советчик, как участник *борьбы* масс, поднимающих *все* движение на *высшую ступень*, несмотря на ложные теории и ошибки Бланки и Прудона.

«Как бы там ни было, — пишет он, — парижское восстание, если оно даже и будет подавлено волками, свиньями и подлыми псами старого общества, является славнейшим подвигом нашей партии со времени июньского восстания».

И Маркс, не скрывая от пролетариата *ни одной* ошибки Коммуны, посвятил этому *подвигу* произведение,

которое *до сих пор* служит лучшим руководством в борьбе за «небо», — и самым страшным пугалом для либеральных и радикальных *«свиней»* [1].

Плеханов посвятил декабрю «произведение», которое стало почти евангелием кадетов.

Да, Плеханов недаром сравнивал себя с Марксом.

Кугельман ответил Марксу, видимо, какими-то выражениями сомнения, указаниями на безнадежность дела, на реализм в противоположность романтике, — по крайней мере, он сравнил Коммуну — *восстание* с мирной демонстрацией 13 июня 1849 г. в Париже.

Маркс немедленно (17 апреля 1871 года) читает суровую отповедь Кугельману.

«Творить мировую историю, — пишет он, — *было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов».*

Маркс в сентябре 1870 года называл восстание безумием. Но когда *массы* восстали, Маркс хочет идти с ними, учиться вместе с ними, в ходе борьбы, а не читать канцелярские наставления. Он понимает, что попытка учесть наперед шансы *с полной точностью* была бы шарлатанством или безнадежным педантством. Он *выше всего* ставит то, что рабочий класс геройски, самоотверженно, инициативно *творит* мировую историю. Маркс смотрел на эту историю с точки зрения тех, кто ее *творит,* не имея возможности наперед *непогрешимо* учесть шансы, а не с точки зрения интеллигента-мещанина, который морализирует «легко было предвидеть... не надо было браться...».

Маркс умел оценить и то, что бывают моменты в истории, когда отчаянная борьба *масс* даже за безнадежное дело *необходима* во имя дальнейшего воспитания этих масс и подготовки их к *следующей* борьбе.

Нашим нынешним квазимарксистам, любящим цитировать Маркса всуе, чтобы брать только оценку прошлого у него, а не уменье творить будущее, — совсем непонятна, даже чужда в принципе такая *постановка* вопроса. Плеханов и не подумал о ней, когда приступал после декабря 1905 г. к задаче *«тормозить...».*

---

[1] В. И. Ленин имеет в виду работу К. Маркса «Гражданская война во Франции» (см. настоящий сборник, стр. 9—66). *Ред.*

Но Маркс именно этот вопрос и ставит, не забывая нисколько того, что в сентябре 1870 года он сам признал безумие восстания.

«Буржуазные версальские канальи, — пишет он, — поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. *Деморализация рабочего класса* в последнем случае была бы *гораздо большим* несчастьем, чем гибель какого угодно числа вожаков».

Этим мы и закончим краткий обзор уроков достойной пролетариата политики, которые преподает Маркс в письмах к Кугельману.

Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен «штурмовать небо».

5-го февраля 1907 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 14

УРОКИ КОММУНЫ[1]

После государственного переворота, завершившего революцию 1848 года, Франция на 18 лет подпала под иго наполеоновского режима. Этот режим довел страну не только до разорения экономического, но также до унижения национального. Восставший против старого режима пролетариат взял на себя две задачи — общенациональную и классовую: освобождение Франции от нашествия Германии и социалистическое освобождение рабочих от капитализма. В таком соединении двух задач — оригинальнейшая черта Коммуны.

Буржуазия составила тогда «правительство национальной обороны», и за общенациональную независимость пролетариат должен был бороться под его руководством. На самом деле это было правительство «народной измены», назначение свое видевшее в борьбе с парижским пролетариатом. Но пролетариат не замечал этого, ослепленный патриотическими иллюзиями. Патриотическая идея ведет свое происхождение еще от Великой революции XVIII века; она подчинила себе умы социалистов Коммуны, и Бланки, например, несомненный революционер и горячий сторонник социализма, для своей газеты не нашел более

[1] Статья «Уроки Коммуны» является записью доклада Ленина. Редакция газеты предпослала статье следующее пояснение: «18 марта в Женеве состоялся интернациональный митинг по поводу трех пролетарских годовщин: 25-летия смерти Маркса, 60-летия мартовской революции 1848 года и годовщины Парижской Коммуны. На митинге выступил от РСДРП товарищ Ленин, говоривший о значении Коммуны». *Ред.*

подходящего названия, как буржуазный вопль: *«Отечество в опасности!»*.

В соединении противоречивых задач — патриотизма и социализма — была роковая ошибка французских социалистов. Уже в Манифесте Интернационала, в сентябре 1870 г., Маркс предостерегал французский пролетариат от увлечения ложной национальной идеей[1]: глубокие изменения совершились со времени Великой революции, классовые противоречия обострились, и если тогда борьба с реакцией всей Европы объединяла всю революционную нацию, то теперь пролетариат уже не может соединять свои интересы с интересами других, враждебных ему классов; пусть буржуазия несет ответственность за национальное унижение — дело пролетариата бороться за социалистическое освобождение труда от ига буржуазии.

И действительно, истинная подкладка буржуазного «патриотизма» не замедлила обнаружиться. Заключив позорный мир с пруссаками, версальское правительство приступило к прямой своей задаче — и предприняло набег на страшное для него вооружение парижского пролетариата. Рабочие ответили провозглашением Коммуны и гражданской войной.

Несмотря на то, что социалистический пролетариат делился на многие секты, Коммуна явилась блестящим образцом того, как единодушно умеет пролетариат осуществлять демократические задачи, которые умела только провозглашать буржуазия. Без всякого особого сложного законодательства, просто, на деле провел захвативший власть пролетариат демократизацию общественного строя, отменил бюрократию, осуществил выборность чиновников народом.

Но две ошибки погубили плоды блестящей победы. Пролетариат остановился на полпути: вместо того, чтобы приступить к «экспроприации экспроприаторов», он увлекся мечтами о водворении высшей справедливости в стране, объединяемой общенациональной задачей; такие, например, учреждения, как банк, не были взяты, теории прудонистов насчет «справедливого обмена» и т. п. господствовали еще среди социалистов. Вторая ошибка — излишнее великодушие пролетариата: надо было истреблять

---

[1] См. *К. Маркс*. «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 17, стр. 274—282). *Ред.*

своих врагов, а он старался морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий в гражданской войне и вместо того, чтобы решительным наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже, он медлил и дал время версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе.

Но при всех ошибках Коммуна есть величайший образец величайшего пролетарского движения XIX века. Маркс высоко оценил историческое значение Коммуны — если бы во время предательского набега версальской шайки на оружие парижского пролетариата рабочие без боя дали бы отнять его, то гибельное значение деморализации, внесенной такой слабостью в пролетарское движение, было бы во много и много раз тяжелее ущерба от потерь, которые понес рабочий класс в бою, защищая свое оружие. Как ни велики жертвы Коммуны, они искупаются значением ее для общепролетарской борьбы: она всколыхнула по Европе социалистическое движение, она показала силу гражданской войны, она рассеяла патриотические иллюзии и разбила наивную веру в общенациональные стремления буржуазии. Коммуна научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции.

Урок, полученный пролетариатом, не забудется. Рабочий класс будет пользоваться им, как воспользовался уже в России, в декабрьское восстание.

Эпоха, предшествовавшая русской революции, подготовлявшая ее, имеет некоторое сходство с эпохой наполеоновского ига во Франции. И в России самодержавная клика довела страну до ужасов экономического разорения и национального унижения. Но долго не могла разразиться революция — пока социальное развитие не создало условий для массового движения и, несмотря на весь героизм свой, изолированные нападения на правительство в дореволюционный период разбивались о равнодушие народных масс. Только социал-демократия упорной и планомерной работой воспитала массы до высших форм борьбы — массовых выступлений и гражданской вооруженной войны.

Она сумела разбить в молодом пролетариате «общенациональные» и «патриотические» заблуждения, и после того, как при ее непосредственном вмешательстве удалось вырвать из рук царя манифест 17 октября, пролетариат приступил к энергичной подготовке к дальнейшему

неизбежному этапу революции — вооруженному восстанию. Свободный от «общенациональных» иллюзий, он свои классовые силы сосредоточивал в своих массовых организациях — Советах рабочих и солдатских депутатов и т. п. И несмотря на все различие в целях и задачах, поставленных перед русской революцией, сравнительно с французской 1871 года, русский пролетариат должен был прибегнуть к тому же способу борьбы, которому начало дала Парижская Коммуна, — к гражданской войне. Помня ее уроки, он знал, что пролетариат не должен пренебрегать мирными орудиями борьбы — они служат его повседневным, будничным интересам, они необходимы в периоды подготовки революций — но никогда не должен он забывать и того, что классовая борьба при известных условиях выливается в формы вооруженной борьбы и гражданской войны; бывают моменты, когда интересы пролетариата требуют беспощадного истребления врагов в открытых боевых схватках. Впервые показал это французский пролетариат в Коммуне и блестяще подтвердил русский пролетариат в декабрьском восстании.

Пусть оба эти грандиозные восстания рабочего класса подавлены — будет новое восстание, перед которым слабыми окажутся силы врагов пролетариата, из которого с полной победой выйдет социалистический пролетариат.

«Заграничная Газета»
23 марта 1908 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 16

Из произведения

«МАРКСИЗМ И РЕВИЗИОНИЗМ»

Либералы всегда говорили, что буржуазный парламентаризм уничтожает классы и классовые деления, раз право голоса, право участия в государственных делах имеют все граждане без различия. Вся история Европы во 2-й половине XIX века, вся история русской революции в начале XX века показывает воочию, как нелепы подобные взгляды. Экономические различия не ослабляются, а усиливаются и обостряются при свободе «демократического» капитализма. Парламентаризм не устраняет, а обнажает сущность самых демократических буржуазных республик, как органа классового угнетения. Помогая просветить и организовать неизмеримо более широкие массы населения, чем те, которые прежде участвовали активно в политических событиях, парламентаризм подготовляет этим не устранение кризисов и политических революций, а наибольшее обострение гражданской войны во время этих революций. Парижские события весной 1871 года и русские зимой 1905 года показали яснее ясного, как неизбежно наступает такое обострение. Французская буржуазия, ни секунды не колеблясь, вошла в сделку с общенациональным врагом, с чужестранным войском, разорившим ее отечество, для подавления пролетарского движения. Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена, решению спора массовым насилием, — тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно готовящей рабочие массы к победоносному участию в таких «спорах».

Написано во второй половине марта — не позднее 3 (16) апреля 1908 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 17

ПАМЯТИ КОММУНЫ

Сорок лет прошло со времени провозглашения Парижской Коммуны. По установившемуся обычаю французский пролетариат митингами и демонстрациями почтил память деятелей революции 18 марта 1871 года; а в конце мая он снова понесет венки на могилы расстрелянных коммунаров, жертв страшной «майской недели», и на их могилах снова поклянется бороться, не покладая рук, вплоть до полного торжества их идей, до полного исполнения завещанного ими дела.

Почему же пролетариат, не только французский, но и всего мира, чтит в деятелях Парижской Коммуны своих предшественников? И в чем заключается наследство Коммуны?

Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял. Неудачная война с Германией, мучения во время осады, безработица среди пролетариата и разорение среди мелкой буржуазии; негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу; реакционный состав Национального собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики, — все это и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии.

Это было невиданным в истории событием. До тех пор власть обыкновенно находилась в руках помещиков и

капиталистов, т. е. их доверенных лиц, составлявших так называемое правительство. После же революции 18 марта, когда правительство г. Тьера бежало из Парижа со своими войсками, полицией и чиновниками, — народ остался господином положения, и власть перешла к пролетариату. Но в современном обществе пролетариат, порабощенный капиталом экономически, не может господствовать политически, не разбивши своих цепей, которые приковывают его к капиталу. И вот почему движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску, т. е. начать стремиться к ниспровержению господства буржуазии, господства капитала, к разрушению самых *основ* современного общественного строя.

Вначале это движение было крайне смешанным и неопределенным. К нему примкнули и патриоты, надеявшиеся, что Коммуна возобновит войну с немцами и доведет ее до благополучного конца. Его поддержали и мелкие лавочники, которым грозило разорение, если не будет отсрочен платеж по векселям и уплата за квартиру (этой отсрочки правительство не хотело им дать, но зато дала Коммуна). Наконец, первое время ему отчасти сочувствовали и буржуазные республиканцы, опасавшиеся, что реакционное Национальное собрание («деревенщина», дикие помещики) восстановит монархию. Но главную роль в этом движении играли, конечно, рабочие (особенно парижские ремесленники), среди которых в последние годы Второй империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу.

Только рабочие остались до конца верны Коммуне. Буржуазные республиканцы и мелкие буржуа скоро отстали от нее: одних напугал революционно-социалистический, пролетарский характер движения; другие отстали от него, когда увидели, что оно обречено на неминуемое поражение. Только французские пролетарии без страха и устали поддерживали *свое* правительство, только они сражались и умирали за него, то есть за дело освобождения рабочего класса, за лучшее будущее для всех трудящихся.

Покинутая вчерашними союзниками и никем не поддержанная, Коммуна неизбежно должна была потерпеть поражение. Вся буржуазия Франции, все помещики, биржевики, фабриканты, все крупные и мелкие воры, все эксплуататоры соединились против нее. Этой буржуазной ко-

алиции, поддержанной Бисмарком (который отпустил из немецкого плена 100 000 французских солдат для покорения революционного Парижа), удалось восстановить темных крестьян и мелкую провинциальную буржуазию против парижского пролетариата и окружить половину Парижа железным кольцом (вторая половина была обложена немецкой армией). В некоторых крупных городах Франции (Марселе, Лионе, Сент-Этьене, Дижоне и пр.) рабочие также сделали попытки захватить власть, провозгласить Коммуну и пойти на выручку Парижа, но эти попытки быстро закончились неудачей. И Париж, первый поднявший знамя пролетарского восстания, предоставлен был собственным силам и обречен на верную гибель.

Для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...

Но главное, чего не хватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление своей программы. Не успела она приступить к делу, как засевшее в Версале правительство, поддержанное всей буржуазией, открыло против Парижа военные действия. И Коммуне пришлось прежде всего подумать о самообороне. И вплоть до самого конца, наступившего 21—28 мая, ей ни о чем другом серьезно подумать не было времени.

Впрочем, несмотря на столь неблагоприятные условия, несмотря на кратковременность своего существования, Коммуна успела принять несколько мер, достаточно характеризующих ее истинный смысл и цели. Коммуна заменила постоянную армию, это слепое орудие в руках господствующих классов, всеобщим вооружением народа; она провозгласила отделение церкви от государства, уничтожила бюджет культов (т. е. государственное жалованье попам), придала народному образованию чисто светский

характер — и этим нанесла сильный удар жандармам в рясах. В чисто социальной области она успела сделать немного, но это немногое все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабочего правительства: запрещен был ночной труд в булочных; отменена система штрафов, этого узаконенного ограбления рабочих; наконец, издан знаменитый декрет (указ), в силу которого все фабрики, заводы и мастерские, покинутые или приостановленные своими хозяевами, передавались рабочим артелям для возобновления производства. И как бы для того, чтобы подчеркнуть свой характер истинно-демократического, пролетарского правительства, Коммуна постановила, что вознаграждение всех чинов администрации и правительства не должно превышать нормальной рабочей платы и ни в коем случае не быть выше 6000 франков (менее 200 рублей в месяц) в год.

Все эти меры достаточно ясно говорили о том, что Коммуна составляет смертельную угрозу для старого мира, основанного на порабощении и эксплуатации. Поэтому буржуазное общество не могло спать спокойно, пока на парижской городской Думе развевалось красное знамя пролетариата. И когда, наконец, организованной правительственной силе удалось взять верх над плохо организованной силой революции, бонапартовские генералы, побитые немцами и храбрые против побежденных земляков, эти французские Ренненкампфы и Меллер-Закомельские устроили такую резню, какой Париж еще не видал. Около 30 000 парижан было убито озверевшей солдатчиной, около 45 000 арестовано и многие из них впоследствии казнены, тысячи сосланы на каторгу и на поселение. В общем, Париж потерял около 100 000 сынов, в том числе лучших рабочих всех профессий.

Буржуазия была довольна. «Теперь с социализмом покончено надолго!», — говорил ее вождь, кровожадный карлик Тьер после кровавой бани, которую он со своими генералами задал парижскому пролетариату. Но напрасно каркали эти буржуазные вороны. Через каких-нибудь шесть лет после подавления Коммуны, когда многие борцы ее еще томились на каторге и в ссылке, во Франции уже начиналось новое рабочее движение. Новое социалистическое поколение, обогащенное опытом своих предшественников, но отнюдь не обескураженное их поражением, подхватило знамя, выпавшее из рук борцов

Коммуны, и понесло его уверенно и смело вперед при кликах: «да здравствует социальная революция! да здравствует Коммуна!». А еще через пару-другую лет новая рабочая партия и поднятая ею в стране агитация заставила господствующие классы отпустить на свободу пленных коммунаров, еще оставшихся в руках правительства.

Память борцов Коммуны чтится не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира. Ибо Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узконациональную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных. Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище геройской борьбы пролетариата и его страдания после поражения, — все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас.

Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно.

«Рабочая Газета», 15 (28) апреля 1911 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 20

7 Зак. 1336

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ УЧЕНИЯ КАРЛА МАРКСА[1]

Главное в учении Маркса, это — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества. Подтвердил ли ход событий во всем мире это учение после того, как оно было изложено Марксом?

Впервые Маркс выдвинул его в 1844 году. «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, вышедший в 1848 году, дает уже цельное, систематическое, до сих пор остающееся лучшим, изложение этого учения. Всемирная история с этого времени делится явственно на три главные периода: 1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871); 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905); 3) от русской революции.

Бросим взгляд на судьбы учения Маркса в каждый из этих периодов.

I

В начале первого периода учение Маркса отнюдь не господствует. Оно — лишь одна из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма. Господствуют же такие формы социализма, которые в основном родственны нашему народничеству: непонимание материалистической основы исторического движения, неумение выделить роль и значение каждого класса капиталистического общества, прикрытие буржуазной сущности

---

[1] Статья «Исторические судьбы учения Карла Маркса» была написана к 30-летию со дня смерти Карла Маркса. *Ред.*

демократических преобразований разными якобы социалистическими фразами о «народе», «справедливости», «праве» и т. п.

Революция 1848 года наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам *до*марксовского социализма. Революция во всех странах показывает *в действии* разные классы общества. Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 года в Париже окончательно определяет социалистическую природу *одного* пролетариата. Либеральная буржуазия во сто раз больше боится самостоятельности этого класса, чем какой угодно реакции. Трусливый либерализм пресмыкается перед ней. Крестьянство удовлетворяется отменой остатков феодализма и переходит на сторону порядка, лишь изредка колеблясь между *рабочей демократией и буржуазным либерализмом*. Все учения о *не*классовом социализме и о *не*классовой политике оказываются пустым вздором.

Парижская Коммуна (1871) доканчивает это развитие буржуазных преобразований; только геройству пролетариата обязана своим упрочением республика, т. е. та форма государственного устройства, в которой классовые отношения выступают в наиболее неприкрытой форме.

Во всех других европейских странах более запутанное и менее законченное развитие приводит к тому же сложившемуся буржуазному обществу. К концу первого периода (1848—1871), периода бурь и революций, домарксовский социализм *умирает*. Рождаются самостоятельные *пролетарские* партии: первый Интернационал (1864—1872) и германская социал-демократия.

II

Второй период (1872—1904) отличается от первого «мирным» характером, отсутствием революций. Запад с буржуазными революциями покончил. Восток до них еще не дорос.

Запад вступает в полосу «мирной» подготовки к эпохе будущих преобразований. Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои коопе-

ративы. Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь*. Медленно, но неуклонно идет вперед процесс подбирания и собирания сил пролетариата, подготовки его к грядущим битвам.

Диалектика истории такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв. Улучшение положения рабов для борьбы против наемного рабства они разъясняют в смысле продажи рабами за пятачок своих прав на свободу. Трусливо проповедуют «социальный мир» (т. е. мир с рабовладением), отречение от классовой борьбы и т. д. Среди социалистических парламентариев, разных чиновников рабочего движения и «сочувствующей» интеллигенции у них очень много сторонников.

III

Не успели оппортунисты нахвалиться «социальным миром» и не необходимостью бурь при «демократии», как открылся новый источник величайших мировых бурь в Азии. За русской революцией последовали турецкая, персидская, китайская. Мы живем теперь как раз в эпоху этих бурь и их «обратного отражения» на Европе. Каковы бы ни были судьбы великой китайской республики, на которую теперь точат зубы разные «цивилизованные» гиены, но никакие силы в мире не восстановят старого крепостничества в Азии, не сметут с лица земли героического демократизма народных масс в азиатских и полуазиатских странах.

Некоторых людей, невнимательных к условиям подготовки и развития массовой борьбы, доводили до отчаяния и до анархизма долгие отсрочки решительной борьбы против капитализма в Европе. Мы видим теперь, как близоруко и малодушно анархистское отчаяние.

Не отчаяние, а бодрость надо почерпать из факта вовлечения восьмисотмиллионной Азии в борьбу за те же европейские идеалы.

Азиатские революции показали нам ту же бесхарактерность и подлость либерализма, то же исключительное значение самостоятельности демократических масс, то

же отчетливое размежевание пролетариата от всяческой буржуазии. Кто после опыта и Европы и Азии говорит о *не*классовой политике и о *не*классовом социализме, того стоит просто посадить в клетку и показывать рядом с каким-нибудь австралийским кенгуру.

За Азией стала шевелиться — только не по-азиатски — и Европа. «Мирный» период 1872—1904 годов отошел бесповоротно в вечность. Дороговизна и гнет трестов вызывают невиданное обострение экономической борьбы, сдвинувшее с места даже наиболее развращенных либерализмом английских рабочих. На наших глазах зреет политический кризис даже в самой «твердокаменной» буржуазно-юнкерской стране, Германии. Бешеные вооружения и политика империализма делают из современной Европы такой «социальный мир», который больше всего похож на бочку с порохом. А разложение *всех* буржуазных партий и созревание пролетариата идет неуклонно вперед.

После появления марксизма каждая из трех великих эпох всемирной истории приносила ему новые подтверждения и новые триумфы. Но еще больший триумф принесет марксизму, как учению пролетариата, грядущая историческая эпоха.

«Правда», 1 марта 1913 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 23

Из статьи

«КАРЛ МАРКС»

В знаменитом обращении Интернационала от 9 сентября 1870 г. Маркс предупреждал французский пролетариат против несвоевременного восстания [1], но, когда оно все же наступило (1871 г.), Маркс с восторгом приветствовал революционную инициативу масс, «штурмовавших небо» (письмо Маркса к Кугельману) [2]. Поражение революционного выступления в этой ситуации, как и во многих других, было, с точки зрения диалектического материализма Маркса, меньшим злом в общем ходе *и исходе* пролетарской борьбы, чем отказ от занятой позиции, сдача без боя: такая сдача деморализовала бы пролетариат, подрезала бы его способность к борьбе.

Написано в июле — ноябре 1914 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 26

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 17, стр. 274—282. *Ред.*

[2] См. настоящий сборник, стр. 95. *Ред.*

Из манифеста

«ВОЙНА И РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ»

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Написано в сентябре, ранее 28 (11 октября), 1914 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 26

Из брошюры

«СОЦИАЛИЗМ И ВОЙНА»

Война, несомненно, породила самый резкий кризис и обострила бедствия масс невероятно. Реакционный характер этой войны, бесстыдная ложь буржуазии *всех* стран, прикрывающей свои грабительские цели «национальной» идеологией, все это на почве объективно-революционной ситуации неминуемо создает революционные настроения в массах. Наш долг — помочь осознать эти настроения, углубить и оформить их. Эту задачу правильно выражает лишь лозунг превращения империалистской войны в войну гражданскую, и *всякая* последовательная классовая борьба во время войны, всякая серьезно проводимая тактика «массовых действий» неминуемо ведет к этому. Нельзя знать, в связи с 1-ой или 2-ой империалистской войной великих держав, во время нее или после нее возгорится сильное революционное движение, но во всяком случае наш безусловный долг систематически и неуклонно работать именно в этом направлении.

Базельский манифест прямо ссылается на пример Парижской Коммуны, т. е. превращения войны правительств в войну гражданскую. Полвека тому назад пролетариат был слишком слаб, объективные условия социализма еще не назрели, соответствия и содействия революционных движений во всех воюющих странах быть не могло, увлечение части парижских рабочих «национальной идеологией» (традицией 1792 года) было мелкобуржуазной сла-

бостью их, своевременно отмеченной Марксом, и одной из причин краха Коммуны. Полвека спустя после нее отпали ослаблявшие тогдашнюю революцию условия, и в настоящее время социалисту непростительно мириться с отказом от деятельности именно в духе парижских коммунаров.

Написано в июле — августе 1915 г.	*Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 26*

ИЗ «ПИСЕМ ИЗ ДАЛЕКА»

Рабочие своим классовым инстинктом поняли, что в революционное время им нужна совсем иная, *не только* обычная организация, они правильно встали на путь, указанный опытом нашей революции 1905 года и Парижской Коммуны 1871 года, они создали *Совет рабочих депутатов,* они стали развивать, расширять, укреплять его привлечением *солдатских* депутатов и, несомненно, депутатов от сельских *наемных* рабочих, а затем (в той или иной форме) от всей крестьянской бедноты.

Создание подобных организаций во всех без исключения местностях России, для всех без исключения профессий и слоев пролетарского и полупролетарского населения, т. е. всех трудящихся и эксплуатируемых, если употребить менее экономически точное, но более популярное выражение, — такова задача первейшей, неотложнейшей важности. Забегая вперед, отмечу, что для всей крестьянской массы наша партия (об ее *особой* роли в пролетарских организациях нового типа я надеюсь побеседовать в одном из следующих писем) должна особенно рекомендовать *отдельные* советы наемных рабочих и затем мелких, не продающих хлеба, земледельцев *от* зажиточных крестьян: без этого условия нельзя ни вести истинно пролетарской политики, вообще говоря[1], ни правильно

---

[1] В деревне развернется теперь борьба за мелкое и частью среднее крестьянство. Помещики, опираясь на зажиточных крестьян, будут вести его к подчинению буржуазии. Мы должны вести его, опираясь на сельских наемных рабочих и бедноту, к теснейшему союзу с городским пролетариатом.

подойти к важнейшему практическому вопросу жизни и смерти миллионов людей: к правильной разверстке *хлеба*, к увеличению его производства и т. д.

Но, спрашивается, что должны делать Советы рабочих депутатов? Они «должны рассматриваться, как органы восстания, как органы революционной власти», — писали мы в № 47 женевского «Социал-Демократа» 13 октября 1915 года[1].

Это теоретическое положение, выведенное из опыта Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года, должно быть пояснено и конкретнее развито на основе практических указаний именно данного этапа именно данной революции в России.

Нам нужна революционная *власть*, нам нужно (на известный переходный период) *государство*. Этим мы отличаемся от анархистов. Разница между революционными марксистами и анархистами состоит не только в том, что первые стоят за централизованное, крупное, коммунистическое производство, а вторые за раздробленное, мелкое. Нет, разница именно по вопросу о власти, о государстве состоит в том, что мы *за* революционное использование революционных форм государства для борьбы за социализм, а анархисты — *против*.

Нам нужно государство. Но нам нужно *не такое* государство, каким создала его буржуазия повсюду, начиная от конституционных монархий и кончая самыми демократическими республиками. И в этом состоит наше отличие от оппортунистов и каутскианцев старых, начавших загнивать, социалистических партий, исказивших или забывших уроки Парижской Коммуны и анализ этих уроков Марксом и Энгельсом[2].

Нам нужно государство, но *не* такое, какое нужно буржуазии, с отделенными от народа и противопоставляемыми народу органами власти в виде полиции, армии, бюрократии (чиновничества). Все буржуазные революции

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 49. *Ред.*

[2] В одном из следующих писем или в особой статье я подробно остановлюсь на этом анализе, данном в частности в «Гражданской войне во Франции» Маркса, в предисловии Энгельса к 3-му изданию этого сочинения, в письмах: Маркса от 12.IV.1871 и Энгельса от 18—28.III.1875, а также на полном искажении марксизма Каутским в его полемике 1912 года против Паннекука по вопросу о так называемом «разрушении государства».

только усовершенствовали *эту* государственную машину, только передавали *ее* из рук одной партии в руки другой партии.

Пролетариат же, если он хочет отстоять завоевания данной революции и пойти дальше, завоевать мир, хлеб и свободу, должен *«разбить»*, выражаясь словами Маркса, эту «готовую» государственную машину и заменить ее новой, *сливая* полицию, армию и бюрократию с *поголовно вооруженным народом*. Идя по пути, указанному опытом Парижской Коммуны 1871 года и русской революции 1905 года, пролетариат должен организовать и вооружить *все* беднейшие, эксплуатируемые части населения, чтобы они *сами* взяли непосредственно в свои руки органы государственной власти, *сами составили* учреждения этой власти.

Написано 11 (24) марта 1917 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 31

Из брошюры

«ПИСЬМА О ТАКТИКЕ»

Я абсолютно застраховал себя в своих тезисах от всякого перепрыгивания через неизжившее себя крестьянское или вообще мелкобуржуазное движение, от всякой *игры* в «захват власти» рабочим правительством, от какой бы то ни было бланкистской авантюры, ибо я прямо указал на опыт Парижской Коммуны. А этот опыт, как известно и как подробно показал Маркс в 1871 г. и Энгельс в 1891 г., совершенно исключил бланкизм, совершенно обеспечил прямое, непосредственное, безусловное господство *большинства* и активность масс лишь в мере *сознательного* выступления самого большинства...

...Коммуна, к сожалению, слишком медлила с введением социализма. Действительная суть Коммуны не в том, где ее ищут обычно буржуа, а в создании особого типа *государства*. А такое государство в России *уже* родилось, это и есть Советы рабочих и солдатских депутатов!

Написано между 8 и 13 (21 и 26) апреля 1917 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 31

Из статьи

«О ДВОЕВЛАСТИИ»

Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею.

В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала *двоевластие*. Этот факт надо уяснить себе прежде всего; не поняв его, нельзя идти вперед. Старые «формулы», например, большевизма надо уметь дополнить и исправить, ибо они, как оказалось, были верны в общем, но конкретное осуществление *оказалось* иное. О двоевластии *никто* раньше не думал и думать не мог.

В чем состоит двоевластие? В том, что рядом с Временным правительством, правительством *буржуазии*, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее *другое правительство:* Советы рабочих и солдатских депутатов.

Каков классовый состав этого другого правительства? Пролетариат и крестьянство (одетое в солдатские мундиры). Каков политический характер этого правительства? Это — революционная диктатура, т. е. власть, опирающаяся прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон,* изданный централизованной государственной властью. Это — власть совсем не того рода, какого бывает вообще власть в парламентарной буржуазно-демократической республике обычного до сих пор, господствующего в передовых странах Европы и Америки, типа. Часто забывают

это обстоятельство, часто не вдумываются в него, а в нем вся суть. *Эта* власть — власть *того же типа,* какого была Парижская Коммуна 1871 года. Основные признаки этого типа: 1) источник власти — не закон, предварительно обсужденный и проведенный парламентом, а прямой почин народных масс снизу и на местах, прямой «захват», употребляя ходячее выражение; 2) замена полиции и армии, как отделенных от народа и противопоставленных народу учреждений, прямым вооружением всего народа; государственный порядок при такой власти охраняют *сами* вооруженные рабочие и крестьяне, *сам* вооруженный народ; 3) чиновничество, бюрократия либо заменяются опять-таки непосредственной властью самого народа, либо по меньшей мере ставятся под особый контроль, превращаются не только в выборных, но и в *сменяемых* по первому требованию народа, сводятся на положение простых уполномоченных; из привилегированного слоя с высокой, буржуазной, оплатой «местечек» превращаются в рабочих особого «рода оружия», оплачиваемых *не выше* обычной платы хорошего рабочего.

В этом и *только* в этом *суть* Парижской Коммуны, как особого типа государства. Эту суть забыли и исказили гг. Плехановы (прямые шовинисты, изменившие марксизму), Каутские (люди «центра», т. е. колеблющиеся между шовинизмом и марксизмом) и все вообще господствующие ныне социал-демократы, социалисты-революционеры и т. под.

Отделываются фразами, отмалчиваются, увертываются, поздравляют тысячу раз друг друга с революцией, не хотят *подумать* о том, *что такое* Советы рабочих и солдатских депутатов. Не хотят видеть очевидной истины, что, поскольку эти Советы существуют, *поскольку* они — власть, постольку в России существует государство *типа* Парижской Коммуны.

«Правда», 9 апреля 1917 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 31

О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА В ДАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ[1]

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности, выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе, — и *добросовестным* оппонентам, — было изготовление *письменных* тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и *дважды:* сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков.

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе.

ТЕЗИСЫ

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской, империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

---

[1] Статья «О задачах пролетариата в данной революции», опубликованная в «Правде» № 26 от 7 апреля 1917 года, содержит знаменитые Апрельские тезисы В. И. Ленина, которые, по-видимому, были написаны им в поезде накануне прибытия в Петроград. *Ред.*

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром *нельзя* без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока

в слабом меньшинстве, перед *блоком всех* мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих ее влияние на пролетариат, элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до ОК (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества[1].

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Советы батрацких депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.

---

[1] То есть замена постоянной армии всеобщим вооружением народа.

8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и *наше* требование «государства-коммуны» [1],

3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии [2].

10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против *социал-шовинистов* и против «центра» [3].

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случаи» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве» [4] г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «ввиду несомненной добросовестности *широких* слоев *массовых* представителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо *особенно* обстоятельно, настойчиво, *терпеливо* разъяснять им их ошибку...».

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, *не* принадлежащие ни к *широким* слоям,

---

[1] То есть такого государства, прообраз которого дала Парижская Коммуна.

[2] Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во *всем* мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться *Коммунистической партией.*

[3] «Центром» называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами (=«оборонцами») и интернационалистами, именно: Каутский и К° в Германии, Лонге и К° во Франции, Чхеидзе и К° в России, Турати и К° в Италии, Макдональд и К° в Англии и т. д.

[4] «Единство» — газета крайне правой группы меньшевиков-оборонцев во главе с Г. В. Плехановым. *Ред.*

ни к *массовым* представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено(!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!!) революционной демократии...».

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»[1]?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства, и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики...».

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии»!!

Я нападал на Временное правительство за то, что оно *не* назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учредительного собрания, отделываясь посулами. Я доказывал, что *без* Советов рабочих и солдатских депутатов созыв Учредительного собрания не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учредительного собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «бреда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

---

[1] «Русская Воля» — ежедневная буржуазная газета, основанная царским министром внутренних дел А. Д. Протопоповым и существовавшая на средства крупных банков; выходила в Петрограде с декабря 1916 года. После Февральской буржуазно-демократической революции вела клеветническую кампанию против большевиков. Ленин называл ее «одной из наиболее гнусных буржуазных газет» (Полн. собр. соч., т. 34, стр. 130). Газета закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 25 октября 1917 года. *Ред.*

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, *как* рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг. об опыте Парижской Коммуны и о том, *какое* государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г. *германскую* социал-демократию «смердящим трупом». А гг. Плехановы, Гольденберги и К° «обижаются»... за кого? — за *германских* шовинистов, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

Написано 4 и 5 (17 и 18) апреля 1917 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 31

Из брошюры

«ЗАДАЧИ ПРОЛЕТАРИАТА В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

(ПРОЕКТ ПЛАТФОРМЫ ПРОЛЕТАРСКОЙ ПАРТИИ)»

НОВЫЙ ТИП ГОСУДАРСТВА, ВЫРАСТАЮЩИЙ В НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

11. Советы рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов не поняты не только в том отношении, что большинству неясно их классовое значение, их роль *в русской* революции. Они не поняты еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый *тип государства*.

Наиболее совершенным, передовым из буржуазных государств является тип *парламентарной демократической республики:* власть принадлежит парламенту; государственная машина, аппарат и орган управления обычный: постоянная армия, полиция, чиновничество, фактически несменяемое, привилегированное, стоящее *над* народом.

Но революционные эпохи, начиная с конца XIX века, выдвигают *высший* тип демократического государства, такого государства, которое в некоторых отношениях перестает уже, по выражению Энгельса, быть государством, «не является государством в собственном смысле слова» [1]. Это — государство типа Парижской Коммуны, *заменяющее* особую от народа армию и полицию прямым и непосредственным вооружением самого народа. *В этом* суть Коммуны, которую оболгали и оклеветали буржуазные писатели, которой ошибочно приписывали, между прочим, намерение немедленно «ввести» социализм.

Именно такого типа государство *начала* создавать русская революция в 1905 и в 1917 годах. Республика

---

[1] См. *Ф. Энгельс.* «Письмо А. Бебелю 18—28 марта 1875 г.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 19, стр. 5). *Ред.*

Советов рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов, объединенных Всероссийским Учредительным собранием народных представителей или Советом советов и т. п., — вот что *уже входит в жизнь* у нас теперь, в данное время, по инициативе многомиллионного народа, самочинно творящего демократию *по-своему*, не дожидающегося ни того, как гг. профессора-кадеты напишут свои проекты законов для парламентарной буржуазной республики, — ни того, как педанты и рутинеры мелкобуржуазной «социал-демократии», вроде г. Плеханова или Каутского, откажутся от их искажения учения марксизма по вопросу о государстве.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость* государства и государственной власти в революционный период вообще, в эпоху перехода от капитализма к социализму в частности.

Марксизм отличается от мелкобуржуазного, оппортунистического «социал-демократизма» г. Плеханова, Каутского и К° тем, что признает необходимость для указанных периодов *не* такого государства, как обычная парламентарная буржуазная республика, а такого, как Парижская Коммуна.

Главные отличия этого последнего типа государства от старого следующие:

От парламентарной буржуазной республики возврат к монархии совсем легок (как и доказала история), ибо остается неприкосновенной вся машина угнетения: армия, полиция, чиновничество. Коммуна и Советы рабочих, солдатских, крестьянских и т. д. депутатов *разбивают* и устраняют эту машину.

Парламентарная буржуазная республика стесняет, душит самостоятельную политическую жизнь *масс*, их непосредственное участие в *демократическом* строительстве всей государственной жизни снизу доверху. Обратное — Советы рабочих и солдатских депутатов.

Последние воспроизводят тот тип государства, какой вырабатывался Парижской Коммуной и который Маркс назвал «открытой, наконец, политической формой, в которой *может* произойти экономическое освобождение трудящихся» [1]...

---

[1] См. *К. Маркс*. «Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих» (см. настоящий сборник, стр. 38). *Ред.*

КАКОВО ДОЛЖНО БЫТЬ НАУЧНО-ПРАВИЛЬНОЕ И ПОЛИТИЧЕСКИ ПОМОГАЮЩЕЕ ПРОЯСНЕНИЮ СОЗНАНИЯ ПРОЛЕТАРИАТА НАЗВАНИЕ НАШЕЙ ПАРТИИ?

19. Перехожу к последнему, к названию нашей партии. Мы должны назваться *Коммунистической партией,* — как называли себя Маркс и Энгельс.

Мы должны повторить, что мы марксисты и за основу берем «Коммунистический Манифест», извращенный и преданный социал-демократией по двум главным пунктам: 1) рабочие не имеют отечества: «защита отечества» в империалистской войне есть измена социализму; 2) учение марксизма о государстве извращено II Интернационалом.

Название «социал-демократия» *научно* неверно, как показал Маркс, неоднократно, между прочим, в «Критике Готской программы» 1875 года и популярнее повторил Энгельс в 1894 году[1]. От капитализма человечество может перейти непосредственно только к социализму, т. е. общему владению средствами производства и распределению продуктов по мере работы каждого. Наша партия смотрит дальше: социализм неизбежно должен постепенно перерасти в коммунизм, на знамени которого стоит: «каждый по способностям, каждому по потребностям».

Таков мой первый довод.

Второй: научно неправильна и вторая часть названия нашей партии (социал-*демократы*). Демократия есть одна из форм *государства.* Между тем мы, марксисты, противники *всякого* государства.

Вожди II (1889—1914) Интернационала, г. Плеханов, Каутский и подобные им, опошлили и извратили марксизм.

Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость государства* для перехода к социализму, — но (и в этом отличие от Каутского и K⁰) *не такого государства,* как обычная парламентарная буржуазная демократическая республика, а такого, как Парижская Коммуна 1871 г., как Советы рабочих депутатов 1905 и 1917 годов.

---

[1] См. *К. Маркс.* «Критика Готской программы»; *Ф. Энгельс.* «Предисловие к сборнику «Internationales aus dem Volksstaat (1871—1875)»» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 19, стр. 9—32; т. 22, стр. 433—435). *Ред.*

Мой третий довод: *жизнь* создала, революция создала *уже на деле* у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это, новое «государство», не являющееся государством в собственном смысле слова.

Это *уже* вопрос практики масс, а не только теория вождей.

Государство в собственном смысле есть командование над массами со стороны отрядов вооруженных людей, отделенных от народа.

Наше *рождающееся*, новое государство есть тоже государство, ибо нам необходимы отряды вооруженных людей, необходим *строжайший* порядок, необходимо *беспощадное* подавление насилием всяких попыток контрреволюции и царистской и гучковски-буржуазной.

Но наше *рождающееся*, новое государство *не есть* уже государство в собственном смысле слова, ибо в ряде мест России эти отряды вооруженных людей есть *сама масса*, весь народ, а не кто-либо над ним поставленный, от него отделенный, привилегированный, практически несменяемый.

Не назад надо смотреть, а вперед, не на ту демократию обычно-буржуазного типа, которая укрепляла господство буржуазии посредством старых, *монархических*, органов управления, полиции, армии, чиновничества.

Надо смотреть вперед к рождающейся новой демократии, которая уже перестает быть демократией, ибо демократия есть господство народа, а сам вооруженный народ не может над собой господствовать.

Слово демократия не только научно неверно в применении к коммунистической партии. Оно теперь, после марта 1917 года, есть *шора*, одеваемая на глаза революционному народу и *мешающая* ему свободно, смело, самочинно строить новое: Советы рабочих, крестьянских и всяких иных депутатов, как *единственную власть* в «государстве», как предвестник «отмирания» *всякого* государства.

Мой четвертый довод: надо считаться с объективным всемирным положением социализма.

Оно не таково, каким было в 1871—1914 гг., когда Маркс и Энгельс сознательно мирились с неверным, оппортунистическим термином: «социал-демократия». Ибо *тогда*, после поражения Парижской Коммуны,

история поставила на очередь дня: медленную организационно-просветительную работу. Иной не было. Анархисты не только теоретически были (и остаются) в корне неправы, и экономически и политически. Анархисты неверно оценили момент, не поняв всемирной ситуации: развращенный империалистскими прибылями рабочий Англии, разбитая Коммуна в Париже, только что победившее (в 1871 г.) буржуазно-национальное движение в Германии, спящая вековым сном полукрепостная Россия.

Маркс и Энгельс верно учли момент, поняли международную ситуацию, поняли задачи *медленного* подхода к началу социальной революции.

Поймем же и мы задачи и особенности новой эпохи. Не будем подражать тем горе-марксистам, про которых говорил Маркс: «я сеял драконов, а сбор жатвы дал мне блох»[1].

Объективная необходимость капитализма, переросшего в империализм, породила империалистскую войну. Война привела все человечество *на край пропасти*, гибели всей культуры, одичания и гибели еще миллионов людей, миллионов без числа.

Выхода *нет*, кроме революции пролетариата.

И в такой момент, когда эта революция начинается, когда она делает свои первые, робкие, нетвердые, несознательные, слишком доверчивые к буржуазии шаги, — в такой момент большинство (это правда, это факт) «социал-демократических» вождей, «социал-демократических» парламентариев, «социал-демократических» газет — а ведь именно таковы *органы* воздействия на массы — большинство их *изменило* социализму, *предало* социализм, перешло на сторону «своей» национальной буржуазии.

Массы смущены, сбиты с толку, обмануты *этими* вождями.

И мы будем поощрять этот обман, облегчать его, держась того старого и устаревшего названия, которое так же сгнило, как сгнил II Интернационал!

---

[1] Это выражение, по свидетельству К. Маркса и Ф. Энгельса, принадлежит Г. Гейне и впервые приведено ими в работе «Немецкая идеология» (том II, гл. IV. 4. Сен-симонистская школа) (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 3, стр. 514). *Ред.*

Пусть «многие» рабочие *понимают* социал-демократию по-честному. Пора учиться различию субъективного от объективного.

Субъективно эти рабочие социал-демократы — вернейшие вожди пролетарских масс.

А объективное, всемирное положение таково, что старое название нашей партии *облегчает* обман масс, *тормозит* движение вперед, ибо на каждом шагу, в каждой газете, в каждой парламентской фракции масса видит *вождей,* т. е. людей, слова которых громче слышны, дела дальше видны, — и все они «тоже-социал-демократы», все они «за единство» с изменниками социализма, социал-шовинистами, все они предъявляют к уплате старые векселя, выданные «социал-демократией»...

А доводы против? «...Смешают с анархистами-коммунистами...»

Отчего не боимся мы смешения с социал-националами и социал-либералами, с радикалами-социалистами, самой передовой и самой ловкой в буржуазном обмане масс буржуазной партией в французской республике? «...Массы привыкли, рабочие «полюбили» *свою* социал-демократическую партию...»

Вот единственный довод, но ведь это довод, отбрасывающий прочь и науку марксизма, и задачи завтрашнего дня в революции, и объективное положение всемирного социализма, и позорный крах II Интернационала, и порчу практического дела стаями окружающих пролетариев «тоже-социал-демократов».

Это довод рутины, довод спячки, довод косности.

А мы хотим перестроить мир. Мы хотим покончить всемирную империалистскую войну, в которую втянуты сотни миллионов людей, запутаны интересы сотен и сотен миллиардов капитала, которую нельзя кончить истинно демократическим миром без величайшей в истории человечества пролетарской революции.

И мы боимся сами себя. Мы держимся за «привычную», «милую», грязную рубаху...

Пора сбросить грязную рубаху, пора надеть чистое белье.

Петроград. 10 апреля 1917 года.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 31

О КОМПРОМИССАХ

Компромиссом называется в политике уступка некоторых требований, отказ от части своих требований в силу соглашения с другой партией.

Обычное представление обывателей о большевиках, поддерживаемое клевещущей на большевиков печатью, состоит в том, что большевики ни на какие компромиссы не согласны, ни с кем, никогда.

Такое представление лестно для нас, как партии революционного пролетариата, ибо оно доказывает, что даже враги вынуждены признать нашу верность основным принципам социализма и революции. Но надо все же сказать правду: такое представление не соответствует истине. Энгельс был прав, когда в своей критике манифеста бланкистов-коммунистов (1873 г.) высмеивал их заявление: «никаких компромиссов!» [1]. Это фраза, говорил он, ибо компромиссы борющейся партии часто с неизбежностью навязываются обстоятельствами, и нелепо раз навсегда отказаться «принимать уплату долга по частям» [2]. Задача истинно революционной партии не в том, чтобы провозгласить невозможным отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы,* поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему

---

[1] См. *Ф. Энгельс.* «Эмигрантская литература. II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 18, стр. 510—517). *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 22, стр. 458. *Ред.*

делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции.

Пример. Идти на участие в III и IV Думе был компромисс, временный отказ от революционных требований. Но это был абсолютно вынужденный компромисс, ибо соотношение сил исключало для нас, на известное время, массовую революционную борьбу, а для длительной подготовки ее *надо* было уметь работать и *извнутри* такого «хлева». Что такая постановка вопроса большевиками, как партией, оказалась вполне верной, это доказала история.

Теперь на очереди вопрос не о вынужденном, а о добровольном компромиссе.

Наша партия, как и всякая другая политическая партия, стремится к политическому господству *для себя*. Наша цель — диктатура революционного пролетариата. Полгода революции с необыкновенной яркостью, силой и внушительностью подтвердили правильность и неизбежность такого требования в интересах именно *данной* революции, ибо ни демократического мира, ни земли крестьянству, ни полной свободы (вполне демократической республики) получить народу иначе нельзя. Ход событий за полгода нашей революции, борьба классов и партий, развитие кризисов 20—21 апреля, 9—10, 18—19 июня, 3—5 июля, 27—31 августа и доказали, и показали это.

Теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предложить добровольный компромисс — правда, не буржуазии, нашему прямому и главному классовому врагу, а нашим ближайшим противникам, «главенствующим» мелкобуржуазно-демократическим партиям, эсерам и меньшевикам.

Лишь как исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время, мы можем предложить компромисс этим партиям, и мы должны, мне кажется, сделать это.

Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков.

Теперь, и только теперь, может быть *всего в течение нескольких дней* или на одну — две недели, такое

правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение *вперед* всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма.

Только во имя этого мирного развития революции — возможности, *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной, возможности, исключительно редкой, только во имя ее большевики, сторонники всемирной революции, сторонники революционных методов, могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс.

Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве (невозможно для интернационалиста без фактического осуществления условий диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства), отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование. Условием, само собою разумеющимся и не новым для эсеров и меньшевиков, была бы полная свобода агитации и созыва Учредительного собрания без новых оттяжек или даже в более короткий срок.

Меньшевики и эсеры, как правительственный блок, согласились бы (предполагая компромисс осуществленным) составить правительство целиком и исключительно ответственное перед Советами, при передаче в руки Советов всей власти и на местах. В этом бы состояло «новое» условие. Никаких других условий большевики, я думаю, не поставили бы, полагаясь на то, что действительно полная свобода агитации и немедленное осуществление нового демократизма в составлении Советов (перевыборы их) и в функционировании их сами собою обеспечили бы мирное движение революции вперед, *мирное изживание* партийной борьбы внутри Советов.

Может быть это *уже* невозможно? Может быть. Но если есть даже один шанс из ста, то попытка осуществления такой возможности все-таки стоила бы того, чтобы осуществить ее.

Что выиграли бы обе «соглашающиеся» стороны от этого «компромисса», т. е. большевики, с одной, блок эсеров и меньшевиков, с другой стороны? Если *обе* стороны ничего не выигрывают, то компромисс надо признать невозможным, и тогда не к чему говорить о нем.

Как ни труден теперь (после июля и августа, двух месяцев, равняющихся двум десяткам лет «мирного», сонного времени) этот компромисс, мне кажется, есть один маленький шанс на его осуществление, и шанс этот создан решением эсеров и меньшевиков не идти в правительство вместе с кадетами.

Большевики выиграли бы то, что получили бы возможность вполне свободно агитировать за свои взгляды и при условиях действительно полного демократизма добиваться влияния в Советах. На словах «все» признают теперь эту свободу за большевиками. На деле она *невозможна* при буржуазном правительстве или при правительстве с участием буржуазии, при правительстве ином кроме советского. При советском правительстве такая свобода была бы *возможна* (не говорим: наверняка обеспечена, но все же возможна). Из-за такой возможности в такое трудное время следовало бы пойти на компромисс с советским большинством нынешнего дня. *Нам* бояться, при действительной демократии, нечего, ибо жизнь за нас, и даже ход развития течений внутри враждебных нам партий эсеров и меньшевиков подтверждает нашу правоту.

Меньшевики и эсеры выиграли бы то, что получили бы сразу полную возможность осуществить программу *своего* блока, опираясь на заведомо громадное большинство народа и обеспечив себе «мирное» пользование своим большинством в Советах.

Конечно, из этого блока, неоднородного как потому, что он блок, так и потому, что мелкобуржуазная демократия *всегда* менее однородна, чем буржуазия и чем пролетариат, из этого блока раздались бы, вероятно, два голоса.

Один голос сказал бы: нам никак не по пути с большевиками, с революционным пролетариатом. Он все равно потребует чрезмерного и демагогически увлечет крестьянскую бедноту. Он потребует мира и разрыва с союзниками. Это невозможно. Нам ближе и вернее с буржуазией, ведь мы не разошлись с ней, а только *поссорились* ненадолго, и только из-за одного инцидента с Корниловым. Поссорились — помиримся. Притом большевики ровно ничего нам не «уступают», ибо попытки восстания с их стороны все равно так же обречены на поражение, как Коммуна 1871 года.

Другой голос сказал бы: ссылка на Коммуну очень поверхностна и даже глупа. Ибо, во-первых, большевики все же кое-чему научились после 1871 года, они не оставили бы банк не взятым в свои руки, они не отказались бы от наступления на Версаль; а при таких условиях даже Коммуна могла победить. Кроме того, Коммуна не могла предложить народу сразу того, что смогут предложить большевики, если станут властью, именно: землю крестьянам, немедленное предложение мира, настоящий контроль над производством, честный мир с украинцами, финляндцами и проч. У большевиков, вульгарно выражаясь, вдесятеро больше «козырей» в руках, чем у Коммуны. А во-вторых, Коммуна как-никак означает тяжелую гражданскую войну, долгую задержку после этого мирного культурного развития, облегчение операций и проделок всяких Мак-Магонов и Корниловых, а такие операции угрожают всему нашему буржуазному обществу. Разумно ли рисковать Коммуной?

А Коммуна неизбежна в России, если мы не возьмем власть, если дело останется в столь же тяжком положении, как было с 6 мая по 31 августа. Всякий революционный рабочий и солдат неизбежно будет думать о Коммуне, верить в нее, неизбежно сделает попытку осуществить ее, рассуждая: народ гибнет, война, голод, разорение идут все дальше. Только Коммуна спасет. Погибнем, умрем все, но осуществим Коммуну. Такие мысли неизбежны у рабочих, и победить Коммуну теперь не удастся так легко, как в 1871 году. У русской Коммуны будут в 100 раз сильнее союзники во всем мире, чем в 1871 году... Разумно ли нам рисковать Коммуной? Не могу также согласиться с тем, что большевики нам, в сущности, ничего не дают своим компромиссом. Ибо во всех культурных странах культурные министры очень ценят всякое, даже маленькое, соглашение с пролетариатом во время войны. Очень и очень ценят. А ведь это деловые люди, настоящие министры. Большевики же усиливаются довольно быстро, несмотря на репрессии, несмотря на слабость их прессы... Разумно ли нам рисковать Коммуной?

У нас обеспеченное большинство, до пробуждения крестьянской бедноты еще не так близко, на наш век хватит. Чтобы в крестьянской стране большинство пошло за крайними, не верю. А против заведомого большинства,

в действительно демократической республике восстание невозможно. Так сказал бы второй голос.

Пожалуй, найдется и третий голос, из среды каких-нибудь сторонников Мартова или Спиридоновой, который скажет: меня возмущает, «товарищи», что вы оба, рассуждая о Коммуне и ее возможности, без колебаний становитесь на сторону ее противников. Один в одной форме, другой в иной, но оба на стороне тех, кто подавил Коммуну. Я не пойду агитировать за Коммуну, не могу заранее обещать биться в ее рядах, как сделает всякий большевик, но я должен все же сказать, что *если* Коммуна, *вопреки* моим усилиям, вспыхнет, я скорее помогу ее защитникам, чем ее противникам...

Разноголосица в «блоке» большая и неизбежная, ибо в мелкобуржуазной демократии представлена тьма оттенков, от вполне министериабельного вполне буржуа до полунищего, еще не совсем способного перейти на позицию пролетария. И каков будет в каждый данный момент этой разноголосицы результат ее, — никто не знает.

* * *

Предыдущие строки писаны в пятницу, 1-го сентября, и по случайным условиям (при Керенском, скажет история, не все большевики пользовались свободой выбора местожительства) не попали в редакцию в этот же день. А по прочтении субботних и сегодняшних, воскресных газет, я говорю себе: пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли. Керенский уйдет, так или иначе, и *из* партии эсеров и *от* эсеров и укрепится при помощи буржуа *без* эсеров, благодаря их бездействию... Да, по всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, *уже* миновали. Остается послать эти заметки в редакцию с просьбой озаглавить их: «Запоздалые мысли»... иногда, может быть, и с запоздалыми мыслями ознакомиться небезынтересно.

3-го сентября 1917 г.

Написано 1—3 (14—16) сентября 1917 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 34

Из статьи

«УДЕРЖАТ ЛИ БОЛЬШЕВИКИ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ВЛАСТЬ?»

Довод третий: пролетариат «не сможет технически овладеть государственным аппаратом». Это, пожалуй, самый обычный, наиболее ходкий довод. Он заслуживает наибольшего внимания как по этой причине, так и потому, что он указывает на одну из самых *серьезных*, самых *трудных* задач, стоящих перед победоносным пролетариатом. Нет сомнения, что задачи эти очень трудны, но если мы, называя себя социалистами, будем указывать на эту трудность только для того, чтобы *отмахнуться* от выполнения таких задач, то на практике наше отличие от слуг буржуазии сведется к нулю. Трудность задач пролетарской революции должна побудить сторонников пролетариата к более внимательному и конкретному изучению способов выполнения этих задач.

Под государственным аппаратом разумеется прежде всего постоянная армия, полиция и чиновничество. Говоря о том, что пролетариат не сможет технически овладеть этим аппаратом, писатели «Новой Жизни» обнаруживают самое крайнее невежество и нежелание считаться ни с фактами жизни, ни с соображениями, указанными давно в большевистской литературе.

Писатели «Новой Жизни» все считают себя если не марксистами, то знакомыми с марксизмом, образованными социалистами. А Маркс учил, на основании опыта Парижской Коммуны, что пролетариат *не может* просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих целей, что пролетариат должен *разбить* эту машину и заменить ее новой (об этом подробнее я говорю

в брошюре, первый выпуск которой закончен и выходит скоро в свет под заглавием: «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции»). Эта новая государственная машина была создана Парижской Коммуной, и *того же типа* «государственным аппаратом» являются русские Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Написано в конце сентября — 1 (14) октября 1917 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 34

Из произведения

«ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ»

ГЛАВА III

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ 1871 ГОДА. АНАЛИЗ МАРКСА

1. В ЧЕМ ГЕРОИЗМ ПОПЫТКИ КОММУНАРОВ?

Известно, что за несколько месяцев до Коммуны, осенью 1870 года, Маркс предостерегал парижских рабочих, доказывая, что попытка свергнуть правительство была бы глупостью отчаяния[1]. Но когда в марте 1871 года рабочим *навязали* решительный бой и они его приняли, когда восстание стало фактом, Маркс с величайшим восторгом приветствовал пролетарскую революцию, несмотря на плохие предзнаменования. Маркс не уперся на педантском осуждении «несвоевременного» движения, как печально-знаменитый русский ренегат марксизма Плеханов, в ноябре 1905 года писавший в духе поощрения борьбы рабочих и крестьян, а после декабря 1905 года по-либеральному кричавший: «не надо было браться за оружие».

Маркс, однако, не только восторгался героизмом «штурмовавших небо», по его выражению, коммунаров[2]. В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, он видел громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений. Анализировать этот опыт,

---

[1] Имеется в виду «Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне. Членам Международного Товарищества Рабочих в Европе и Соединенных Штатах» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 17, стр. 274—282). *Ред.*

[2] См. письмо К. Маркса Л. Кугельману от 12 апреля 1871 года (см. настоящий сборник, стр. 95). *Ред.*

извлечь из него уроки тактики, пересмотреть на основании его свою теорию — вот как поставил свою задачу Маркс.

Единственная «поправка» к «Коммунистическому Манифесту», которую счел необходимым сделать Маркс, была сделана им на основании революционного опыта парижских коммунаров.

Последнее предисловие к новому немецкому изданию «Коммунистического Манифеста», подписанное обоими его авторами, помечено 24-ым июня 1872 года. В этом предисловии авторы, Карл Маркс и Фридрих Энгельс, говорят, что программа «Коммунистического Манифеста» «теперь местами устарела».

> **«...В особенности, — продолжают они, — Коммуна доказала, что «рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»...»**

Взятые во вторые кавычки слова этой цитаты заимствованы ее авторами из сочинения Маркса: «Гражданская война во Франции».

Итак, один основной и главный урок Парижской Коммуны Маркс и Энгельс считали имеющим такую гигантскую важность, что они внесли его, как существенную поправку к «Коммунистическому Манифесту».

Чрезвычайно характерно, что именно эта существенная поправка была искажена оппортунистами, и смысл ее, наверное, неизвестен девяти десятым, если не девяносто девяти сотым читателей «Коммунистического Манифеста». Подробно об этом искажении мы скажем ниже, в главе, специально посвященной искажениям. Теперь достаточно будет отметить, что ходячее, вульгарное «понимание» приведенного нами знаменитого изречения Маркса состоит в том, будто Маркс подчеркивает здесь идею медленного развития в противоположность захвату власти и тому подобное.

На самом деле *как раз наоборот*. Мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен *разбить, сломать* «готовую государственную машину», а не ограничиваться простым захватом ее.

12-го апреля 1871 года, т. е. как раз во время Коммуны, Маркс писал Кугельману:

«...Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать ее*» (курсив Маркса; в оригинале стоит zerbrechen), «и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей» (стр. 709 в «Neue Zeit», XX, 1, год 1901—1902)[1]. (Письма Маркса к Кугельману вышли по-русски не менее как в двух изданиях, одно из них под моей редакцией и с моим предисловием[2].)

В этих словах: «сломать бюрократически-военную государственную машину» заключается, кратко выраженный, главный урок марксизма по вопросу о задачах пролетариата в революции по отношению к государству. И именно этот урок не только совершенно забыт, но и прямо извращен господствующим, каутскианским, «толкованием» марксизма!

Что касается до ссылки Маркса на «18-ое брюмера», то мы привели выше полностью соответствующее место.

Интересно отметить особо два места в приведенном рассуждении Маркса. Во-первых, он ограничивает свой вывод континентом. Это было понятно в 1871 году, когда Англия была еще образцом страны чисто капиталистической, но без военщины и в значительной степени без бюрократии. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной *без* предварительного условия разрушения «готовой государственной машины».

Теперь, в 1917 году, в эпоху первой великой империалистской войны, это ограничение Маркса отпадает. И Англия и Америка, крупнейшие и последние — во всем мире — представители англо-саксонской «свободы» в смысле отсутствия военщины и бюрократизма, скатились вполне в общеевропейское грязное, кровавое болото бюрократически-военных учреждений, все себе подчиняющих,

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 94. *Ред.*
[2] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 371—379. *Ред.*

все собой подавляющих. Теперь и в Англии и в Америкѣ «предварительным условием всякой действительно народной революции» является *ломка, разрушение* «готовой» (изготовленной там в 1914—1917 годах до «европейского», общеимпериалистского, совершенства) «государственной машины».

Во-вторых, особенного внимания заслуживает чрезвычайно глубокое замечание Маркса, что разрушение бюрократически-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительной *народной* революции». Это понятие «народной» революции кажется странным в устах Маркса, и русские плехановцы и меньшевики, эти последователи Струве, желающие считаться марксистами, могли бы, пожалуй, объявить такое выражение у Маркса «обмолвкой». Они свели марксизм к такому убого-либеральному извращению, что кроме противоположения буржуазной и пролетарской революции для них ничего не существует, да и это противоположение понимается ими донельзя мертвенно.

Если взять для примера революции XX века, то и португальскую и турецкую придется, конечно, признать буржуазной. Но «народной» ни та, ни другая не является, ибо масса народа, громадное большинство его активно, самостоятельно, со своими собственными экономическими и политическими требованиями, ни в той, ни в другой революции заметно не выступают. Напротив, русская буржуазная революция 1905—1907 годов, хотя в ней не было таких «блестящих» успехов, которые выпадали временами на долю португальской и турецкой, была, несомненно, «действительной народной» революцией, ибо масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток посвоему построить новое общество, на место разрушаемого старого.

В Европе 1871 года на континенте ни в одной стране пролетариат не составлял большинства народа. «Народная» революция, втягивающая в движение действительно большинство, могла быть таковою, лишь охватывая и пролетариат и крестьянство. Оба класса и составляли тогда «народ». Оба класса объединены тем, что «бюрократически-военная государственная машина» гнетет, давит,

эксплуатирует их. *Разбить* эту машину, *сломать* ее — таков действительный интерес «народа», большинства его, рабочих и большинства крестьян, таково «предварительное условие» свободного союза беднейших крестьян с пролетариями, а без такого союза непрочна демократия и невозможно социалистическое преобразование.

К такому союзу, как известно, и пробивала себе дорогу Парижская Коммуна, не достигшая цели в силу ряда причин внутреннего и внешнего характера.

Следовательно, говоря о «действительно народной революции», Маркс, нисколько не забывая особенностей мелкой буржуазии (о них он говорил много и часто), строжайше учитывал фактическое соотношение классов в большинстве континентальных государств Европы в 1871 году. А с другой стороны, он констатировал, что «разбитие» государственной машины требуется интересами и рабочих и крестьян, объединяет их, ставит перед ними общую задачу устранения «паразита» и замены его чем-либо новым.

Чем же именно?

2. ЧЕМ ЗАМЕНИТЬ РАЗБИТУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ МАШИНУ?

На этот вопрос в 1847 году, в «Коммунистическом Манифесте», Маркс давал ответ еще совершенно абстрактный, вернее, указывающий задачи, но не способы их разрешения. Заменить «организацией пролетариата в господствующий класс», «завоеванием демократии» — таков был ответ «Коммунистического Манифеста» [1].

Не вдаваясь в утопии, Маркс от *опыта* массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным «завоеванием демократии».

Опыт Коммуны, как бы он ни был мал, Маркс подвергает в «Гражданской войне во Франции» самому внимательному анализу. Приведем важнейшие места из этого сочинения:

---

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 4, стр. 446. *Ред.*

В XIX веке развилась происходящая от средних веков «централизованная государственная власть с ее вездесущими органами: постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством, судейским сословием». С развитием классового антагонизма между капиталом и трудом «государственная власть принимала все более и более характер общественной власти для угнетения труда, характер машины классового господства. После каждой революции, означающей известный шаг вперед классовой борьбы, чисто угнетательский характер государственной власти выступает наружу все более и более открыто». Государственная власть после революции 1848—1849 гг. становится «национальным орудием войны капитала против труда». Вторая империя закрепляет это.

«Прямой противоположностью империи была Коммуна». «Она была определенной формой» «такой республики, которая должна была устранить не только монархическую форму классового господства, но и самое классовое господство...»

В чем именно состояла эта «определенная» форма пролетарской, социалистической республики? Каково было государство, которое она начала создавать?

«...Первым декретом Коммуны было уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом...»

Это требование стоит теперь в программах всех, желающих называться социалистическими, партий. Но чего стóят их программы, лучше всего видно из поведения наших эсеров и меньшевиков, на деле отказавшихся как раз после революции 27 февраля от проведения в жизнь этого требования!

«...Коммуна образовалась из выбранных всеобщим избирательным правом по различным округам Парижа городских гласных. Они были ответственны и в любое время сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или признанных представителей рабочего класса...

...Полиция, до сих пор бывшая орудием государственного правительства, была немедленно лишена всех своих политических функций и превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время... То же самое — чиновники всех остальных отраслей управления... Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за *заработную плату рабочего*. Всякие привилегии и выдача денег на представительство высшим государственным чинам исчезли вместе с этими чинами... По устранении постоянного войска и полиции, этих орудий материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно взялась за то, чтобы сломать орудие духовного угнетения, силу попов... Судейские чины потеряли свою кажущуюся независимость... они должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми...» [1]

Итак, разбитую государственную машину Коммуна заменила как будто бы «только» более полной демократией: уничтожение постоянной армии, полная выборность и сменяемость всех должностных лиц. Но на самом деле это «только» означает гигантскую замену одних учреждений учреждениями принципиально иного рода. Здесь наблюдается как раз один из случаев «превращения количества в качество»: демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (= особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что̀ уже не есть собственно государство.

Подавлять буржуазию и ее сопротивление все еще необходимо. Для Коммуны это было особенно необходимо, и одна из причин ее поражения состоит в том, что она недостаточно решительно это делала. Но подавляющим органом является здесь уже большинство населения, а не меньшинство, как бывало всегда и при рабстве, и при крепостничестве, и при наемном рабстве. А раз большинство народа *само* подавляет своих угнетателей, то «особой силы» для подавления *уже не нужно!* В этом

[1] См. настоящий сборник, стр. 34, 35. *Ред.*

смысле государство *начинает отмирать*. Вместо особых учреждений привилегированного меньшинства (привилегированное чиновничество, начальство постоянной армии), само большинство может непосредственно выполнять это, а чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти.

Особенно замечательна в этом отношении подчеркиваемая Марксом мера Коммуны: отмена всяких выдач денег на представительство, всяких денежных привилегий чиновникам, сведение платы *всем* должностным лицам в государстве до уровня *«заработной платы рабочего»*. Тут как раз всего нагляднее сказывается *перелом* — от демократии буржуазной к демократии пролетарской, от демократии угнетательской к демократии угнетенных классов, от государства, как *«особой силы»* для подавления определенного класса, к подавлению угнетателей *всеобщей силой* большинства народа, рабочих и крестьян. И именно на этом, особенно наглядном — по вопросу о государстве, пожалуй, наиболее важном пункте уроки Маркса наиболее забыты! В популярных комментариях — им же несть числа — об этом не говорят. «Принято» об этом умалчивать, точно о «наивности», отжившей свое время, — вроде того как христиане, получив положение государственной религии, «забыли» о «наивностях» первоначального христианства с его демократически-революционным духом.

Понижение платы высшим государственным чиновникам кажется «просто» требованием наивного, примитивного демократизма. Один из «основателей» новейшего оппортунизма, бывший социал-демократ Эд. Бернштейн не раз упражнялся в повторении пошлых буржуазных насмешечек над «примитивным» демократизмом. Как и все оппортунисты, как и теперешние каутскианцы, он совершенно не понял того, что, во-первых, переход от капитализма к социализму *невозможен* без известного «возврата» к «примитивному» демократизму (ибо иначе как же перейти к выполнению государственных функций большинством населения и поголовно всем населением?), а во-вторых, что «примитивный демократизм» на базе капитализма и капиталистической культуры — не то, чтò примитивный демократизм в первобытные или в докапиталистические времена. Капиталистическая культура

создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а *на этой базе* громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного».

Полная выборность, сменяемость *в любое время* всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т. е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность.

> «Коммуна, — писал Маркс, — сделала правдой лозунг всех буржуазных революций, дешевое правительство, уничтожив две самые крупные статьи расходов, армию и чиновничество» [1].

Из крестьянства, как и из других слоев мелкой буржуазии, лишь ничтожное меньшинство «поднимается вверх», «выходит в люди» в буржуазном смысле, т. е. превращается либо в зажиточных людей, в буржуа, либо в обеспеченных и привилегированных чиновников. Громадное большинство крестьянства во всякой капиталистической стране, где только есть крестьянство (а таких капиталистических стран большинство), угнетено правительством и жаждет свержения его, жаждет «дешевого» правительства. Осуществить это может *только* пролетариат, и, осуществляя это, он делает вместе с тем шаг к социалистическому переустройству государства.

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 38. *Ред.*

«Коммуна, — писал Маркс, — должна была быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы...

...Вместо того, чтобы один раз в три или в шесть лет решать, какой член господствующего класса должен представлять и подавлять (ver- und zertreten) народ в парламенте, вместо этого всеобщее избирательное право должно было служить народу, организованному в коммуны, для того, чтобы подыскивать для своего предприятия рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров, как индивидуальное избирательное право служит для этой цели всякому другому работодателю» [1].

Эта замечательная критика парламентаризма, данная в 1871 году, тоже принадлежит теперь, благодаря господству социал-шовинизма и оппортунизма, к числу «забытых слов» марксизма. Министры и парламентарии по профессии, изменники пролетариату и «деляческие» социалисты наших дней предоставили критику парламентаризма всецело анархистам и на этом удивительно-разумном основании объявили *всякую* критику парламентаризма «анархизмом»!! Ничего нет странного, что пролетариат «передовых» парламентских стран, испытывая омерзение при виде таких «социалистов», как Шейдеманы, Давиды, Легины, Самба, Ренодели, Гендерсоны, Вандервельды, Стаунинги, Брантинги, Биссолати и К°, все чаще отдавал свои симпатии анархо-синдикализму, несмотря на то, что это был родной брат оппортунизма.

Но для Маркса революционная диалектика никогда не была той пустой модной фразой, побрякушкой, которой сделали ее Плеханов, Каутский и пр. Маркс умел беспощадно рвать с анархизмом за неумение использовать даже «хлев» буржуазного парламентаризма, особенно когда заведомо нет налицо революционной ситуации, — но в то же время он умел и давать действительно революционно-пролетарскую критику парламентаризма.

Раз в несколько лет решать, какой член господствующего класса будет подавлять, раздавлять народ в

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 34, 36. *Ред.*

парламенте, — вот в чем настоящая суть буржуазного парламентаризма, не только в парламентарно-конституционных монархиях, но и в самых демократических республиках.

Но если ставить вопрос о государстве, если рассматривать парламентаризм, как одно из учреждений государства, с точки зрения задач пролетариата в *этой* области, то где же выход из парламентаризма? как же можно обойтись без него?

Опять и опять приходится сказать: уроки Маркса, основанные на изучении Коммуны, настолько забыты, что современному «социал-демократу» (читай: современному предателю социализма) прямо-таки непонятна иная критика парламентаризма, кроме анархической или реакционной.

Выход из парламентаризма, конечно, не в уничтожении представительных учреждений и выборности, а в превращении представительных учреждений из говорилен в «работающие» учреждения. «Коммуна должна была быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы».

«Не парламентское, а работающее» учреждение, это сказано не в бровь, а в глаз современным парламентариям и парламентским «комнатным собачкам» социал-демократии! Посмотрите на любую парламентскую страну, от Америки до Швейцарии, от Франции до Англии, Норвегии и проч.: настоящую «государственную» работу делают за кулисами и выполняют департаменты, канцелярии, штабы. В парламентах только болтают со специальной целью надувать «простонародье». Это до такой степени верно, что даже в русской республике, буржуазно-демократической республике, раньше чем она успела создать настоящий парламент, сказались уже тотчас все эти грехи парламентаризма. Такие герои гнилого мещанства, как Скобелевы и Церетели, Черновы и Авксентьевы, сумели и Советы испоганить по типу гнуснейшего буржуазного парламентаризма, превратив их в пустые говорильни. В Советах господа «социалистические» министры надувают доверчивых мужичков фразерством и резолюциями. В правительстве идет перманентный кадриль, с одной стороны, чтобы по очереди сажать «к пирогу» доходных и почетных местечек побольше эсеров и мень-

шевиков, с другой стороны, чтобы «занять внимание» народа. А в канцеляриях, в штабах «работают» «государственную» работу!

«Дело Народа», орган правящей партии «социалистов-революционеров», недавно в редакционной передовице признался, — с бесподобной откровенностью людей из «хорошего общества», в котором «все» занимаются политической проституцией, — что даже в тех министерствах, кои принадлежат «социалистам» (извините за выражение!), даже в них весь чиновничий аппарат остается в сущности старым, функционирует по-старому, саботирует революционные начинания вполне «свободно»! Да если бы не было этого признания, разве фактическая история участия эсеров и меньшевиков в правительстве не доказывает этого? Характерно тут только то, что, находясь в министерском обществе с кадетами, господа Черновы, Русановы, Зензиновы и прочие редакторы «Дела Народа» настолько потеряли стыд, что не стесняются публично, как о пустячке, рассказывать, не краснея, что «у них» в министерствах все по-старому!! Революционно-демократическая фраза — для одурачения деревенских Иванушек, а чиновничья канцелярская волокита для «ублаготворения» капиталистов — вот вам *суть* «честной» коалиции.

Продажный и прогнивший парламентаризм буржуазного общества Коммуна заменяет учреждениями, в коих свобода суждения и обсуждения не вырождается в обман, ибо парламентарии должны сами работать, сами исполнять свои законы, сами проверять то, что получается в жизни, сами отвечать непосредственно перед своими избирателями. Представительные учреждения остаются, но парламентаризма, как особой системы, как разделения труда законодательного и исполнительного, как привилегированного положения для депутатов, здесь *нет*. Без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии, даже и пролетарской демократии, без парламентаризма можем и *должны*, если критика буржуазного общества для нас не пустые слова, если стремление свергнуть господство буржуазии есть наше серьезное и искреннее стремление, а не «избирательная» фраза для уловления голосов рабочих, как у меньшевиков и эсеров, как у Шейдеманов и Легинов, Самба и Вандервельдов.

Крайне поучительно, что, говоря о функциях *того* чиновничества, которое нужно и Коммуне, и пролетарской демократии, Маркс берет для сравнения служащих «всякого другого работодателя», т. е. обычное капиталистическое предприятие с «рабочими, надсмотрщиками и бухгалтерами».

У Маркса нет и капельки утопизма в том смысле, чтобы он сочинял, сфантазировал «новое» общество. Нет, он изучает, как естественноисторический процесс, *рождение* нового общества *из* старого, переходные формы от второго к первому. Он берет фактический опыт массового пролетарского движения и старается извлечь из него практические уроки. Он «учится» у Коммуны, как все великие революционные мыслители не боялись учиться у опыта великих движений угнетенного класса, никогда не относясь к ним с педантскими «нравоучениями» (вроде плехановского: «не надо было браться за оружие» или церетелевского: «класс должен самоограничиваться»).

Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это — утопия. Но *разбить* сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую постепенно сводить на нет всякое чиновничество, это *не* утопия, это — опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата.

Капитализм упрощает функции «государственного» управления, позволяет отбросить «начальствование» и свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей «рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров».

Мы не утописты. Мы не «мечтаем» о том, как бы *сразу* обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся — пролетариату. Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать

заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего».

Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, *сами* мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней) — вот *наша*, пролетарская задача, вот с чего можно и должно *начать* при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному «отмиранию» всякого чиновничества, к постепенному созданию такого порядка, — порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство, — такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надсмотра и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как *особые* функции особого слоя людей.

Один остроумный немецкий социал-демократ семидесятых годов прошлого века назвал *почту* образцом социалистического хозяйства. Это очень верно. Теперь почта есть хозяйство, организованное по типу государственно-*капиталистической* монополии. Империализм постепенно превращает все тресты в организации подобного типа. Над «простыми» трудящимися, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же буржуазная бюрократия. Но механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства — и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая работу *всех* их, как и *всех* вообще «государственных» чиновников, заработной платой рабочего. Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплуатации,

учитывающая опыт, практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной.

Все народное хозяйство, организованное как почта, с тем, чтобы техники, надсмотрщики, бухгалтеры, как и *все* должностные лица, получали жалованье не выше «заработной платы рабочего», под контролем и руководством вооруженного пролетариата — вот наша ближайшая цель. Вот какое государство, вот на какой экономической основе, нам необходимо. Вот что даст уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений, вот что избавит трудящиеся классы от проституирования этих учреждений буржуазией.

4. ОРГАНИЗАЦИЯ ЕДИНСТВА НАЦИИ

«...В том коротком очерке национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать дальше, говорится вполне определенно, что Коммуна должна была... стать политической формой даже самой маленькой деревни»... От коммун выбиралась бы и «национальная делегация» в Париже.

«...Немногие, но очень важные функции, которые остались бы тогда еще за центральным правительством, не должны были быть отменены, — такое утверждение было сознательным подлогом, — а должны были быть переданы коммунальным, т. е. строго ответственным, чиновникам...

...Единство нации подлежало не уничтожению, а, напротив, организации посредством коммунального устройства. Единство нации должно было стать действительностью посредством уничтожения той государственной власти, которая выдавала себя за воплощение этого единства, но хотела быть независимой от нации, над нею стоящей. На деле эта государственная власть была лишь паразитическим наростом на теле нации... Задача состояла в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, ее же правомерные функции отнять у такой власти, которая претендует на то, чтобы стоять над обществом, и передать ответственным слугам общества» [1].

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 35—36. *Ред.*

До какой степени не поняли — может быть, вернее будет сказать: не захотели понять — оппортунисты современной социал-демократии эти рассуждения Маркса, лучше всего показывает геростратовски-знаменитая книга ренегата Бернштейна: «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Именно по поводу приведенных слов Маркса Бернштейн писал, что эта программа «по своему политическому содержанию обнаруживает во всех существенных чертах величайшее сходство с федерализмом — Прудона... При всех прочих расхождениях между Марксом и «мелким буржуа» Прудоном (Бернштейн ставит слова «мелкий буржуа» в кавычки, которые должны быть, по его мнению, ироническими) в этих пунктах ход мысли у них настолько близок, как только возможно». Конечно, продолжает Бернштейн, значение муниципалитетов растет, но «мне кажется сомнительным, чтобы первой задачей демократии было такое упразднение (Auflösung — буквально: распущение, растворение) современных государств и такое полное изменение (Umwandlung — переворот) их организации, как представляют себе Маркс и Прудон — образование национального собрания из делегатов от провинциальных или областных собраний, которые, в свою очередь, составлялись бы из делегатов от коммун, — так что вся прежняя форма национальных представительств исчезла бы совершенно» (Бернштейн, «Предпосылки», стр. 134 и 136 немецкого издания 1899 года).

Это прямо чудовищно: смешать взгляды Маркса на «уничтожение государственной власти — паразита» с федерализмом Прудона! Но это не случайно, ибо оппортунисту и в голову не приходит, что Маркс говорит здесь вовсе не о федерализме в противовес централизму, а о разбитии старой, буржуазной, во всех буржуазных странах существующей государственной машины.

Оппортунисту приходит в голову только то, что̀ он видит вокруг себя, в среде мещанской обывательщины и «реформистского» застоя, именно только «муниципалитеты»! О революции пролетариата оппортунист разучился и думать.

Это смешно. Но замечательно, что в этом пункте с Бернштейном не спорили. Бернштейна многие опровергали — особенно Плеханов в русской литературе, Каут-

ский в европейской, но ни тот, ни другой об *этом* извращении Маркса Бернштейном *не* говорили.

Оппортунист настолько разучился мыслить революционно и размышлять о революции, что он приписывает «федерализм» Марксу, смешивая его с основателем анархизма Прудоном. А желающие быть ортодоксальными марксистами, отстоять учение революционного марксизма Каутский и Плеханов об этом молчат! Здесь лежит один из корней того крайнего опошления взглядов на разницу между марксизмом и анархизмом, которое свойственно и каутскианцам и оппортунистам и о котором нам еще придется говорить.

Федерализма в приведенных рассуждениях Маркса об опыте Коммуны нет и следа. Маркс сходится с Прудоном как раз в том, чего не видит оппортунист Бернштейн. Маркс расходится с Прудоном как раз в том, в чем Бернштейн видит их сходство.

Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за «разбитие» современной государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте.

Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной государственной машины за уничтожение централизма!

Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и *объединят* действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее *всей* нации, всему обществу, разве это не будет централизм? разве это не будет самый последовательный демократический централизм? и притом пролетарский централизм?

Бернштейну просто не может прийти в голову, что возможен добровольный централизм, добровольное объединение коммун в нацию, добровольное слияние пролетар-

ских коммун в деле разрушения буржуазного господства и буржуазной государственной машины. Бернштейну, как всякому филистеру, централизм рисуется, как нечто только сверху, только чиновничеством и военщиной могущее быть навязанным и сохраненным.

Маркс нарочно, как бы предвидя возможность извращения его взглядов, подчеркивает, что сознательным подлогом являются обвинения Коммуны в том, будто она хотела уничтожить единство нации, отменить центральную власть. Маркс нарочно употребляет выражение «организовать единство нации», чтобы противопоставить сознательный, демократический, пролетарский централизм буржуазному, военному, чиновничьему.

Но... хуже всякого глухого, кто не хочет слушать. А оппортунистам современной социал-демократии именно не хочется слушать об уничтожении государственной власти, об отсечении паразита.

5. УНИЧТОЖЕНИЕ ПАРАЗИТА — ГОСУДАРСТВА

Мы привели уже соответствующие слова Маркса и должны дополнить их.

> «...Обычной судьбой нового исторического творчества, — писал Маркс, — является то, что его принимают за подобие старых и даже отживших форм общественной жизни, на которые новые учреждения сколько-нибудь похожи. Так и эта новая Коммуна, которая ломает (bricht — разбивает) современную государственную власть, была рассматриваема, как воскрешение средневековой коммуны... как союз мелких государств (Монтескье, жирондисты)... как преувеличенная форма старой борьбы против чрезмерной централизации...
>
> ...Коммунальное устройство вернуло бы общественному телу все те силы, которые до сих пор пожирал этот паразитический нарост «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное движение. Одним уже этим было бы двинуто вперед возрождение Франции...
>
> ...Коммунальное устройство привело бы сельских производителей под духовное руководство главных городов каждой области и обеспечило бы им там, в лице городских рабочих, естественных представителей их интересов. Самое уже существование

Коммуны вело за собой, как нечто само собою разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней»[1].

«Уничтожение государственной власти», которая была «паразитическим наростом», «отсечение» ее, «разрушение» ее; «государственная власть делается теперь излишней» — вот в каких выражениях говорил Маркс о государстве, оценивая и анализируя опыт Коммуны.

Все это писано было без малого полвека тому назад, а теперь приходится точно раскопки производить, чтобы до сознания широких масс довести неизвращенный марксизм. Выводы, сделанные из наблюдений над последней великой революцией, которую пережил Маркс, забыли как раз тогда, когда подошла пора следующих великих революций пролетариата.

> «...Разнообразие истолкований, которые вызвала Коммуна, и разнообразие интересов, нашедших в ней свое выражение, доказывают, что она была в высшей степени гибкой политической формой, между тем как все прежние формы правительства были, по существу своему, угнетательскими. Ее настоящей тайной было вот что: она была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего, она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда...
>
> Без этого последнего условия коммунальное устройство было бы невозможностью и обманом...»[2].

Утописты занимались «открыванием» политических форм, при которых должно бы произойти социалистическое переустройство общества. Анархисты отмахивались от вопроса о политических формах вообще. Оппортунисты современной социал-демократии приняли буржуазные политические формы парламентарного демократического государства за предел, его же не прейдеши, и разбивали себе лоб, молясь на этот «образец», объявляли анархизмом всякое стремление *сломать* эти формы.

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 36—37. *Ред.*

[2] См. настоящий сборник, стр. 38. *Ред.*

Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (переходом от государства к негосударству) будет «организованный в господствующий класс пролетариат». Но *открывать* политические *формы* этого будущего Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением французской истории, анализом ее и заключением, к которому приводил 1851 год: дело подходит к *разрушению* буржуазной государственной машины.

И когда массовое революционное движение пролетариата разразилось, Маркс, несмотря на неудачу этого движения, несмотря на его кратковременность и бьющую в глаза слабость, стал изучать, какие формы *открыло* оно.

Коммуна — «открытая наконец» пролетарской революцией форма, при которой может произойти экономическое освобождение труда.

Коммуна — первая попытка пролетарской революции *разбить* буржуазную государственную машину и «открытая наконец» политическая форма, которою можно и должно *заменить* разбитое.

Мы увидим в дальнейшем изложении, что русские революции 1905 и 1917 годов, в иной обстановке, при иных условиях, продолжают дело Коммуны и подтверждают гениальный исторический анализ Маркса.

ГЛАВА IV

ПРОДОЛЖЕНИЕ. ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОЯСНЕНИЯ ЭНГЕЛЬСА

Маркс дал основное по вопросу о значении опыта Коммуны. Энгельс неоднократно возвращался к этой же теме, поясняя анализ и заключения Маркса, иногда с такой силой и рельефностью освещая *другие* стороны вопроса, что на этих пояснениях необходимо особо остановиться.

1. «ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС»

В своем сочинении о жилищном вопросе (1872 г.) [1] Энгельс учитывает уже опыт Коммуны, останавливаясь несколько раз на задачах революции по отношению к го-

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 18, стр. 203—284. *Ред.*

сударству. Интересно, что на конкретной теме выясняются наглядно, с одной стороны, черты сходства пролетарского государства с теперешним государством, — черты, дающие основание в обоих случаях говорить о государстве, — а с другой стороны, черты различия или переход к уничтожению государства.

«Как разрешить жилищный вопрос? В современном обществе он решается совершенно так же, как всякий другой общественный вопрос: постепенным экономическим выравниванием спроса и предложения, а это такое решение, которое постоянно само порождает вопрос заново, т. е. не дает никакого решения. Как решит этот вопрос социальная революция, это зависит не только от обстоятельств времени и места, это связано также с вопросами, идущими гораздо дальше, среди которых один из важнейших — вопрос об уничтожении противоположности между городом и деревней. Так как мы не занимаемся сочинением утопических систем устройства будущего общества, то было бы более чем праздным делом останавливаться на этом. Несомненно одно, — именно, что уже теперь в больших городах достаточно жилых зданий, чтобы тотчас помочь действительной *нужде* в жилищах при разумном использовании этих зданий. Это осуществимо, разумеется, лишь посредством экспроприации теперешних владельцев и посредством поселения в этих домах бездомных рабочих или рабочих, живущих теперь в слишком перенаселенных квартирах. И как только пролетариат завоюет политическую власть, подобная мера, предписываемая интересами общественной пользы, будет столь же легко выполнима, как и прочие экспроприации и занятия квартир современным государством» (стр. 22 нем. издания 1887 года) [1].

Здесь изменение формы государственной власти не рассматривается, а берется только содержание ее деятельности. Экспроприации и занятия квартир происходят и по распоряжению теперешнего государства. Пролетарское государство, с формальной стороны дела, тоже «рас-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 221. *Ред.*

порядится» занять квартиры и экспроприировать дома. Но ясно, что старый исполнительный аппарат, чиновничество, связанное с буржуазией, был бы просто непригоден для проведения в жизнь распоряжений пролетарского государства.

«...Необходимо констатировать, что фактическое овладение всеми орудиями труда, всей индустрией со стороны трудящегося народа является прямой противоположностью прудонистского «выкупа». При последнем отдельный рабочий становится собственником жилища, крестьянского участка земли, орудий труда; при первом же совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда остается «трудящийся народ». Пользование этими домами, фабриками и прочим едва ли будет предоставляться, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение поземельной собственности не предполагает уничтожения поземельной ренты, а передачу ее, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое овладение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно, никоим образом сохранения найма и сдачи в наем» (стр. 68) [1].

Вопрос, затронутый в этом рассуждении, именно: об экономических основаниях отмирания государства, мы рассмотрим в следующей главе. Энгельс выражается крайне осторожно, говоря, что пролетарское государство «едва ли» без платы будет раздавать квартиры, «по крайней мере, в переходное время». Сдача квартир, принадлежащих всему народу, отдельным семьям за плату предполагает и взимание этой платы, и известный контроль, и ту или иную нормировку распределения квартир. Все это требует известной формы государства, но вовсе не требует особого военного и бюрократического аппарата с особо привилегированным положением должностных лиц. А переход к такому положению дел, когда можно будет бесплатно отдавать квартиры, связан с полным «отмиранием» государства.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2. т. 18, стр. 278. *Ред.*

Говоря о переходе бланкистов[1], после Коммуны и под влиянием ее опыта, на принципиальную позицию марксизма, Энгельс мимоходом формулирует эту позицию следующим образом:

> «...Необходимость политического действия пролетариата и его диктатуры, как переход к отмене классов, а вместе с ними и государства...» (стр. 55)[2].

Какие-нибудь любители буквенной критики или буржуазные «истребители марксизма» усмотрят, пожалуй, противоречие между этим *признанием* «отмены государства» и отрицанием такой формулы, как анархистской, в приведенном выше месте «Анти-Дюринга». Было бы не удивительно, если бы оппортунисты и Энгельса зачислили в «анархисты», — теперь все распространеннее становится со стороны социал-шовинистов обвинение интернационалистов в анархизме.

Что вместе с отменой классов произойдет и отмена государства, этому марксизм учил всегда. Общеизвестное место об «отмирании государства» в «Анти-Дюринге» обвиняет анархистов не просто в том, что они стоят за отмену государства, а в том, что они проповедуют, будто возможно отменить государство «с сегодня на завтра».

Ввиду полного искажения господствующей ныне «социал-демократической» доктриной отношения марксизма к анархизму по вопросу об уничтожении государства, особенно полезно напомнить одну полемику Маркса и Энгельса с анархистами.

---

[1] Бланкисты — сторонники течения во французском социалистическом движении, возглавлявшегося выдающимся революционером, видным представителем французского утопического коммунизма — Луи Огюстом Бланки (1805—1881). Бланкисты ожидали «избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 76). Подменяя деятельность революционной партии выступлениями тайной кучки заговорщиков, они не учитывали конкретной обстановки, необходимой для победы восстания, и пренебрегали связью с массами. *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 18, стр. 262. *Ред.*

Эта полемика относится к 1873 году. Маркс и Энгельс дали статьи против прудонистов[1], «автономистов» или «антиавторитаристов», в итальянский социалистический сборник, и только в 1913 году эти статьи появились в немецком переводе в «Neue Zeit»[2].

> «...Если политическая борьба рабочего класса, — писал Маркс, высмеивая анархистов с их отрицанием политики,— принимает революционные формы, если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру, то они совершают ужасное преступление оскорбления принципов, ибо для удовлетворения своих жалких, грубых потребностей дня, для того, чтобы сломать сопротивление буржуазии, рабочие придают государству революционную и преходящую форму, вместо того, чтобы сложить оружие и отменить государство...» («Neue Zeit», 1913—1914, год 32, т. 1, стр. 40)[3].

Вот против какой «отмены» государства восставал исключительно Маркс, опровергая анархистов! Совсем не против того, что государство исчезнет с исчезновением классов или будет отменено с их отменой, а против того, чтобы рабочие отказались от употребления оружия, от организованного насилия, *то есть от государства*, долженствующего служить цели: «сломить сопротивление буржуазии».

Маркс нарочно подчеркивает — чтобы не исказили истинный смысл его борьбы с анархизмом — «револю-

---

[1] Прудонисты — сторонники антинаучного враждебного марксизму течения мелкобуржуазного социализма, названного по имени его идеолога французского анархиста Прудона. Критикуя крупную капиталистическую собственность с мелкобуржуазных позиций, Прудон мечтал увековечить мелкую частную собственность. Решительная борьба Маркса, Энгельса и их сторонников с прудонизмом в I Интернационале окончилась полной победой марксизма над прудонизмом. *Ред.*

[2] Имеются в виду статья К. Маркса «Политический индифферентизм» и статья Ф. Энгельса «Об авторитете», опубликованные в декабре 1873 года в итальянском сборнике «Almanacco Repubblicano per l'anno 1874» («Республиканский Альманах на 1874 год») и затем в немецком переводе в 1913 году в журнале «Die Neue Zeit» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 18, стр. 296—301, 302—305). *Ред.*

[3] *К. Маркс.* «Политический индифферентизм» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 18, стр. 297). *Ред.*

ционную и *преходящую* форму» государства, необходимого для пролетариата. Пролетариату только на время нужно государство. Мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства, как *цели*. Мы утверждаем, что для достижения этой цели необходимо временное использование орудий, средств, приемов государственной власти *против* эксплуататоров, как для уничтожения классов необходима временная диктатура угнетенного класса. Маркс выбирает самую резкую и самую ясную постановку вопроса против анархистов: свергая иго капиталистов, должны ли рабочие «сложить оружие» или использовать его против капиталистов, для того чтобы сломить их сопротивление? А систематическое использование оружия одним классом против другого класса, что это такое, как не «преходящая форма» государства?

Пусть каждый социал-демократ спросит себя: *так* ли ставил он вопрос о государстве в полемике с анархистами? *так* ли ставило этот вопрос огромное большинство официальных социалистических партий второго Интернационала?

Энгельс еще гораздо подробнее и популярнее излагает те же мысли. Он высмеивает прежде всего путаницу мысли у прудонистов, которые звали себя «антиавторитаристами», т. е. отрицали всякий авторитет, всякое подчинение, всякую власть. Возьмите фабрику, железную дорогу, судно в открытом море — говорит Энгельс — разве не ясно, что без известного подчинения, следовательно, без известного авторитета или власти невозможно функционирование ни одного из этих сложных технических заведений, основанных на применении машин и планомерном сотрудничестве многих лиц?

> «...Если я выдвигаю эти аргументы, — пишет Энгельс, — против самых отчаянных антиавторитаристов, то они могут дать мне лишь следующий ответ: «Да! это правда, но дело идет здесь не об авторитете, которым мы наделяем наших делегатов, *а об известном поручении*». Эти люди думают, что мы можем изменить известную вещь, если мы изменим ее имя...» [1]

---

[1] *Ф. Энгельс*. «Об авторитете» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 304). *Ред.*

Показав таким образом, что авторитет и автономия — понятия относительные, что область применения их меняется с различными фазами общественного развития, что за абсолюты принимать их нелепо, добавив, что область применения машин и крупного производства все расширяется, Энгельс переходит от общих рассуждений об авторитете к вопросу о государстве.

«...Если бы автономисты, — пишет он, — хотели сказать только, что социальная организация будущего будет допускать авторитет лишь в тех границах, которые с неизбежностью предписываются условиями производства, тогда с ними можно было бы столковаться. Но они слепы по отношению ко всем фактам, которые делают необходимым авторитет, и они борются страстно против слова.

Почему антиавторитаристы не ограничиваются тем, чтобы кричать против политического авторитета, против государства? Все социалисты согласны в том, что государство, а вместе с ним и политический авторитет исчезнут вследствие будущей социальной революции, то есть что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, наблюдающие за социальными интересами. Но антиавторитаристы требуют, чтобы политическое государство было отменено одним ударом, еще раньше, чем будут отменены те социальные отношения, которые породили его. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета.

Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного

дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом? Итак: или — или. Или антиавторитаристы не знают сами, что они говорят, и в этом случае они сеют лишь путаницу. Или они это знают, и в этом случае они изменяют делу пролетариата. В обоих случаях они служат только реакции» (стр. 39) [1].

В этом рассуждении затронуты вопросы, которые следует рассмотреть в связи с темой о соотношении политики и экономики при отмирании государства (этой теме посвящена следующая глава). Таковы вопросы о превращении общественных функций из политических в простые административные и о «политическом государстве». Это последнее выражение, в особенности способное вызвать недоразумения, указывает на процесс отмирания государства: отмирающее государство на известной ступени его отмирания можно назвать неполитическим государством.

Наиболее замечательна в данном рассуждении Энгельса опять-таки постановка вопроса против анархистов. Социал-демократы, желающие быть учениками Энгельса, миллионы раз спорили с 1873 года против анархистов, но спорили именно *не* так, как можно и должно спорить марксистам. Анархистское представление об отмене государства путано и *нереволюционно*, — вот как ставил вопрос Энгельс. Анархисты именно революции-то в ее возникновении и развитии, в ее специфических задачах по отношению к насилию, авторитету, власти, государству, видеть не хотят.

Обычная критика анархизма у современных социал-демократов свелась к чистейшей мещанской пошлости: «мы-де признаем государство, а анархисты нет!». Разумеется, такая пошлость не может не отталкивать сколько-нибудь мыслящих и революционных рабочих. Энгельс говорит иное: он подчеркивает, что все социалисты признают исчезновение государства, как следствие социалистической революции. Он ставит затем конкретно вопрос о революции, тот именно вопрос, который обычно социал-

---

[1] *Ф. Энгельс.* «Об авторитете» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 18, стр. 304—305). *Ред.*

демократы из оппортунизма обходят, оставляя его, так сказать, на исключительную «разработку» анархистам. И, ставя этот вопрос, Энгельс берет быка за рога: не следовало ли Коммуне *больше* пользоваться *революционной* властью *государства*, т. е. вооруженного, организованного в господствующий класс пролетариата?

Господствующая официальная социал-демократия от вопроса о конкретных задачах пролетариата в революции обыкновенно отделывалась либо просто насмешечкой филистера, либо, в лучшем случае, уклончиво софистическим: «там видно будет». И анархисты получали право говорить против такой социал-демократии, что она изменяет своей задаче революционного воспитания рабочих. Энгельс использует опыт последней пролетарской революции именно для самого конкретного изучения, что и как следует делать пролетариату и по отношению к банкам и по отношению к государству.

3. ПИСЬМО К БЕБЕЛЮ

Одним из самых замечательных, если не самым замечательным, рассуждением в сочинениях Маркса и Энгельса по вопросу о государстве является следующее место в письме Энгельса к Бебелю от 18—28 марта 1875 года[1]. Письмо это, заметим в скобках, было напечатано, насколько мы знаем, впервые Бебелем во втором томе его мемуаров («Из моей жизни»), вышедшем в свет в 1911 году, т. е. 36 лет спустя после его составления и отправки.

Энгельс писал Бебелю, критикуя тот самый проект Готской программы, который критиковал и Маркс в знаменитом письме к Бракке[2], и касаясь специально вопроса о государстве, следующее:

> «...Свободное народное государство превратилось в свободное государство. По грамматическому смыслу этих слов, свободное государство есть такое, в котором государство свободно по отношению к своим гражданам, т. е. государство с деспотическим правительством. Следовало бы бросить всю эту

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 19, стр. 1—8. *Ред.*
[2] См. *К. Маркс.* «Критика Готской программы» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 19, стр. 9—32). *Ред.*

болтовню о государстве, особенно после Коммуны, которая не была уже государством в собственном смысле. «Народным государством» анархисты кололи нам глаза более чем достаточно, хотя уже сочинение Маркса против Прудона [1], а затем «Коммунистический Манифест» говорят прямо, что с введением социалистического общественного строя государство само собою распускается (sich auflöst) и исчезает. Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать. Мы предложили бы поэтому поставить везде вместо слова *государство* слово: «община» (Gemeinwesen), прекрасное старое немецкое слово, соответствующее французскому слову «коммуна»» (стр. 321—322 немецкого оригинала) [2].

Надо иметь в виду, что это письмо относится к партийной программе, которую Маркс критиковал в письме, помеченном всего несколькими неделями позже данного письма (письмо Маркса от 5 мая 1875 года), и что Энгельс жил тогда, вместе с Марксом, в Лондоне. Поэтому, говоря: «мы» в последней фразе, Энгельс, несомненно, от своего и Маркса имени предлагает вождю немецкой рабочей партии *выкинуть из программы* слово «государство» и заменить его словом *«община»*.

Какой бы вой об «анархизме» подняли главари нынешнего, подделанного под удобства оппортунистов «марксизма», если бы им предложили такое исправление программы!

Пусть воют. За это их похвалит буржуазия.

А мы будем делать свое дело. При пересмотре программы нашей партии совет Энгельса и Маркса безу-

---

[1] Имеется в виду работа К. Маркса «Нищета философии» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 4, стр. 65—185). *Ред.*

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 19, стр. 5. *Ред.*

словно следует принять во внимание, чтобы быть ближе к истине, чтобы восстановить марксизм, очистив его от искажений, чтобы вернее направить борьбу рабочего класса за его освобождение. Среди большевиков, наверное, противников совета Энгельса и Маркса не найдется. Трудность будет, пожалуй, только в термине. По-немецки есть два слова: «община», из которых Энгельс выбрал такое, которое *не* означает отдельной общины, а совокупность их, систему общин. По-русски такого слова нет, и, может быть, придется выбрать французское слово «коммуна», хотя это тоже имеет свои неудобства.

«Коммуна не была уже государством в собственном смысле» — вот важнейшее, теоретически, утверждение Энгельса. После изложенного выше, это утверждение вполне понятно. Коммуна *переставала* быть государством, поскольку подавлять ей приходилось не большинство населения, а меньшинство (эксплуататоров); буржуазную государственную машину она разбила; вместо *особой* силы для подавления на сцену выдвигалось само население. Все это отступления от государства в собственном смысле. И если бы Коммуна упрочилась, то в ней сами собой «отмерли» бы следы государства, ей бы не надо было «отменять» его учреждений: они перестали бы функционировать по мере того, как им становилось бы нечего делать.

«Анархисты колют нам глаза «народным государством»»; говоря это, Энгельс имеет в виду прежде всего Бакунина и его нападки на немецких социал-демократов. Энгельс признает эти нападки *постольку* правильными, поскольку «народное государство» есть такая же бессмыслица и такое же отступление от социализма, как и «свободное народное государство». Энгельс старается поправить борьбу немецких социал-демократов против анархистов, сделать эту борьбу принципиально правильной, очистить ее от оппортунистических предрассудков насчет «государства». Увы! Письмо Энгельса 36 лет пролежало под спудом. Мы увидим ниже, что и после опубликования этого письма Каутский упорно повторяет, в сущности, те же ошибки, от которых предостерегал Энгельс.

Бебель ответил Энгельсу письмом от 21 сентября 1875 г., в котором он писал, между прочим, что «вполне согласен» с его суждением о проекте программы и что он упрекал Либкнехта за уступчивость (стр. 334 нем.

издания мемуаров Бебеля, т. II). Но если взять брошюру Бебеля «Наши цели», то мы встретим в ней совершенно неверные рассуждения о государстве:

«Государство должно быть превращено из основанного на *классовом господстве* государства в *народное государство*» (нем. изд. «Unsere Ziele», 1886, стр. 14).

Так напечатано в *9-ом* (девятом!) издании брошюры Бебеля! Неудивительно, что столь упорное повторение оппортунистических рассуждений о государстве впитывалось немецкой социал-демократией, особенно когда революционные разъяснения Энгельса клались под спуд, а вся жизненная обстановка надолго «отучала» от революции.

4. КРИТИКА ПРОЕКТА ЭРФУРТСКОЙ ПРОГРАММЫ

Критика проекта Эрфуртской программы[1], посланная Энгельсом Каутскому 29 июня 1891 года и опубликованная только десять лет спустя в «Neue Zeit», не может быть обойдена при разборе учения марксизма о государстве, потому что она посвящена, главным образом, именно критике *оппортунистических* воззрений социал-демократии в вопросах *государственного* устройства.

Мимоходом отметим, что по вопросам экономики Энгельс дает также одно замечательно ценное указание, которое показывает, как внимательно и вдумчиво следил он именно за видоизменениями новейшего капитализма и как сумел он поэтому предвосхитить в известной степени задачи нашей, империалистской, эпохи. Вот это указание: по поводу слова «отсутствие планомерности» (Planlosigkeit), употребленного в проекте программы для характеристики капитализма, Энгельс пишет:

«...Если мы от акционерных обществ переходим к трестам, которые подчиняют себе и монополизируют целые отрасли промышленности, то тут прекращается не только частное производство, но и

---

[1] Эрфуртская программа — программа германской социал-демократической партии, принятая в октябре 1891 года на съезде в Эрфурте. В. И. Ленин считал, что главным недостатком, трусливой уступкой оппортунизму является умолчание Эрфуртской программы о диктатуре пролетариата. *Ред.*

отсутствие планомерности» («Neue Zeit», год 20, т. 1, 1901—1902, стр. 8) [1].

Здесь взято самое основное в теоретической оценке новейшего капитализма, т. е. империализма, именно, что капитализм превращается в монополистический *капитализм*. Последнее приходится подчеркнуть, ибо самой распространенной ошибкой является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное. Полной планомерности, конечно, тресты не давали, не дают до сих пор и не могут дать. Но поскольку они дают планомерность, поскольку магнаты капитала наперед учитывают размеры производства в национальном или даже интернациональном масштабе, поскольку они его планомерно регулируют, мы остаемся все же при *капитализме*, хотя и в новой его стадии, но несомненно при капитализме. «Близость» *такого* капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость, легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а вовсе не доводом за то, чтобы терпимо относиться к отрицанию этой революции и к подкрашиванью капитализма, чем занимаются все реформисты.

Но вернемся к вопросу о государстве. Троякого рода особенно ценные указания дает здесь Энгельс: во-первых, по вопросу о республике; во-вторых, о связи национального вопроса с устройством государства; в-третьих, о местном самоуправлении.

Что касается республики, то Энгельс сделал из этого центр тяжести своей критики проекта Эрфуртской программы. А если мы припомним, какое значение Эрфуртская программа приобрела во всей международной социал-демократии, как она стала образцом для всего второго Интернационала, то без преувеличения можно будет сказать, что Энгельс критикует здесь оппортунизм всего второго Интернационала.

«Политические требования проекта, — пишет Энгельс, — страдают большим недостатком. *В нем нет*

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 234. *Ред.*

того (курсив Энгельса), что собственно следовало сказать» [1].

И дальше поясняется, что германская конституция есть собственно слепок с реакционнейшей конституции 1850 года, что рейхстаг есть лишь, как выразился Вильгельм Либкнехт, «фиговый листок абсолютизма», что на основе конституции, узаконяющей мелкие государства и союз немецких мелких государств, хотеть осуществить «превращение всех орудий труда в общую собственность» — «очевидная бессмыслица».

«Касаться этой темы опасно», — добавляет Энгельс, прекрасно знающий, что легально выставить в программе требование республики в Германии нельзя. Но Энгельс не мирится просто-напросто с этим очевидным соображением, которым «все» удовлетворяются. Энгельс продолжает: «Но дело, тем не менее, так или иначе должно быть двинуто. До какой степени это необходимо, показывает именно теперь распространяющийся (einreißende) в большой части социал-демократической печати оппортунизм. Из боязни возобновления закона против социалистов [2] или вспоминая некоторые сделанные при господстве этого закона преждевременные заявления, хотят теперь, чтобы партия признала теперешний законный порядок в Германии достаточным для мирного осуществления всех ее требований...» [3]

Что германские социал-демократы действовали из боязни возобновления исключительного закона, этот основной факт Энгельс выдвигает на первый план и, не обинуясь, называет его оппортунизмом, объявляя, именно в силу отсутствия республики и свободы в Германии, совершенно бессмысленными мечты о «мирном» пути. Энгельс достаточно осторожен, чтобы не связать себе рук.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 236. *Ред.*

[2] Исключительный закон против социалистов был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы с рабочим и социалистическим движением. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать; конфисковывалась социалистическая литература; социал-демократы подвергались преследованиям, высылке. *Ред.*

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 236. *Ред.*

Он признает, что в странах с республикой или с очень большой свободой «можно себе представить» (только «представить»!) мирное развитие к социализму, но в Германии, повторяет он,

> «...в Германии, где правительство почти всесильно, а рейхстаг и все другие представительные учреждения не имеют действительной власти, — в Германии провозглашать нечто подобное, и притом без всякой надобности, значит снимать фиговый листок с абсолютизма и самому становиться для прикрытия наготы...» [1]

Прикрывателями абсолютизма действительно и оказались в громадном большинстве официальные вожди германской социал-демократической партии, которая положила «под сукно» эти указания.

> «...Подобная политика может лишь, в конце концов, привести партию на ложный путь. На первый план выдвигают общие, абстрактные политические вопросы и таким образом прикрывают ближайшие конкретные вопросы, которые сами собою становятся в порядок дня при первых же крупных событиях, при первом политическом кризисе. Что может выйти из этого, кроме того, что партия внезапно в решающий момент окажется беспомощной, что по решающим вопросам в ней господствует неясность и отсутствие единства, потому что эти вопросы никогда не обсуждались...
>
> Это забвение великих, коренных соображений из-за минутных интересов дня, эта погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учета дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему — может быть, происходит и из-за «честных» мотивов. Но это есть оппортунизм и остается оппортунизмом, а «честный» оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других...
>
> Если что не подлежит никакому сомнению, так это то, что наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 237. *Ред.*

последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция...»[1]

Энгельс повторяет здесь в особенно рельефной форме ту основную идею, которая красной нитью тянется через все произведения Маркса, именно, что демократическая республика есть ближайший подход к диктатуре пролетариата. Ибо такая республика, нисколько не устраняя господства капитала, а следовательно, угнетения масс и классовой борьбы, неизбежно ведет к такому расширению, развертыванию, раскрытию и обострению этой борьбы, что, раз возникает возможность удовлетворения коренных интересов угнетенных масс, эта возможность осуществляется неминуемо и единственно в диктатуре пролетариата, в руководстве этих масс пролетариатом. Для всего второго Интернационала это — тоже «забытые слова» марксизма, и забвение их необычайно ярко обнаружила история партии меньшевиков за первое полугодие русской революции 1917 года.

По вопросу о федеративной республике в связи с национальным составом населения Энгельс писал:

«Что должно встать на место теперешней Германии?» (с ее реакционной монархической конституцией и столь же реакционным делением на мелкие государства, делением, увековечивающим особенности «пруссачества» вместо того, чтобы растворить их в Германии, как целом). «По-моему, пролетариат может употреблять лишь форму единой и неделимой республики. Федеративная республика является еще и теперь, в общем и целом, необходимостью на гигантской территории Соединенных Штатов, хотя на востоке их она уже становится помехой. Она была бы шагом вперед в Англии, где на двух островах живет четыре нации и, несмотря на единство парламента, существуют друг подле друга три системы законодательства. Она давно уже сделалась помехой в маленькой Швейцарии, и если там можно еще терпеть федеративную республику, то только потому, что Швейцария довольствуется ролью чисто пассивного члена европейской государственной си-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 22, стр. 237. *Ред.*

стемы. Для Германии федералистическое ошвейцарение ее было бы огромным шагом назад. Два пункта отличают союзное государство от вполне единого государства, именно: что каждое отдельное государство, входящее в союз, имеет свое особое гражданское и уголовное законодательство, свое особое судоустройство, а затем то, что рядом с народной палатой существует палата представителей от государств, и в ней каждый кантон голосует, как таковой, независимо от того, велик он или мал». В Германии союзное государство есть переход к вполне единому государству, и «революцию сверху» 1866 и 1870 годов надо не поворачивать вспять, а дополнить «движением снизу» [1].

Энгельс не только не обнаруживает равнодушия к вопросу о формах государства, а, напротив, с чрезвычайной тщательностью старается анализировать именно переходные формы, чтобы учесть, в зависимости от конкретно-исторических особенностей каждого отдельного случая, переходом *от чего к чему* данная переходная форма является.

Энгельс, как и Маркс, отстаивает, с точки зрения пролетариата и пролетарской революции, демократический централизм, единую и нераздельную республику. Федеративную республику он рассматривает либо как исключение и помеху развитию, либо как переход от монархии к централистической республике, как «шаг вперед» при известных особых условиях. И среди этих особых условий выдвигается национальный вопрос.

У Энгельса, как и у Маркса, несмотря на беспощадную критику ими реакционности мелких государств и прикрытия этой реакционности национальным вопросом в определенных конкретных случаях, нигде нет и тени стремления отмахнуться от национального вопроса, — стремления, которым часто грешат голландские и польские марксисты, исходящие из законнейшей борьбы против мещански-узкого национализма «своих» маленьких государств.

Даже в Англии, где и географические условия, и общность языка, и история многих сотен лет, казалось бы,

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 22, стр. 238—239. *Ред.*

«покончила» с национальным вопросом отдельных мелких делений Англии, даже здесь Энгельс учитывает ясный факт, что национальный вопрос еще не изжит, и потому признает федеративную республику «шагом вперед». Разумеется, тут нет ни тени отказа от критики недостатков федеративной республики и от самой решительной пропаганды и борьбы за единую, централистически-демократическую республику.

Но централизм демократический Энгельс понимает отнюдь не в том бюрократическом смысле, в котором употребляют это понятие буржуазные и мелкобуржуазные идеологи, анархисты в числе последних. Централизм для Энгельса нисколько не исключает такого широкого местного самоуправления, которое, при добровольном отстаивании «коммунами» и областями единства государства, устраняет всякий бюрократизм и всякое «командование» сверху безусловно.

«...Итак, единая республика, — пишет Энгельс, развивая программные взгляды марксизма на государство, — но не в смысле теперешней французской республики, которая представляет из себя не больше, чем основанную в 1798 году империю без императора. С 1792 по 1798 год каждый французский департамент, каждая община (Gemeinde) пользовались полным самоуправлением по американскому образцу, и это должны иметь и мы. Как следует организовать самоуправление и как можно обойтись без бюрократии, это показала и доказала нам Америка и первая французская республика, а теперь еще показывают Канада, Австралия и другие английские колонии. И такое провинциальное (областное) и общинное самоуправление — гораздо более свободные учреждения, чем, например, швейцарский федерализм, где, правда, кантон очень независим по отношению к бунду» (т. е. к федеративному государству в целом), «но независим также и по отношению к уезду (бецирку) и по отношению к общине. Кантональные правительства назначают уездных исправников (штатгальтеров) и префектов, чего совершенно нет в странах английского языка и что мы у себя в будущем так же решительно должны устранить, как и прусских ландратов и регирунгсратов»

(комиссаров, исправников, губернаторов, вообще чиновников, назначаемых сверху). Энгельс предлагает соответственно этому формулировать пункт программы о самоуправлении следующим образом: «Полное самоуправление в провинции» (губернии или области), «уезде и общине чрез чиновников, избранных всеобщим избирательным правом; отмена всех местных и провинциальных властей, назначаемых государством» [1].

В закрытой правительством Керенского и других «социалистических» министров «Правде» (№ 68 от 28 мая 1917 года) мне уже случалось указывать, как в этом пункте — разумеется, далеко не в нем одном — наши якобы социалистические представители якобы революционной якобы демократии совершали вопиющие отступления *от демократизма* [2]. Понятно, что люди, связавшие себя «коалицией» с империалистской буржуазией, оставались глухи к этим указаниям.

Крайне важно отметить, что Энгельс с фактами в руках, на самом точном примере, опровергает чрезвычайно распространенный — особенно среди мелкобуржуазной демократии — предрассудок, будто федеративная республика означает непременно больше свободы, чем централистическая. Это неверно. Факты, приводимые Энгельсом относительно централистической французской республики 1792—1798 гг. и федералистической швейцарской, опровергают это. Свободы *больше* давала действительно демократическая централистическая республика, чем федералистическая. Или иначе: *наибольшая* местная, областная и пр. свобода, известная в истории, дана была *централистической*, а не федеративной республикой.

На этот факт, как и на весь вообще вопрос о федеративной и централистической республике и о местном самоуправлении, в нашей партийной пропаганде и агитации обращалось и обращается недостаточно внимания.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 239—240. *Ред.*

[2] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 218—221. *Ред.*

5. ПРЕДИСЛОВИЕ 1891 ГОДА К «ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ» МАРКСА

В предисловии к 3-му изданию «Гражданской войны во Франции» — это предисловие помечено 18 марта 1891 года и первоначально было напечатано в журнале «Neue Zeit» — Энгельс, рядом с интересными мимоходными замечаниями по вопросам, связанным с отношением к государству, дает замечательно рельефную сводку уроков Коммуны [1]. Эта сводка, углубленная всем опытом двадцатилетнего периода, отделявшего автора от Коммуны, и специально направленная против распространенной в Германии «суеверной веры в государство», может быть по справедливости названа *последним словом* марксизма по рассматриваемому вопросу.

> Во Франции, отмечает Энгельс, после каждой революции рабочие бывали вооружены; «поэтому для буржуа, находившихся у государственного кормила, первой заповедью было разоружение рабочих. Отсюда — после каждой завоеванной рабочими революции новая борьба, которая оканчивается поражением рабочих...» [2]

Итог опыта буржуазных революций столь же краткий, сколь выразительный. Суть дела — между прочим, и по вопросу о государстве *(есть ли оружие у угнетенного класса?)* — схвачена здесь замечательно. Именно эту суть чаще всего и обходят как профессора, находящиеся под влиянием буржуазной идеологии, так и мелкобуржуазные демократы. В русской революции 1917 года «меньшевику», «тоже-марксисту» Церетели выпала честь (кавеньяковская честь) выболтать эту тайну буржуазных революций. В своей «исторической» речи 11-го июня Церетели проговорился о решимости буржуазии разоружить питерских рабочих, выдавая, конечно, это решение и за свое, и за «государственную» необходимость вообще!

Историческая речь Церетели от 11-го июня будет, конечно, для всякого историка революции 1917 года одной из нагляднейших иллюстраций того, как предводи-

---

[1] См. *Ф. Энгельс.* «Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»» (см. настоящий сборник, стр. 133—147). *Ред.*

[2] См. настоящий сборник, стр. 135. *Ред.*

мый господином Церетели блок эсеров и меньшевиков перешел на сторону буржуазии *против* революционного пролетариата.

Другое мимоходное замечание Энгельса, тоже связанное с вопросом о государстве, относится к религии. Известно, что германская социал-демократия, по мере того, как она загнивала, становясь все более оппортунистической, чаще и чаще скатывалась к филистерскому кривотолкованию знаменитой формулы: «объявление религии частным делом». Именно: эта формула истолковывалась так, будто *и для партии* революционного пролетариата вопрос о религии есть частное дело!! Против этой полной измены революционной программе пролетариата и восстал Энгельс, который в 1891 году наблюдал только *самые слабые* зачатки оппортунизма в своей партии и который выражался поэтому наиболее осторожно:

> «Соответственно тому, что в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих, и постановления ее отличались решительно пролетарским характером. Либо эти постановления декретировали такие реформы, от которых республиканская буржуазия отказалась только из подлой трусости и которые составляют необходимую основу для свободной деятельности рабочего класса. Таково проведение в жизнь принципа, что *по отношению к государству* религия является просто частным делом. Либо Коммуна издавала постановления, прямо лежащие в интересах рабочего класса и которые отчасти глубоко врезывались в старый общественный порядок...» [1]

Энгельс подчеркнул слова «по отношению к государству» умышленно, направляя удар не в бровь, а в глаз немецкому оппортунизму, объявлявшему религию частным делом *по отношению к партии* и таким образом принижавшему партию революционного пролетариата до уровня пошлейшего «свободомыслящего» мещанства, готового допустить вневероисповедное состояние, но отрекавшегося от задачи *партийной* борьбы против религиозного опиума, оглупляющего народ.

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 141. *Ред.*

Будущий историк германской социал-демократии, прослеживая корни ее позорного краха в 1914 году, найдет немало интересного материала по этому вопросу, начиная от уклончивых, открывающих настежь дверь оппортунизму, заявлений в статьях идейного вождя партии, Каутского, и кончая отношением партии к «Los-von-Kirche-Bewegung» (движению к отделению от церкви) в 1913 году[1].

Но перейдем к тому, как Энгельс двадцать лет спустя после Коммуны подытоживал ее уроки борющемуся пролетариату.

Вот какие уроки выдвигал на первый план Энгельс:

«...Именно та угнетающая власть прежнего централизованного правительства, армия, политическая полиция, бюрократия, которую Наполеон создал в 1798 году и которую с тех пор каждое новое правительство перенимало, как желательное орудие, и использовывало его против своих противников, именно эта власть должна была пасть всюду во Франции, как пала она в Париже.

Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, придя к господству, не может дальше хозяйничать со старой государственной машиной; что рабочий класс, дабы не потерять снова своего только что завоеванного господства, должен, с одной стороны, устранить всю старую, доселе употреблявшуюся против него, машину угнетения, а с другой стороны, должен обеспечить себя против своих собственных депутатов и чиновников, объяв-

---

[1] Los-von-Kirche-Bewegung (движение к отделению от церкви), или Kirchenaustrittsbewegung (движение за выход из церкви), приняло массовый характер в Германии перед первой мировой войной. В январе 1914 года на страницах журнала «Die Neue Zeit» со статьи ревизиониста Пауля Гёре «Kirchenaustrittsbewegung und Sozialdemokratie» («Движение за выход из церкви и социал-демократия») началось обсуждение вопроса об отношении социал-демократической партии Германии к этому движению. В ходе дискуссии видные деятели германской социал-демократии не дали отпора Гёре, который утверждал, что партия должна сохранять нейтралитет по отношению к движению за выход из церкви и запрещать своим членам вести от имени партии антирелигиозную и антицерковную пропаганду.

В. И. Ленин обратил внимание на эту дискуссию, работая над материалами к книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» (см. Полн. собр. соч., т. 28, стр. 570). *Ред.*

ляя их всех, без всякого исключения, сменяемыми в любое время...»[1]

Энгельс подчеркивает еще и еще раз, что не только в монархии, но *и в демократической республике* государство остается государством, т. е. сохраняет свою основную отличительную черту: превращать должностных лиц, «слуг общества», органы его в *господ* над ним.

«...Против этого, неизбежного во всех существовавших до сих пор государствах, превращения государства и органов государства из слуг общества в господ над обществом Коммуна применила два безошибочных средства. Во-первых, она назначала на все должности, по управлению, по суду, по народному просвещению, лиц, выбранных всеобщим избирательным правом, и притом ввела право отзывать этих выборных в любое время по решению их избирателей. А во-вторых, она платила всем должностным лицам, как высшим, так и низшим, лишь такую плату, которую получали другие рабочие. Самое высокое жалованье, которое вообще платила Коммуна, было 6000 франков[2]. Таким образом была создана надежная помеха погоне за местечками и карьеризму, даже и независимо от императивных мандатов депутатам в представительные учреждения, введенных Коммуной сверх того...»[3]

Энгельс подходит здесь к той интересной грани, где последовательная демократия, с одной стороны, *превращается* в социализм, а с другой стороны, где она *требует* социализма. Ибо для уничтожения государства необходимо превращение функций государственной службы в такие простые операции контроля и учета, которые доступны, подсильны громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно. А полное устранение карьеризма требует, чтобы «почетное», хотя и бездоходное, местечко на государственной службе *не* могло

[1] См. настоящий сборник, стр. 145. *Ред.*

[2] Номинально это дает около 2400 руб., а по теперешнему курсу около 6000 рублей. Совершенно непростительно поступают те большевики, которые предлагают, например, в городских думах жалованье по 9000 руб., не предлагая ввести *для всего государства* максимум 6000 руб., — сумма достаточная.

[3] См. настоящий сборник, стр. 146. *Ред.*

служить мостиком для перепрыгиванья на высокодоходные должности в банках и в акционерных обществах, как это бывает *постоянно* во всех свободнейших капиталистических странах.

Но Энгельс не делает той ошибки, которую делают, например, иные марксисты по вопросу о праве наций на самоопределение: дескать, при капитализме оно невозможно, а при социализме излишне. Подобное, якобы остроумное, а на деле неверное, рассуждение можно бы повторить про *любое* демократическое учреждение, и про скромное жалованье чиновникам в том числе, ибо до конца последовательный демократизм при капитализме невозможен, а при социализме *отомрет* всякая демократия.

Это — софизм, похожий на ту старую шутку, станет ли человек лысым, если у него будет волос меньше на один волос.

Развитие демократии *до конца*, изыскание *форм* такого развития, испытание их *практикой* и т. д., все это есть одна из составных задач борьбы за социальную революцию. Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать *ее* преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории.

Энгельс продолжает:

> «...Этот взрыв (Sprengung) старой государственной власти и ее замена новою, поистине демократическою, подробно описаны в третьем отделе «Гражданской войны». Но вкратце остановиться еще раз на некоторых чертах этой замены было здесь необходимо, потому что как раз в Германии суеверная вера в государство перешла из философии в общее сознание буржуазии и даже многих рабочих. По учению философов, государство есть «осуществление идеи» или, переведенное на философский язык, царство божие на земле, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость. А отсюда вытекает суеверное почтение к государству и ко всему тому, что̀ имеет отношение к госу-

дарству, — суеверное почтение, которое тем легче укореняется, что люди привыкают с детства думать, будто дела и интересы, общие всему обществу, не могут быть иначе выполняемы и охраняемы, как прежним способом, т. е. через посредство государства и его награжденных доходными местечками чиновников. Люди воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед, если они отделываются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности»[1].

Энгельс предостерегал немцев, чтобы они по случаю замены монархии республикой не забыли основ социализма по вопросу о государстве вообще. Его предостережения читаются теперь как прямой урок господам Церетели и Черновым, проявившим в своей «коалиционной» практике суеверную веру в государство и суеверное почтение к нему!

Еще два замечания: 1) Если Энгельс говорит, что при демократической республике «ничуть не меньше», чем при монархии, государство остается «машиной для угнетения одного класса другим», то это вовсе не значит, чтобы *форма* угнетения была для пролетариата безразлична, как «учат» иные анархисты. Более широкая, более свободная, более открытая *форма* классовой борьбы и классового угнетения дает пролетариату гигантское облегчение в борьбе за уничтожение классов вообще.

2) Почему только новое поколение в состоянии будет совсем выкинуть вон весь этот хлам государственности, —

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 146—147. *Ред.*

этот вопрос связан с вопросом о преодолении демократии, к которому мы и переходим.

6. ЭНГЕЛЬС О ПРЕОДОЛЕНИИ ДЕМОКРАТИИ

Энгельсу пришлось высказаться об этом в связи с вопросом о *научной* неправильности названия «социал-демократ».

В предисловии к изданию своих статей 1870-х годов на разные темы, преимущественно «интернационального» содержания («Internationales aus dem «Volksstaat»» [1]), — предисловии, помеченном 3 января 1894 года, т. е. написанном за полтора года до смерти Энгельса, он писал, что во всех статьях употребляется слово «коммунист», *а не* «социал-демократ», ибо тогда социал-демократами называли себя прудонисты во Франции, лассальянцы в Германии [2].

> «...Для Маркса и для меня, — продолжает Энгельс,— было поэтому чистейшей невозможностью употреблять для обозначения специально нашей точки зрения выражение столь растяжимое. В настоящее время дело обстоит иначе, и это слово («социал-демократ») может, пожалуй, сойти (mag passieren), хотя оно и остается неточным (unpassend, неподходящим) для такой партии, экономическая программа которой не является просто социалистической вообще, а прямо коммунистической, — для партии, политическая конечная цель которой есть преодоление всего государства, а, следовательно, также и демократии. Названия *действительных* (курсив Энгельса) политических партий, однако, никогда вполне не соответствует им; партия развивается, название остается» [3].

---

[1] «На международные темы из «Народного Государства»». *Ред.*

[2] Лассальянцы — сторонники и последователи немецкого мелкобуржуазного социалиста Ф. Лассаля, члены Всеобщего германского рабочего союза, который был основан в 1863 году на съезде рабочих обществ в Лейпциге. К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно и резко критиковали теорию, тактику и организационные принципы лассальянства как оппортунистического течения в германском рабочем движении. *Ред.*

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 22, стр. 434—435. *Ред.*

Диалектик Энгельс на закате дней остается верен диалектике. У нас с Марксом, говорит он, было прекрасное, научно-точное, название партии, но не было действительной, т. е. массовой пролетарской партии. Теперь (конец XIX века) есть действительная партия, но ее название научно неверно. Ничего, «сойдет», лишь бы партия *развивалась*, лишь бы научная неточность ее названия не была от нее скрыта и не мешала ей развиваться в верном направлении!

Пожалуй, иной шутник и нас, большевиков, стал бы утешать по-энгельсовски: у нас есть действительная партия, она развивается отлично; «сойдет» и такое бессмысленное, уродливое слово, как «большевик», не выражающее абсолютно ничего, кроме того, чисто случайного, обстоятельства, что на Брюссельско-Лондонском съезде 1903 года мы имели большинство[1]... Может быть, теперь, когда июльские и августовские преследования нашей партии республиканцами и «революционной» мещанской демократией сделали слово «большевик» таким всенародно-почетным, когда они ознаменовали кроме того столь громадный, исторический шаг вперед, сделанный нашей партией в ее *действительном* развитии, может быть, и я поколебался бы в своем апрельском предложении изменить название нашей партии[2]. Может быть, я предложил бы своим товарищам «компромисс»: назваться коммунистической партией, а в скобках оставить слово большевики...

Но вопрос о названии партии несравненно менее важен, чем вопрос об отношении революционного пролетариата к государству.

В обычных рассуждениях о государстве постоянно делается та ошибка, от которой здесь предостерегает Энгельс и которую мы отмечали мимоходом в предыдущем изложении. Именно: постоянно забывают, что уничтожение государства есть уничтожение также и демократии, что отмирание государства есть отмирание демократии.

---

[1] Имеется в виду II съезд РСДРП, который состоялся 17 июля — 10 августа (30 июля — 23 августа) 1903 года. Первые 13 заседаний съезда происходили в Брюсселе. Затем из-за преследований полиции заседания съезда были перенесены в Лондон. *Ред.*

[2] См. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 100, 111, 116. *Ред.*

На первый взгляд такое утверждение представляется крайне странным и непонятным; пожалуй, даже возникнет у кого-либо опасение, не ожидаем ли мы пришествия такого общественного устройства, когда не будет соблюдаться принцип подчинения меньшинства большинству, ибо ведь демократия это и есть признание такого принципа?

Нет. Демократия *не* тождественна с подчинением меньшинства большинству. Демократия есть признающее подчинение меньшинства большинству *государство*, т. е. организация для систематического *насилия* одного класса над другим, одной части населения над другою.

Мы ставим своей конечной целью уничтожение государства, т. е. всякого организованного и систематического насилия, всякого насилия над людьми вообще. Мы не ждем пришествия такого общественного порядка, когда бы не соблюдался принцип подчинения меньшинства большинству. Но, стремясь к социализму, мы убеждены, что он будет перерастать в коммунизм, а в связи с этим будет исчезать всякая надобность в насилии над людьми вообще, в *подчинении* одного человека другому, одной части населения другой его части, ибо люди *привыкнут* к соблюдению элементарных условий общественности *без насилия* и *без подчинения*.

Чтобы подчеркнуть этот элемент привычки, Энгельс и говорит о новом *поколении*, «выросшем в новых, свободных общественных условиях, которое окажется в состоянии совершенно выкинуть вон весь этот хлам государственности» [1], — всякой государственности, в том числе и демократически-республиканской государственности.

Для пояснения этого требуется разбор вопроса об экономических основах отмирания государства.

. . . . . .

ГЛАВА VI

ОПОШЛЕНИЕ МАРКСИЗМА ОППОРТУНИСТАМИ

Вопрос об отношении государства к социальной революции и социальной революции к государству занимал

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 147. *Ред.*

виднейших теоретиков и публицистов II Интернационала (1889—1914) очень мало, как и вообще вопрос о революции. Но самое характерное в том процессе постепенного роста оппортунизма, который привел к краху II Интернационала в 1914 году, — это то, что даже когда вплотную подходили к этому вопросу, его *старались обойти* или его не замечали.

В общем и целом можно сказать, что из *уклончивости* по вопросу об отношении пролетарской революции к государству, уклончивости, выгодной для оппортунизма и питавшей его, проистекло *извращение* марксизма и полное опошление его.

Чтобы охарактеризовать, хоть вкратце, этот печальный процесс, возьмем виднейших теоретиков марксизма, Плеханова и Каутского.

1. ПОЛЕМИКА ПЛЕХАНОВА С АНАРХИСТАМИ

Плеханов посвятил вопросу об отношении анархизма к социализму особую брошюру: «Анархизм и социализм», которая вышла по-немецки в 1894 году.

Плеханов ухитрился трактовать эту тему, совершенно обойдя самое актуальное, злободневное и политически наиболее существенное в борьбе против анархизма, именно отношение революции к государству и вопрос о государстве вообще! В его брошюре выделяются две части: одна — историко-литературная, с ценным материалом по истории идей Штирнера, Прудона и пр. Другая часть: филистерская, с аляповатым рассуждением на тему о том, что анархиста не отличишь от бандита.

Сочетание тем презабавное и прехарактерное для всей деятельности Плеханова во время кануна революции и в течение революционного периода в России: Плеханов так и показал себя в 1905—1917 годах полудоктринером, полуфилистером, в политике шедшим в хвосте у буржуазии.

Мы видели, как Маркс и Энгельс, полемизируя с анархистами, выясняли всего тщательнее свои взгляды на отношение революции к государству. Энгельс, издавая в 1891 году «Критику Готской программы» Маркса, писал, что «мы (т. е. Энгельс и Маркс) находились тогда в самом разгаре борьбы с Бакуниным и его анархистами —

после Гаагского конгресса (первого) Интернационала едва прошло два года»[1].

Анархисты пытались именно Парижскую Коммуну объявить, так сказать, «своей», подтверждающей их учение, причем они совершенно не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом. Ничего даже приблизительно подходящего к истине по конкретно-политическим вопросам: надо ли *разбить* старую государственную машину? и *чем* заменить ее? анархизм не дал.

Но говорить об «анархизме и социализме», обходя весь вопрос о государстве, *не замечая* всего развития марксизма до и после Коммуны, это значило неминуемо скатываться к оппортунизму. Ибо оппортунизму как раз больше всего и требуется, чтобы два указанные нами сейчас вопроса *не* ставились вовсе. Это *уже* есть победа оппортунизма.

2. ПОЛЕМИКА КАУТСКОГО С ОППОРТУНИСТАМИ

В русской литературе переведено, несомненно, неизмеримо большее количество произведений Каутского, чем в какой бы то ни было другой. Недаром шутят иные немецкие социал-демократы, что Каутского больше читают в России, чем в Германии (в скобках сказать, в этой шутке есть гораздо более глубокое историческое содержание, чем подозревают те, кто пустил ее в ход, именно: русские рабочие, предъявив в 1905 году необыкновенно сильный, невиданный спрос на лучшие произведения лучшей в мире социал-демократической литературы и получив неслыханное в иных странах количество переводов и изданий этих произведений, тем самым перенесли, так сказать, на молодую почву нашего пролетарского движения ускоренным образом громадный опыт соседней, более передовой страны).

Особенно известен у нас Каутский, кроме своего популярного изложения марксизма, своей полемикой с оппортунистами и с Бернштейном во главе их. Но почти неизвестен факт, которого нельзя обойти, если ставить себе задачей проследить, как скатился Каутский к неве-

[1] См. *Ф. Энгельс.* «Предисловие к работе К. Маркса «Критика Готской программы»» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 22, стр. 96). *Ред.*

роятно-позорной растерянности и защите социал-шовинизма во время величайшего кризиса 1914—1915 годов. Это именно тот факт, что перед своим выступлением против виднейших представителей оппортунизма во Франции (Мильеран и Жорес) и в Германии (Бернштейн) Каутский проявил очень большие колебания. Марксистская «Заря»[1], выходившая в 1901—1902 гг. в Штутгарте и отстаивавшая революционно-пролетарские взгляды, вынуждена была *полемизировать* с Каутским, называть «каучуковой» его половинчатую, уклончивую, примирительную по отношению к оппортунистам резолюцию на Парижском международном социалистическом конгрессе 1900 года. В немецкой литературе были напечатаны письма Каутского, обнаруживпие не меньшие колебания его перед выступлением в поход против Бернштейна.

Неизмеримо большее значение имеет, однако, то обстоятельство, что в самой его полемике с оппортунистами, в его постановке вопроса и способе трактования вопроса мы замечаем теперь, когда изучаем *историю* новейшей измены марксизму со стороны Каутского, систематический уклон к оппортунизму именно по вопросу о государстве.

Возьмем первое крупное произведение Каутского против оппортунизма, его книгу «Бернштейн и социал-демократическая программа». Каутский подробно опровергает Бернштейна. Но вот что характерно.

Бернштейн в своих геростратовски-знаменитых «Предпосылках социализма» обвиняет марксизм в *«бланкизме»* (обвинение, с тех пор тысячи раз повторенное оппортунистами и либеральными буржуа в России против представителей революционного марксизма, большевиков). При этом Бернштейн останавливается специально на марксовой «Гражданской войне во Франции» и пытается — как мы видели, весьма неудачно — отождествить точку зрения Маркса на уроки Коммуны с точкой зрения Прудона. Особенное внимание Бернштейна вызывает то заключение Маркса, которое этот последний подчеркнул в предисловии 1872 года к «Коммунистическому Манифесту» и которое гласит: «рабочий класс не может просто взять

---

[1] «Заря» — марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». *Ред.*

в руки готовой государственной машины и пустить ее в ход для своих собственных целей»[1].

Бернштейну так «понравилось» это изречение, что он не менее трех раз в своей книге повторяет его, толкуя его в самом извращенном, оппортунистическом смысле.

Маркс, как мы видели, хочет сказать, что рабочий класс должен *разбить, сломать, взорвать* (Sprengung, взрыв, — выражение, употребленное Энгельсом) всю государственную машину. А у Бернштейна выходит, будто Маркс предостерегал этими словами рабочий класс *против* чрезмерной революционности при захвате власти.

Более грубого и безобразного извращения мысли Маркса нельзя себе и представить.

Как же поступил Каутский в своем подробнейшем опровержении бернштейниады?[2]

Он уклонился от разбора всей глубины извращения марксизма оппортунизмом в этом пункте. Он привел цитированный выше отрывок из предисловия Энгельса к «Гражданской войне» Маркса, сказав, что, по Марксу, рабочий класс не может *просто* овладеть *готовой* государственной машиной, но вообще *может* овладеть ей, и только. О том, что Бернштейн приписал Марксу *прямо обратное* действительной мысли Маркса, что Маркс с 1852 года выдвигал задачу пролетарской революции «разбить» государственную машину[3], об этом у Каутского ни слова.

Вышло так, что самое существенное отличие марксизма от оппортунизма по вопросу о задачах пролетарской революции оказалось у Каутского смазанным!

«Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры, — писал Каутский «*против*» Бернштейна, — мы вполне спокойно можем предоставить будущему» (стр. 172 нем. издания).

Это не полемика *против* Бернштейна, а, в сущности, *уступка* ему, сдача позиций оппортунизму, ибо оппорту-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 17, стр. 339 и т. 18, стр. 90. *Ред.*

[2] Бернштейниада, бернштейнианство — оппортунистическое, враждебное марксизму течение в международной социал-демократии, возникшее в конце XIX века в Германии и названное по имени Э. Бернштейна, наиболее открытого выразителя ревизионизма. *Ред.*

[3] См. *К. Маркс* «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 8, стр. 205 - 206). *Ред.*

нистам пока ничего большего и не надо, как «вполне спокойно предоставить будущему» все коренные вопросы о задачах пролетарской революции.

Маркс и Энгельс с 1852 года по 1891 год, в течение сорока лет, учили пролетариат тому, что он должен разбить государственную машину. А Каутский в 1899 году, пред лицом полной измены оппортунистов марксизму в этом пункте, проделывает *подмен* вопроса о том, необходимо ли эту машину разбить, вопросом о конкретных формах разбивания и спасается под сень «бесспорной» (и бесплодной) филистерской истины, что конкретных форм наперед знать мы не можем!!

Между Марксом и Каутским — пропасть в их отношении к задаче пролетарской партии готовить рабочий класс к революции.

Возьмем следующее, более зрелое, произведение Каутского, посвященное тоже в значительной степени опровержению ошибок оппортунизма. Это — его брошюра о «Социальной революции». Автор взял здесь своей специальной темой вопрос о «пролетарской революции» и о «пролетарском режиме». Автор дал очень много чрезвычайно ценного, но как раз вопрос о государстве *обошел*. В брошюре говорится везде о завоевании государственной власти, и только, т. е. выбрана такая формулировка, которая делает уступку оппортунистам, поскольку *допускает* завоевание власти *без* разрушения государственной машины. Как раз то, что̀ Маркс в 1872 году объявил «устарелым» в программе «Коммунистического Манифеста» [1], *возрождается* Каутским в 1902 году.

В брошюре посвящен специальный параграф «Формам и оружию социальной революции». Здесь говорится и о массовой политической стачке, и о гражданской войне, и о таких «орудиях силы современного крупного государства, как бюрократия и армия», но о том, чему уже научила рабочих Коммуна, ни звука. Очевидно, Энгельс недаром предостерегал, особенно немецких социалистов, против «суеверного почтения» к государству.

Каутский излагает дело так: победивший пролетариат «осуществит демократическую программу» и излагает

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии» 1872 года (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 90). *Ред.*

параграфы ее. О том, что нового дал 1871 год по вопросу о замене пролетарскою демократией демократии буржуазной, ни звука. Каутский отделывается такими «солидно» звучащими банальностями:

«Очевидно само собой, что мы не достигнем господства при теперешних порядках. Революция сама предполагает продолжительную и глубоко захватывающую борьбу, которая успеет уже изменить нашу теперешнюю политическую и социальную структуру».

Несомненно, что это «очевидно само собой», как и та истина, что лошади кушают овес и что Волга течет в Каспийское море. Жаль только, что посредством пустой и надутой фразы о «глубоко захватывающей» борьбе *обходится* насущный для революционного пролетариата вопрос о том, *в чем же* выражается «глубина» *его* революции по отношению к государству, по отношению к демократии, в отличие от прежних, непролетарских революций.

Обходя этот вопрос, Каутский *на деле* по этому существеннейшему пункту делает уступку оппортунизму, *на словах* объявляя грозную войну ему, подчеркивая значение «идеи революции» (многого ли стоит эта «идея», если бояться пропагандировать рабочим конкретные уроки революции?) или говоря: «революционный идеализм прежде всего», или объявляя, что английские рабочие представляют из себя теперь «едва ли многим большее, чем мелких буржуа».

«В социалистическом обществе, — пишет Каутский,— могут существовать рядом друг с другом... самые различные формы предприятий: бюрократическое (??), тред-юнионистское, кооперативное, единоличное»... «Существуют, например, предприятия, которые не могут обойтись без бюрократической (??) организации, — таковы железные дороги. Тут демократическая организация может получить такой вид: рабочие выбирают делегатов, которые образуют нечто вроде парламента, и этот парламент устанавливает распорядок работ и наблюдает за управлением бюрократического аппарата. Другие предприятия можно передать в ведение рабочих союзов, третьи можно организовать на кооперативных началах» (стр. 148 и 115 русского перевода, женевское издание 1903 года).

Это рассуждение ошибочно, представляя из себя шаг назад по сравнению с тем, что разъясняли в 70-х годах Маркс и Энгельс на примере уроков Коммуны.

Железные дороги решительно ничем не отличаются, с точки зрения необходимой будто бы «бюрократической»

организации, от всех вообще предприятий крупной машинной индустрии, от любой фабрики, большого магазина, крупнокапиталистического сельскохозяйственного предприятия. Во всех таких предприятиях техника предписывает безусловно строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при соблюдении каждым указанной ему доли работы, под угрозой остановки всего дела или порчи механизма, порчи продукта. Во всех таких предприятиях рабочие будут, конечно, «выбирать делегатов, которые образуют *нечто вроде парламента*».

Но в том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет парламентом в смысле буржуазно-парламентарных учреждений. В том-то вся и соль, что это «нечто вроде парламента» *не* будет только «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением бюрократического аппарата», как воображает Каутский, мысль которого не выходит за рамки буржуазного парламентаризма. В социалистическом обществе «нечто вроде парламента» из рабочих депутатов будет, конечно, «устанавливать распорядок и наблюдать за управлением» «аппарата», *но* аппарат-то этот *не* будет «бюрократическим». Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому *никто* не мог стать «бюрократом».

Каутский совершенно не продумал слов Маркса: «Коммуна была не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время издающей законы и исполняющей их» [1].

Каутский совершенно не понял разницы между буржуазным парламентаризмом, соединяющим демократию *(не для народа)* с бюрократизмом *(против народа)*, и пролетарским демократизмом, который сразу примет меры, чтобы в корне подрезать бюрократизм, и

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 34. *Ред.*

который в состоянии будет довести эти меры до конца, до полного уничтожения бюрократизма, до полного введения демократии для народа.

Каутский обнаружил здесь все то же «суеверное почтение» к государству, «суеверную веру» в бюрократизм.

Перейдем к последнему и лучшему произведению Каутского против оппортунистов, к его брошюре «Путь к власти» (кажется, не изданной по-русски, ибо она вышла в разгар реакции у нас, в 1909 году). Эта брошюра есть большой шаг вперед, поскольку в ней говорится не о революционной программе вообще, как в брошюре 1899 года против Бернштейна, не о задачах социальной революции безотносительно к времени ее наступления, как в брошюре «Социальная революция» 1902 года, а о конкретных условиях, заставляющих нас признать, что «эра революций» *наступает*.

Автор определенно указывает на обострение классовых противоречий вообще и на империализм, играющий особенно большое значение в этом отношении. После «революционного периода 1789—1871 гг.» для Западной Европы, начинается с 1905 года аналогичный период для Востока. Всемирная война надвигается с угрожающей быстротой. «Пролетариат не может уже больше говорить о преждевременной революции». «Мы вступили в революционный период». «Революционная эра начинается».

Эти заявления совершенно ясны. Эта брошюра Каутского должна служить мерилом для сравнения того, чем *обещала быть* германская социал-демократия перед империалистской войной и как низко она пала (в том числе и сам Каутский) при взрыве войны. «Теперешняя ситуация, — писал Каутский в рассматриваемой брошюре, — ведет за собой ту опасность, что нас (т. е. германскую социал-демократию) легко принять за более умеренных, чем мы есть на деле». Оказалось, что на деле германская социал-демократическая партия несравненно более умеренна и оппортунистична, чем она казалась!

Тем характернее, что при такой определенности заявлений Каутского насчет начавшейся уже эры революций, он и в брошюре, посвященной, по его собственным словам, разбору вопроса именно о «*политической* революции», опять-таки совершенно обошел вопрос о государстве.

Из суммы этих обходов вопроса, умолчаний, уклончи-

востей и получился неизбежно тот полный переход к оппортунизму, о котором нам сейчас придется говорить.

Германская социал-демократия, в лице Каутского, как бы заявляла: я остаюсь при революционных воззрениях (1899 г.). Я признаю в особенности неизбежность социальной революции пролетариата (1902 г.). Я признаю наступление новой эры революций (1909 г.). Но я все же таки иду назад против того, что̀ говорил Маркс уже в 1852 году, раз вопрос ставится о задачах пролетарской революции по отношению к государству (1912 г.).

Именно так был поставлен вопрос в упор в полемике Каутского с Паннекуком.

3. ПОЛЕМИКА КАУТСКОГО С ПАННЕКУКОМ

Паннекук выступил против Каутского, как один из представителей того «леворадикального» течения, которое числило в своих рядах Розу Люксембург, Карла Радека и других и которое, отстаивая революционную тактику, объединялось убеждением, что Каутский переходит на позицию «центра», беспринципно колеблющегося между марксизмом и оппортунизмом. Правильность этого взгляда вполне доказала война, когда течение «центра» (неправильно называемого марксистским) или «каутскианства» вполне показало себя во всем своем отвратительном убожестве.

В затронувшей вопрос о государстве статье: «Массовые действия и революция» («Neue Zeit», 1912, XXX, 2) Паннекук охарактеризовал позицию Каутского, как позицию «пассивного радикализма», «теорию бездеятельного ожидания». «Каутский не хочет видеть процесса революции» (стр. 616). Ставя вопрос таким образом, Паннекук подошел к интересующей нас теме о задачах пролетарской революции по отношению к государству.

«Борьба пролетариата, — писал он, — есть не просто борьба против буржуазии *из-за* государственной власти, а борьба *против* государственной власти... Содержание пролетарской революции есть уничтожение орудий силы государства и вытеснение их (буквально: распущение, Auflösung) орудиями силы пролетариата... Борьба прекращается лишь тогда, когда, как конечный результат ее, наступает полное разрушение государственной организации. Организация большинства доказывает свое превосходство тем, что уничтожает организацию господствующего меньшинства» (стр. 548).

Формулировка, в которую облек свои мысли Паннекук, страдает очень большими недостатками. Но мысль все же ясна, и интересно, *как* опровергал ее Каутский.

«До сих пор, — писал он, — противоположность между социал-демократами и анархистами состояла в том, что первые хотели завоевать государственную власть, вторые — ее разрушить. Паннекук хочет и того и другого» (стр. 724).

Если у Паннекука изложение страдает неотчетливостью и недостатком конкретности (не говоря здесь о других недостатках его статьи, не относящихся к разбираемой теме), то Каутский взял именно намеченную Паннекуком *принципиальную* суть дела, и *по коренному принципиальному* вопросу Каутский целиком покинул позицию марксизма, перешел вполне к оппортунизму. Различие между социал-демократами и анархистами определено у него совершенно неверно, марксизм искажен и опошлен окончательно.

Различие между марксистами и анархистами состоит в том, что (1) первые, ставя своей целью полное уничтожение государства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. (2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной машины, представляют себе совершенно неясно, *чем* ее пролетариат заменит и *как* он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. (3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают.

Против Каутского марксизм представлен именно Паннекуком, в данном споре, ибо как раз Маркс учил тому, что пролетариат не может просто завоевать государственную власть в смысле перехода в новые руки старого государственного аппарата, а должен разбить, сломать этот аппарат, заменить его новым.

Каутский уходит от марксизма к оппортунистам, ибо у него совершенно исчезает именно это разрушение государственной машины, совершенно неприемлемое для оппортунистов, и остается лазейка для них в смысле истолкования «завоевания» как простого приобретения большинства.

Чтобы прикрыть свое извращение марксизма, Каутский поступает, как начетчик: он двигает «цитату» из самого Маркса. В 1850 году Маркс писал о необходимости «решительной централизации силы в руках государственной власти»[1]. И Каутский спрашивает с торжеством: не хочет ли Паннекук разрушить «централизм»?

Это уже просто фокус, похожий на бернштейновское отождествление марксизма и прудонизма во взглядах на федерацию вместо централизма.

«Цитата» взята Каутским ни к селу, ни к городу. Централизм возможен и со старой и с новой государственной машиной. Если рабочие добровольно объединят свои вооруженные силы, это будет централизм, но он будет покоиться на «полном разрушении» государственного централистического аппарата, постоянной армии, полиции, бюрократии. Каутский поступает совершенно мошеннически, обходя прекрасно известные рассуждения Маркса и Энгельса о Коммуне и вытаскивая цитату, не относящуюся к вопросу.

«...Может быть, Паннекук хочет уничтожить государственные функции чиновников? — продолжает Каутский. — Но мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации, не говоря уже о государственном управлении. Наша программа требует не уничтожения государственных чиновников, а выбора чиновников народом... Речь идет у нас теперь не о том, какой вид примет аппарат управления в «будущем государстве», а о том, уничтожает ли (буквально: распускает, auflöst) наша политическая борьба государственную власть, *прежде чем мы ее завоевали* (курсив Каутского). Какое министерство с его чиновниками могло бы быть уничтожено?» Перечисляются министерства просвещения, юстиции, финансов, военное. «Нет, ни одно из теперешних министерств не будет устранено нашей политической борьбой против правительства... Я повторяю, чтобы избежать недоразумений: речь идет не о том, какую форму придаст «государству будущего» победоносная социал-демократия, а о том, как изменяет теперешнее государство наша оппозиция» (стр. 725).

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 7, стр. 266). *Ред.*

Это явная передержка. Паннекук ставил вопрос именно о *революции.* Это и в заглавии его статьи и в цитированных местах сказано ясно. Перескакивая на вопрос об «оппозиции», Каутский как раз и подменяет революционную точку зрения оппортунистической. У него выходит так: теперь оппозиция, а *после* завоевания власти поговорим особо. *Революция исчезает!* Это как раз то, что и требовалось оппортунистам.

Речь идет не об оппозиции и не о политической борьбе вообще, а именно о *революции.* Революция состоит в том, что пролетариат *разрушает* «аппарат управления» и *весь* государственный аппарат, заменяя его новым, состоящим из вооруженных рабочих. Каутский обнаруживает «суеверное почтение» к «министерствам», но почему они не могут быть заменены, скажем, комиссиями специалистов при полновластных и всевластных Советах рабочих и солдатских депутатов?

Суть дела совсем не в том, останутся ли «министерства», будут ли «комиссии специалистов» или иные какие учреждения, это совершенно неважно. Суть дела в том, сохраняется ли старая государственная машина (связанная тысячами нитей с буржуазией и насквозь пропитанная рутиной и косностью) или она *разрушается* и заменяется *новой.* Революция должна состоять не в том, чтобы новый класс командовал, управлял при помощи *старой* государственной машины, а в том, чтобы он *разбил* эту машину и командовал, управлял при помощи *новой* машины, — эту *основную* мысль марксизма Каутский смазывает или он совсем не понял ее.

Его вопрос насчет чиновников показывает наглядно, что он не понял уроков Коммуны и учения Маркса. «Мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации...»

Мы не обходимся без чиновников *при капитализме,* при *господстве буржуазии.* Пролетариат угнетен, трудящиеся массы порабощены капитализмом. При капитализме демократизм сужен, сжат, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нужды и нищеты масс. Поэтому, и только поэтому, в наших политических и профессиональных организациях должностные лица развращаются (или имеют тенденцию быть развращаемыми, говоря точнее) обстановкой капитализма и проявляют тенденцию к превращению в бюрократов, т. е. в оторван-

ных от масс, в стоящих *над* массами, привилегированных лиц.

В этом *суть* бюрократизма, и пока не экспроприированы капиталисты, пока не свергнута буржуазия, до тех пор неизбежна известная «бюрократизация» *даже* пролетарских должностных лиц.

У Каутского выходит так: раз останутся выборные должностные лица, значит, останутся и чиновники при социализме, останется бюрократия! Именно это-то и неверно. Именно на примере Коммуны Маркс показал, что при социализме должностные лица перестают быть «бюрократами», быть «чиновниками», перестают *по мере* введения, кроме выборности, *еще* сменяемости в любое время, *да еще* сведения платы к среднему рабочему уровню, *да еще* замены парламентарных учреждений «работающими, т. е. издающими законы и проводящими их в жизнь» [1].

В сущности, вся аргументация Каутского против Паннекука и особенно великолепный довод Каутского, что мы и в профессиональных и в партийных организациях не обходимся без чиновников, показывают повторение Каутским старых «доводов» Бернштейна против марксизма вообще. В своей ренегатской книге «Предпосылки социализма» Бернштейн воюет против идей «примитивной» демократии, против того, что̀ он называет «доктринерским демократизмом» — императивные мандаты, не получающие вознаграждения должностные лица, бессильное центральное представительство и т. д. В доказательство несостоятельности этого «примитивного» демократизма Бернштейн ссылается на опыт английских тред-юнионов в истолковании его супругами Вебб [2]. За семьдесят, дескать, лет своего развития тред-юнионы, развивавшиеся будто бы «в полной свободе» (стр. 137 нем. изд.), убедились именно в непригодности примитивного демократизма и заменили его обычным: парламентаризм, соединенный с бюрократизмом.

На деле тред-юнионы развивались не «в полной свободе», *а в полном капиталистическом рабстве,* при котором, разумеется, «не обойтись» без ряда уступок

---

[1] См. настоящий сборник, стр. 34. *Ред.*

[2] Имеется в виду книга С. и Б. Веббов «Теория и практика английского тред-юнионизма». *Ред.*

царящему злу, насилию, неправде, исключению бедноты из дел «высшего» управления. При социализме многое из «примитивной» демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ *масса* населения поднимется до *самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, *но и в повседневном управлении*. При социализме *все* будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял.

Маркс с его гениальным критически-аналитическим умом увидел в практических мерах Коммуны тот *перелом*, которого боятся и не хотят признавать оппортунисты из трусости, из-за нежелания бесповоротно порвать с буржуазией, и которого не хотят видеть анархисты либо из торопливости, либо из непонимания условий массовых социальных превращений вообще. «Не надо и думать о разрушении старой государственной машины, где же нам обойтись без министерств и без чиновников», — рассуждает оппортунист, насквозь пропитанный филистерством и, в сущности, не только не верящий в революцию, в творчество революции, но смертельно боящийся ее (как боятся ее наши меньшевики и эсеры).

«Надо думать *только* о разрушении старой государственной машины, нечего вникать в *конкретные* уроки прежних пролетарских революций и анализировать, *чем* и *как* заменять разрушаемое», — рассуждает анархист (лучший из анархистов, конечно, а не такой, который, вслед за гг. Кропоткиными и К°, плетется за буржуазией); и у анархиста выходит поэтому тактика *отчаяния*, а не беспощадно-смелой и в то же время считающейся с практическими условиями движения масс революционной работы над конкретными задачами.

Маркс учит нас избегать обеих ошибок, учит беззаветной смелости в разрушении всей старой государственной машины и в то же время учит ставить вопрос конкретно: Коммуна смогла в несколько недель *начать* строить *новую*, пролетарскую, государственную машину вот так-то, проводя указанные меры к большему демократизму и к искоренению бюрократизма. Будем учиться у коммунаров революционной смелости, будем видеть в их практических мерах *намечание* практически-насущных и немедленно-возможных мер и тогда, *идя таким путем*, мы придем к полному разрушению бюрократизма.

Возможность такого разрушения обеспечена тем, что социализм сократит рабочий день, поднимет *массы* к новой жизни, поставит *большинство* населения в условия, позволяющие *всем* без изъятия выполнять «государственные функции», а это приводит к *полному отмиранию* всякого государства вообще.

«...Задача массовой стачки, — продолжает Каутский, — никогда не может состоять в том, чтобы *разрушить* государственную власть, а только в том, чтобы привести правительство к уступчивости в каком-либо определенном вопросе или заменить правительство, враждебное пролетариату, правительством, идущим ему навстречу (entgegenkommende)... Но никогда и ни при каких условиях это» (т. е. победа пролетариата над враждебным правительством) «не может вести к *разрушению* государственной власти, а только к известной *передвижке* (Verschiebung) отношений сил *внутри государственной власти*... И целью нашей политической борьбы остается при этом, как и до сих пор, завоевание государственной власти посредством приобретения большинства в парламенте и превращение парламента в господина над правительством» (стр. 726, 727, 732).

Это уже чистейший и пошлейший оппортунизм, отречение от революции на деле при признании ее на словах. Мысль Каутского не идет дальше «правительства, идущего навстречу пролетариату», — шаг назад к филистерству по сравнению с 1847 годом, когда «Коммунистический Манифест» провозгласил «организацию пролетариата в господствующий класс» [1].

Каутскому придется осуществлять излюбленное им «единство» с Шейдеманами, Плехановыми, Вандервельдами, которые все согласны бороться за правительство, «идущее навстречу пролетариату».

А мы пойдем на раскол с этими изменниками социализму и будем бороться за разрушение всей старой государственной машины, так чтобы сам вооруженный пролетариат *был правительством*. Это — «две большие разницы».

Каутскому придется быть в приятной компании Легинов и Давидов, Плехановых, Потресовых, Церетели, Черновых, которые вполне согласны бороться за «передвижку отношений сил внутри государственной власти», за «приобретение большинства в парламенте и за всевластие парламента над правительством», — благороднейшая цель, в которой все приемлемо для оппортунистов, все остается в рамках буржуазной парламентарной республики.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., изд. 2, т. 4, стр. 446. *Ред.*

А мы пойдем на раскол с оппортунистами; и весь сознательный пролетариат будет с нами в борьбе не за «передвижку отношений силы», а за *свержение буржуазии*, за *разрушение* буржуазного парламентаризма, за демократическую республику типа Коммуны или республику Советов рабочих и солдатских депутатов, за революционную диктатуру пролетариата.

* * *

Правее Каутского в международном социализме стоят такие течения, как «Социалистический Ежемесячник»[1] в Германии (Легин, Давид, Кольб и многие другие, включая скандинавов Стаунинга и Брантинга), жоресисты и Вандервельд во Франции и Бельгии, Турати, Тревес и другие представители правого крыла итальянской партии, фабианцы и «независимцы» («независимая рабочая партия», на деле всегда бывшая в зависимости от либералов) в Англии и тому подобное. Все эти господа, играя громадную, очень часто преобладающую роль в парламентарной работе и в публицистике партии, прямо отрицают диктатуру пролетариата, проводят неприкрытый оппортунизм. Для этих господ «диктатура» пролетариата «противоречит» демократии!! Они, в сущности, ничем серьезно не отличаются от мелкобуржуазных демократов.

Принимая во внимание это обстоятельство, мы вправе сделать вывод, что второй Интернационал в подавляющем большинстве его официальных представителей вполне скатился к оппортунизму. Опыт Коммуны был не только забыт, но извращен. Рабочим массам не только не внушалось, что близится время, когда они должны будут выступить и разбить старую государственную машину, заменяя ее новой и превращая таким образом свое политическое господство в базу социалистического переустройства общества, — массам внушалось обратное, и «завоевание власти» представлялось так, что оставались тысячи лазеек оппортунизму.

Извращение и замалчивание вопроса об отношении пролетарской революции к государству не могло не

---

[1] «Социалистический Ежемесячник» («Sozialistische Monatshefte») — журнал, главный орган немецких оппортунистов и один из органов международного ревизионизма; выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. *Ред.*

сыграть громадной роли тогда, когда государства, с усиленным, вследствие империалистского соревнования, военным аппаратом, превратились в военные чудовища, истребляющие миллионы людей ради того, чтобы решить спор, Англии или Германии, тому или другому финансовому капиталу господствовать над миром.

Написано в августе—сентябре 1917 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 33

Из статьи

«РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА»

Буржуа кричат о неизбежном поражении коммуны в России, т. е. поражении пролетариата, если бы он завоевал власть.

Это лживые, корыстно-классовые крики.

Завоевав власть, пролетариат России имеет *все* шансы удержать ее и довести Россию до победоносной революции на Западе.

Ибо, во-первых, мы многому научились со времени Коммуны и не повторили бы роковых ошибок ее, не оставили бы банка в руках буржуазии, не ограничились бы обороной против наших версальцев (корниловцев тож), а перешли бы в наступление против них и раздавили их.

Во-вторых, победивший пролетариат даст России мир. И никакая сила не свергнет правительство *мира*, правительства честного, искреннего, справедливого мира, после всех ужасов более чем трехлетней бойни народов.

В-третьих, победивший пролетариат даст крестьянству немедленно землю без выкупа. И гигантское большинство крестьянства, измученное и озлобленное «игрой с помещиками», которую проделывает наше правительство, особенно «коалиционное», особенно правительство Керенского, поддержит победивший пролетариат всецело, всемерно, беззаветно.

Написано в первой половине сентября 1917 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 34

Из статьи

«ЗАПУГАННЫЕ КРАХОМ СТАРОГО И БОРЮЩИЕСЯ ЗА НОВОЕ»

Мы всегда знали, говорили, повторяли, что социализма нельзя «ввести», что он вырастает в ходе самой напряженной, самой острой, до бешенства, до отчаяния острой классовой борьбы и гражданской войны, — что между капитализмом и социализмом лежит долгий период «родовых мук», — что насилие всегда бывает повивальной бабкой старого общества, — что переходному периоду от буржуазного к социалистическому обществу соответствует особое государство (т. е. особая система организованного насилия над известным классом), именно: диктатура пролетариата. А диктатура предполагает и означает состояние придавленной войны, состояние военных мер борьбы против противников пролетарской власти. Коммуна была диктатурой пролетариата, и Маркс с Энгельсом ставили в упрек Коммуне, считали одною из причин ее гибели то обстоятельство, что Коммуна *недостаточно* энергично пользовалась своей вооруженной силой для подавления сопротивления эксплуататоров [1].

Написано 24—27 декабря 1917 г. (6—9 января 1918 г.)

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 35

---

[1] См. письма К. Маркса В. Либкнехту от 6 апреля 1871 г. и Л. Кугельману от 12 апреля 1871 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 33, стр. 168—170, 172—173). *Ред.*

ИЗ «ДОКЛАДА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ» НА ТРЕТЬЕМ ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ РАБОЧИХ, СОЛДАТСКИХ И КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ 11(24) ЯНВАРЯ 1918 г.

Товарищи! От имени Совета Народных Комиссаров я должен представить вам доклад о деятельности его за 2 месяца и 15 дней, протекших со времени образования Советской власти и Советского правительства в России.

2 месяца и 15 дней — это всего на пять дней больше того срока, в течение которого существовала предыдущая власть рабочих над целой страной, или над эксплуататорами и капиталистами, — власть парижских рабочих в эпоху Парижской Коммуны 1871 года.

Эту власть рабочих мы должны вспомнить, прежде всего, бросая взгляд назад и сравнивая ее с Советской властью, образовавшейся 25 октября. И из этого сравнения предыдущей диктатуры пролетариата и настоящей мы сразу можем видеть, какой гигантский шаг сделало международное рабочее движение и в каком неизмеримо более благоприятном положении находится Советская власть в России, несмотря на неслыханно сложные условия в обстановке войны и разрухи.

Продержавшись 2 месяца и 10 дней, парижские рабочие, впервые создавшие Коммуну, которая представляет зачаток Советской власти, погибли под расстрелом французских кадетов, меньшевиков и правых эсеров-калединцев. Французским рабочим пришлось заплатить небывало тяжелыми жертвами за первый опыт рабочего правительства, смысл и цели которого не знало громадное большинство крестьян во Франции.

Мы находимся в гораздо более благоприятных обстоятельствах, потому что русские солдаты, рабочие и кре-

стьяне сумели создать аппарат, который об их формах борьбы оповестил весь мир, — Советское правительство. Вот что, прежде всего, изменяет положение русских рабочих и крестьян по сравнению с властью парижского пролетариата. Они не имели аппарата, их не поняла страна, — мы сразу же опирались на Советскую власть и поэтому для нас никогда не было сомнения в том, что Советская власть пользуется сочувствием и самой горячей, самой беззаветной поддержкой гигантского большинства масс, и что поэтому Советская власть непобедима.

Люди, которые относились скептически к Советской власти и часто, сознательно или бессознательно, продавали и предавали ее на соглашательство с капиталистами и империалистами, эти люди прокричали все уши про то, что в России не может удержаться власть исключительно одного пролетариата. Как будто кто-либо из большевиков и их сторонников забывал хоть на минуту, что в России может быть продолжительной только та власть, которая сумеет сплотить рабочий класс, большинство крестьян, все трудящиеся и эксплуатируемые классы в одну, неразрывно связанную между собою, силу, борющуюся против помещиков и буржуазии.

Мы никогда не сомневались в том, что только союз рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев, о котором говорит наша партийная программа, может охватить в России большинство населения и обеспечить прочную поддержку власти. И нам удалось, после 25 октября, сразу, в течение нескольких недель, преодолеть все затруднения и основать власть на основе такого прочного союза.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 35

ИЗ «ДОКЛАДА О ПЕРЕСМОТРЕ ПРОГРАММЫ И ИЗМЕНЕНИИ НАЗВАНИЯ ПАРТИИ» НА VII ЭКСТРЕННОМ СЪЕЗДЕ РКП(б) 8 МАРТА 1918 г.

Когда рабочие создали собственное государство, они подошли к тому, что старое понятие демократизма, — буржуазного демократизма, — оказалось в процессе развития нашей революции превзойденным. Мы пришли к тому типу демократии, который в Западной Европе нигде не существовал. Он имел свой прообраз только в Парижской Коммуне, а про Парижскую Коммуну Энгельс выражался, что Коммуна не была государством в собственном смысле слова. Одним словом, поскольку сами трудящиеся массы берутся за дело управления государством и создания вооруженной силы, поддерживающей данный государственный порядок, постольку исчезает особый аппарат для управления, исчезает особый аппарат для известного государственного насилия, и постольку, следовательно, и за демократию, в ее старой форме, мы не можем стоять...

Дальше, нашей задачей является характеристика советского типа государства. Я по этому вопросу старался изложить теоретические взгляды в книге «Государство и революция». Мне кажется, что марксистский взгляд на государство в высшей степени искажен был господствовавшим официальным социализмом Западной Европы, что замечательно наглядно подтвердилось опытом советской революции и создания Советов в России. В наших Советах еще масса грубого, недоделанного, это не подлежит сомнению, это ясно всякому, кто присматривался к их работе, но что в них важно, что исторически ценно, что представляет шаг вперед во всемирном развитии со-

циализма — это то, что здесь создан новый тип государства. В Парижской Коммуне это было на несколько недель, в одном городе, без сознания того, что делали. Коммуны не понимали те, кто ее творил, они творили гениальным чутьем проснувшихся масс, и ни одна фракция французских социалистов не сознавала, что она делает. Мы находимся в условиях, когда, благодаря тому, что мы стоим на плечах Парижской Коммуны и многолетнего развития немецкой социал-демократии, мы можем ясно видеть, что мы делаем, создавая Советскую власть. Народными массами, несмотря на всю ту грубость, недисциплинированность, что есть в Советах, что есть пережиток мелкобуржуазного характера нашей страны, — несмотря на все это, новый тип государства создан. Он применяется не неделями, а месяцами, не в одном городе, а в громадной стране, в нескольких нациях.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 36

Из произведения

«ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РЕНЕГАТ КАУТСКИЙ»

Увертка вторая. Парижская Коммуна была диктатурой пролетариата, а выбрана она была *всеобщим* голосованием, т. е. без лишения буржуазии ее избирательных прав, т. е. *«демократически»*. И Каутский торжествует: «...Диктатура пролетариата была, для Маркса» (или: по Марксу), «состоянием, которое с необходимостью вытекает из чистой демократии, если пролетариат составляет большинство» (bei überwiegendem Proletariat, S. 21).

Этот довод Каутского настолько забавен, что, поистине, испытываешь настоящее embarras de richesses (затруднение от обилия... возражений). Во-первых, известно, что цвет, штаб, верхи буржуазии бежали из Парижа в Версаль. В Версале был «социалист» Луи Блан, что̀, между прочим, показывает лживость утверждения Каутского, будто в Коммуне участвовали «все направления» социализма. Не смешно ли изображать «чистой демократией» с «всеобщим голосованием» разделение жителей Парижа на два воюющих лагеря, один из которых сконцентрировал всю боевую, политически активную буржуазию?

Во-вторых, Коммуна боролась с Версалем, как рабочее правительство *Франции* против буржуазного. Причем же тут «чистая демократия» и «всеобщее голосование», когда Париж решал судьбу Франции? Когда Маркс находил, что Коммуна сделала ошибку, не взяв банка, который принадлежал всей Франции[1], то не исходил ли Маркс из принципов и практики «чистой демократии»??

---

[1] Эта мысль была высказана Энгельсом во «Введении» к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» (см. настоящий сборник, стр. 143). *Ред.*

Право же, видно, что Каутский пишет в такой стране, в которой полиция запрещает людям «скопом» смеяться, иначе Каутский был бы убит смехом.

В-третьих. Позволю себе почтительно напомнить наизусть знающему Маркса и Энгельса господину Каутскому следующую оценку Коммуны Энгельсом с точки зрения... «чистой демократии»:

«Видали ли когда-нибудь революцию эти господа» (антиавторитаристы)? «Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?» [1].

Вот вам и «чистая демократия»! Как бы осмеял Энгельс того пошлого мещанина, «социал-демократа» (в французском смысле — 40-х годов и в общеевропейском — 1914—1918 годов), который вздумал бы вообще говорить о «чистой демократии» в обществе, разделенном на классы!

Но довольно. Перечислить все отдельные нелепости, до которых договаривается Каутский, вещь невозможная, ибо у него в каждой фразе бездонная пропасть ренегатства.

Маркс и Энгельс подробнейшим образом анализировали Парижскую Коммуну, показали, что ее заслугой была попытка *разбить, сломать* «готовую государственную машину». Маркс и Энгельс этот вывод считали столь важным, что *только* эту поправку внесли в 1872 году к «устарелой» (частями) программе «Коммунистического Манифеста» [2]. Маркс и Энгельс показали, что Коммуна

---

[1] Ленин цитирует статью Ф. Энгельса «Об авторитете» (см. настоящий сборник, стр. 120). *Ред.*

[2] Имеется в виду Предисловие К. Маркса и Ф. Энгельса к немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии», написанное в 1872 году (см. Соч., изд. 2, т. 18, стр. 90). *Ред.*

уничтожала армию и чиновничество, уничтожала *парламентаризм*, разрушала «паразитический нарост — государство» и т. д., а премудрый Каутский, надев ночной колпак, повторяет то, что тысячу раз говорили либеральные профессора, — сказки про «чистую демократию».

Недаром сказала Роза Люксембург 4 августа 1914 г., что немецкая социал-демократия теперь есть *смердящий труп*...

Возьмите устройство государства. Каутский хватается за «мелочи» вплоть до того, что выборы «непрямые» (в Советской конституции), но сути дела не видит. *Классовой* сущности государственного аппарата, государственной машины, он не замечает. В буржуазной демократии капиталисты тысячами проделок — тем более искусных и верно действующих, чем развитее «чистая» демократия, — *отталкивают* массы от участия в управлении, от свободы собраний и печати и т. д. Советская власть *первая* в мире (строго говоря, вторая, ибо то же самое начала делать Парижская Коммуна) *привлекает* массы, именно *эксплуатируемые* массы, к управлению. Участие в буржуазном парламенте (который *никогда* не *решает* серьезнейших вопросов в буржуазной демократии: их решает биржа, банки) *загорожено* от трудящихся масс тысячами загородок, и рабочие великолепно знают и чувствуют, видят и осязают, что буржуазный парламент *чужое* учреждение, *орудие угнетения* пролетариев буржуазией, учреждение враждебного класса, эксплуататорского меньшинства...

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ РАВЕНСТВО ЭКСПЛУАТИРУЕМОГО С ЭКСПЛУАТАТОРОМ?

Каутский рассуждает следующим образом:

(1) «Эксплуататоры составляли всегда лишь небольшое меньшинство населения» (стр. 14 книжки Каутского).

Это бесспорная истина. Как следует рассуждать, исходя из этой истины? Можно рассуждать по-марксистски, социалистически; тогда надо взять за основу отношение эксплуатируемых к эксплуататорам. Можно рассуждать по-либеральному, буржуазно-демократически; тогда надо взять за основу отношение большинства к меньшинству.

Если рассуждать по-марксистски, то приходится сказать: эксплуататоры неминуемо превращают государство (а речь идет о демократии, то есть об одной из форм государства) в орудие господства своего класса, эксплуататоров, над эксплуатируемыми. Поэтому и демократическое государство, пока есть эксплуататоры, господствующие над большинством эксплуатируемых, неизбежно будет демократией для эксплуататоров. Государство эксплуатируемых должно коренным образом отличаться от такого государства, должно быть демократией для эксплуатируемых и *подавлением эксплуататоров*, а подавление класса означает неравенство этого класса, изъятие его из «демократии».

Если рассуждать по-либеральному, то придется сказать: большинство решает, меньшинство повинуется. Неповинующихся наказывают. Вот и все. Ни о каком классовом характере государства вообще, «чистой демократии» в частности, рассуждать не к чему; к делу это не относится, ибо большинство есть большинство, а меньшинство есть меньшинство. Фунт мяса есть фунт мяса, и баста.

Каутский рассуждает именно так:

(2) «По каким бы причинам надо было господству пролетариата принимать и необходимо принимать такую форму, которая несовместима с демократией?» (стр. 21). Следует пояснение того, что пролетариат имеет на своей стороне большинство, пояснение весьма обстоятельное и весьма многословное, и с цитатой из Маркса, и с цифрами голосов в Парижской Коммуне. Вывод: «Режим, который так сильно коренится в массах, не имеет ни малейшего повода посягать на демократию. Он не всегда сможет обойтись без насилия, в тех случаях, когда насилие пускается в ход, чтобы подавить демократию. На насилие можно отвечать только насилием. Но режим, который знает, что за ним массы, будет применять насилие лишь для того, чтобы *охранять* демократию, а не для того, чтобы *уничтожать* ее. Он совершил бы прямо-таки самоубийство, если бы захотел устранить свою самую надежную основу, всеобщее избирательное право, глубокий источник могучего морального авторитета» (стр. 22).

Вы видите: отношение эксплуатируемых к эксплуататорам из аргументации Каутского исчезло. Осталось только большинство вообще, меньшинство вообще,

демократия вообще, уже знакомая нам «чистая демократия».

Заметьте, что это говорится *в связи с Парижской Коммуной!* Приведем же для наглядности, как Маркс и Энгельс говорили о диктатуре *в связи с Коммуной:*

Маркс: «...Если рабочие на место диктатуры буржуазии ставят свою революционную диктатуру... чтобы сломать сопротивление буржуазии... рабочие придают государству революционную и преходящую форму...» [1]

Энгельс: «...Победившая» (в революции) «партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?..» [2]

Он же: «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще нуждается в государстве, он нуждается в нем не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников; а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать...» [3]

Между Каутским и Марксом с Энгельсом расстояние, как — небо от земли, как между либералом и пролетарским революционером. Чистая демократия и просто «демократия», о которой говорит Каутский, есть лишь пересказ того же самого «свободного народного государства», т. е. *чистая бессмыслица.* Каутский с ученостью ученейшего кабинетного дурака или с невинностью 10-летней девочки вопрошает: зачем бы это нужна была диктатура, ежели есть большинство? А Маркс и Энгельс разъясняют:

— — Затем, чтобы сломать сопротивление буржуазии,

— — затем, чтобы внушать реакционерам страх,

---

[1] См. статью К. Маркса «Политический индифферентизм» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 18, стр. 297). *Ред.*

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 18, стр. 305. *Ред.*

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., изд. 2, т. 34, стр. 103—104. *Ред.*

— — затем, чтобы поддержать авторитет вооруженного народа против буржуазии,

— — затем, чтобы пролетариат мог насильственно подавить своих противников.

Каутский этих разъяснений не понимает. Влюбленный в «чистоту» демократии, не видящий ее буржуазности, он «последовательно» стоит на том, что большинству, раз оно большинство, не нужно «ломать сопротивления» меньшинства, не нужно «насильственно подавлять» его, — достаточно подавлять *случаи* нарушения демократии. Влюбленный в «чистоту» демократии, Каутский *нечаянно* совершает ту самую маленькую ошибку, которую всегда делают все буржуазные демократы, именно: он формальное равенство (насквозь лживое и лицемерное при капитализме) принимает за фактическое! Мелочь!

Эксплуататор не может быть равен эксплуатируемому.

Эта истина, как она ни неприятна Каутскому, составляет существеннейшее содержание социализма.

Написано в октябре — не позднее ноября 1918 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 37

ИЗ «ТЕЗИСОВ И ДОКЛАДА О БУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ И ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА» НА I КОНГРЕССЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА 4 МАРТА 1919 г.

5. Парижская Коммуна, которую на словах чествуют все, желающие слыть социалистами, ибо они знают, что рабочие массы горячо и искренне сочувствуют ей, показала особенно наглядно историческую условность и ограниченную ценность буржуазного парламентаризма и буржуазной демократии — учреждений, в высокой степени прогрессивных по сравнению с средневековьем, но неизбежно требующих коренной перемены в эпоху пролетарской революции. Именно Маркс, который лучше всего оценил историческое значение Коммуны, анализируя ее, показал эксплуататорский характер буржуазной демократии и буржуазного парламентаризма, когда угнетенные классы получают право один раз в несколько лет решать, какой представитель имущих классов будет «представлять и подавлять» (ver- und zertreten) народ в парламенте[1]. Как раз теперь, когда советское движение, охватывая весь мир, на глазах у всех продолжает дело Коммуны, изменники социализма забывают конкретный опыт и конкретные уроки Парижской Коммуны, повторяя старый буржуазный хлам о «демократии вообще». Коммуна была не парламентским учреждением.

6. Значение Коммуны, далее, состоит в том, что она сделала попытку разбить, разрушить до основания буржуазный государственный аппарат, чиновничий, судейский, военный, полицейский, заменив его самоуправляю-

---

[1] См. *К. Маркс.* «Гражданская война во Франции» (см. настоящий сборник, стр. 36). *Ред.*

щейся массовой организацией рабочих, которая не знала разделения законодательной и исполнительной власти. Все современные буржуазно-демократические республики, в том числе германская, которую изменники социализма в насмешку над истиной называют пролетарской, сохраняют этот государственный аппарат. Таким образом, подтверждается еще и еще раз вполне наглядно, что крики в защиту «демократии вообще» на деле представляют из себя защиту буржуазии и ее эксплуататорских привилегий...

19. Только советская организация государства в состоянии действительно разбить сразу и разрушить окончательно старый, т. е. буржуазный, чиновничий и судейский аппарат, который сохранялся и неизбежно должен был сохраняться при капитализме даже в самых демократических республиках, будучи фактически наибольшей помехой проведению демократизма в жизнь для рабочих и трудящихся. Парижская Коммуна сделала первый всемирно-исторический шаг по этому пути, Советская власть — второй.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 37

Из статьи

«ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ЕГО МЕСТО В ИСТОРИИ»

Советская или пролетарская демократия родилась в России. По сравнению с Парижской Коммуной был сделан второй всемирно-исторический шаг. Пролетарски-крестьянская Советская республика оказалась первой в мире устойчивой социалистической республикой. Она не может уже умереть, как *новый тип государства*. Она стоит уже теперь не одиноко.

Для продолжения работы строительства социализма, для доведения ее до конца требуется еще очень и очень многое. Советские республики стран более культурных, с большим весом и влиянием пролетариата, имеют все шансы обогнать Россию, раз они встанут на путь диктатуры пролетариата.

Обанкротившийся II Интернационал умирает теперь и разлагается заживо. Он играет фактически роль прислужника международной буржуазии. Это настоящий желтый Интернационал. Его крупнейшие идейные вожди, вроде Каутского, прославляют *буржуазную* демократию, называя ее «демократией» вообще или — что́ еще глупее и еще грубее — «чистой демократией».

Буржуазная демократия отжила, как отжил и II Интернационал, делавший исторически-необходимую, полезную работу, когда на очереди дня стояла подготовка рабочих масс в рамках этой буржуазной демократии.

Самая демократическая буржуазная республика не была никогда и не могла быть ничем иным, как машиной для подавления трудящихся капиталом, как орудием политической власти капитала, диктатурой буржуазии.

Демократическая буржуазная республика обещала власть большинству, провозглашала ее, но никогда не могла осуществить ее, пока существовала частная собственность на землю и прочие средства производства.

«Свобода» в буржуазной демократической республике была на деле свободой *для богатых*. Пролетарии и трудящиеся крестьяне могли и должны были использовать ее для подготовки своих сил к свержению капитала, к преодолению буржуазной демократии, но *фактически* пользоваться демократией при капитализме трудящиеся массы, по общему правилу, не могли.

Впервые в мире советская или пролетарская демократия создала *демократию* для масс, для трудящихся, для рабочих и мелких крестьян.

Никогда еще не было в мире такой государственной власти *большинства* населения, власти этого большинства *на деле*, как Советская власть.

Она подавляет «свободу» эксплуататоров и их пособников, она отнимает у них «свободу» эксплуатировать, «свободу» наживаться на голоде, «свободу» борьбы за восстановление власти капитала, «свободу» соглашения с иноземной буржуазией против отечественных рабочих и крестьян.

Пусть Каутские защищают такую свободу. Для этого надо быть ренегатом марксизма, ренегатом социализма.

Ни в чем крах идейных вождей II Интернационала, таких как Гильфердинг и Каутский, не выразился так ярко, как в их полной неспособности понять значение советской или пролетарской демократии, ее отношения к Парижской Коммуне, ее исторического места, ее необходимости, как формы диктатуры пролетариата...

Москва, 15 апреля 1919 г.

Печатается по тексту Полного собрания сочинений В. И. Ленина, т. 38

СОДЕРЖАНИЕ

В. И. ЛЕНИН

М27 **К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о Парижской Коммуне. М., Политиздат, 1971.**

На обороте тит. л. сост.: К. И. Сванидзе.

295 с.

Сборник состоит из произведений, речей и писем К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, посвященных истории, значению и урокам Парижской Коммуны.

Предназначен сборник для партийного актива, пропагандистов, преподавателей общественных наук, студентов — всех, кто интересуется историей международного революционного движения.

$\frac{1-1-1-2}{5-71}$

3К4+9 (М) 32

Редактор *Г. К. Фокина*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *А. Г. Виноградова*

Корректоры *Н. В. Егорова, Н. А. Жигальцова*

Сдано в набор 12 августа 1970 г. Подписано в печать 9 ноября 1970 г. Формат 84×108[1]/32. Бумага печатная № 1. Условн. печ. л. 13,54. Учетно-изд. л. 13,87. Тираж 45 тыс экз. Заказ № 1336. Цена 56 коп.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Отпечатано с готовых матриц в типографии им. Володарского Лениздата. Заказ 1729.

К. МАРКС, Ф. ЭНГЕЛЬС, В. И. ЛЕНИН О ПАРИЖСКОЙ КОММУНЕ